

ROMAN MYSTIQUE

ДЖИН КАЛОГРИДИС

Дети Вампира

Дневники Аннестин Дракула

Джинн Калогридис

Дети вампира

Серия «Дневники династии Дракула», книга 2

OCR Денис, вычитка Анна (ann-diam@yandex.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158143

Джинн Калогридис. Дети вампира: Эксмо, Домино; Москва; 2006

ISBN 5-699-18306-X

Оригинал: JeanneKalogridis, "Children of the Vampire"

Перевод:

И. Б. Иванов

Аннотация

Много столетий минуло с тех пор, как кровожадный и жестокий граф Дракула заключил договор с дьяволом и превратился в могущественного бессмертного вампира. Однако, желая приумножить свою и без того практически неограниченную власть над миром, он нарушил договор. Теперь во искупление вины Дракула любыми способами должен погубить душу одного из своих потомков.

Кто сможет ему помешать? У кого хватит сил и мужества сразиться с самим воплощением зла?

Содержание

Рассказ Дуни Мороз	8
Румыния	14
Пролог	14
Глава 1	16
Глава 2	66
Амстердам	96
Глава 3	96
Глава 4	117
Глава 5	141
Глава 6	165
Глава 7	177
Глава 8	208
Глава 9	213
Глава 10	223
Глава 11	237
Глава 12	252
Глава 13	267
Глава 14	271
Глава 15	293
Глава 16	308
Глава 17	316
Глава 18	341
Глава 19	384

Глава 20	393
Глава 21	411
Эпилог	414
Благодарности	420

Джинн Калогридис

Дети вампира

*Да восстанет против тебя кровь твоя!
Древнее уэксфордское проклятие*

Посвящается S.

Рассказ Дуни Мороз

(выдержки из дневника Мери Уиндем-Цепеш)

17 апреля 1845 года

Историю про договор со стригоем рассказываю так, как слышала от своей матери, а она – от своей матери, а та – от своей.

Давным-давно – скоро четыре века будет – стригой был обычным человеком, и звали его Влад Третий, поскольку он являлся воеводой, то есть правителем, Валахии – края, что лежит к югу от нас. Но многие называли его Владом Цепешем, или Колосажателем. Сильно его боялись; мстительный он был и кровожадный. Много страшных преступлений он совершил, и за это дали ему прозвище Дракула – сын дьявола.

А еще рассказывали про его невероятную жестокость, особенно к предателям и обманщикам. У неверных жен он приказывал отрезать женские части и кожу заживо сдирать. Тела их привязывали к одному столбу, а содранную кожу – к другому. Так и висели, чтобы все видели и боялись. Еще, бывало, приказывал он воткнуть неверной жене кол между ног, а тот затем у нее изо рта выходил. Кто его власти противился, тех Дракула тоже жестоко казнил: кожу заживо сдирал или на кол сажал. Если женщина с кем согрешила и тайком ребенка родила и про это узнавали, велел Дракула ей кол в

спину вогнать, чтобы промеж грудей вышел. А потом и младенца на этот кол насаживали.

Рассказывают, однажды приехали к нему послы итальянские. Сняли шляпы, а под шляпами у них шапочки маленькие. И был у них обычай: шапочки эти никогда и ни перед кем не снимать. Даже перед ихним императором.

– Хороший у вас обычай, – сказал им Дракула. – Сейчас я его еще крепче сделаю.

И приказал своим людям гвоздями прибить послам шапочки прямо к головам.

Хоть и жесток был Дракула, но народ его почитал. Пока он правил, ни обмана, ни воровства в его земле не было. Все боялись суда скорого и жестокого. В те дни, говорили, хоть золото на дороге бросай – никто не посмеет взять. Почитали Дракулу и за справедливое отношение к крестьянам, и за храбрость в битвах против турок. Бесстрашным и умелым воином он был.

Но настал день – Дракула опять воевал с турками, – когда слуга его, который к туркам переметнулся, предал своего господина и убил его.

И пошли слухи: мертв Дракула. Но, по правде, он все это знал наперед, знал, что так будет. В то время венгерские и молдавские войска ушли и оставили его одного воевать с турками. А еще говорят, так сильно жаждал Дракула крови и власти, что заключил договор с самим дьяволом. И пообещал ему дьявол: будет он пить кровь людскую, и станет

бессмертным, и власть его не кончится. Потому Дракула и на смерть так легко пошел. Знал, что скоро поднимется из мертвых.

Так оно и случилось. Стал стригой бессмертным. Взял он свою семью и бежал из Валахии сюда, в Трансильванию. Турки на эти края набегов почти не делали, да и Дракулу здесь не особо знали. А он еще нарочно говорил, что он – не он, а его родной брат. Но люди не верили и меж собой шептались.

И сделался он вскоре хозяином над одной деревней (домнул, по-нашему). Ленивых и непокорных крестьян жестоко наказывал, а к тем, кто верно служил ему, был добр и щедр. Да только все равно настали для жителей этой деревни тяжелые времена. Многие поумирали от укусов стригоя. Узнали про это и в других деревнях и тоже испугались. И не надо было здешним крестьянам щедростей стригоя, разбежались они кто куда. Нашлись храбрые люди, решили бороться с ним. Находились и такие, кто пытался его убить. Стал стригой опасаться за свою жизнь. И что в замке у него творилось, тоже известно сделалось. Стригой умел повелевать чужим разумом, но сила его не бесконечная была: двух-трех человек мог еще удержать, а вот всю деревню – нет. Уже по всей Трансильвании о нем знали. А стригоя без свежей крови никак нельзя, иначе помрет с голоду.

И тогда он собрал самых старых и мудрых людей в деревне и предложил им заключить договор. Стригой пообещал, что больше никого из здешних крестьян не тронет, а станет

заботиться о них так, как никакой домнул никогда о своих крестьянах не заботился. Еще пообещал он, что волки перестанут нападать на скот. А за это крестьяне должны заманивать в замок чужестранцев и разных других пришлых людей и крепко молчать про договор.

Крестьяне согласились, и с той поры в деревне зажили богато и сытно. Никого больше Дракула не убивал, разве что непослушных, которые поперек воли его шли. Так минуло много лет. Крестьяне забыли, что такое недоедать. Когда Наполеон напал на Трансильванский край, вокруг такой голод страшный был, а мимо нашей деревни все стороной катилось. Волки даже зимой на скот и лошадей не нападали. У крестьян обычай такой появился: отдавать стригую младенцев, которые больными или увечными родились и все равно не жильцы на белом свете. Таких младенцев все больше становится, потому что люди из других мест про договор все-таки узнали, и ни женихов, ни невест в нашу деревню теперь не заманишь. А когда женятся только на своих и замуж только за своих выходят, больные дети не редкость.

И еще пообещал стригой, когда договор заключал: других стригоев не будет. Он один. Так и ему хорошо, и людям. А потому всех, у кого он кровь пил, он потом убивал, колом протыкал и голову отрезал, чтобы не встали.

Но хоть много хорошего своим крестьянам сделал он, а боятся его в деревне. Шепчутся, страшные истории рассказывают про то, как стригой расправляется с теми, кто дого-

вор нарушает, кто повредить ему пытается или предостерегает тех, кого он себе в жертву выбрал. Находились смельчаки, хотели убить стригоя, да только он жив, а у них и косточки сгнили.

Вслух никто не скажет, а про себя-то многие крестьяне ему смерти желают. С полей его кормятся, на хлебах его жиреют, но все равно мечтают, чтобы он сгинул.

А еще рассказывают, что такой же договор стригой заключил со своей семьей. Пообещал им, что никого не тронет и будут они жить счастливо, даже не подозревая, кто он есть на самом деле.

* * *

Я спросила Дуню про договор между Владом и его семьей.

– Я ведь говорила вам, доамнэ. Такой же договор, какой он заключил с крестьянами. Он не будет делать зла никому из своих.

– Да, я помню. Но в обмен на что?

Дуня опустила глаза и тяжело вздохнула. Чувствовалось, что ей не хотелось возвращаться к этой теме. Я не отставала. Тогда Дуня такими же бесхитростными словами, как и в прошлый раз, рассказала о договоре Влада с семьей.

– Он обещал, что не тронет никого из своих, и любой может уехать из замка и жить счастливо, даже не зная, кто он есть на самом деле. Но за это старший сын в каждом поко-

лении – не старший по рождению, а тот, кто до взрослых лет доживет, – должен быть ему помощником.

Мое сердце сжалось от ужаса. Я и так все прекрасно поняла, но все же уточнила:

– Что значит "должен быть ему помощником"?

Дуня отвернулась, не в силах выдержать моего испуганного взгляда.

– То и значит, доамнэ, что он должен ему помогать. Следить, чтобы у стригоя всегда была пища. Это нужно для блага вашей семьи, для блага нашей деревни и всей округи.

* * *

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА АРКАДИЯ ЦЕПЕША

21 апреля 1845 года

– Нет! – выдохнула Жужанна.

В этом коротком слове, произнесенном резким, свистящим шепотом, мне вдруг почудился блеск ритуального ножа, готового полоснуть по нежной детской коже.

– В таком случае ты ничего не знаешь о настоящем договоре с дьяволом... Владу нужно не только твое пособничество. Ему нужна твоя душа, Каша, как были нужны души нашего отца, деда, прадеда. В каждом поколении Цепешей он должен заполучить душу старшего из сыновей, достигших взрослого возраста. Это и есть золото, которым Влад оплачивает собственное бессмертие.

Румыния

Октябрь 1845 года

Пролог

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ДРАКУЛА

Недатированная запись, сделанная на отдельном листе

Позволю себе начать с момента собственной смерти, поскольку начать мои нынешние записи лучше всего именно с него.

Я пишу все это для тебя, мой сын, мой дорогой Стефан. Нас с тобой разлучили спустя несколько часов после твоего рождения. А еще через несколько часов мне пришлось расстаться с твоей храброй матерью и со своей жизнью. Я должен поведать о подстерегающем тебя чудовищном зле, ибо будет лучше, если ты окажешься осведомленным о доставшемся тебе страшном наследии. Возможно, это поможет тебе избежать участи наших предков. Я пишу эти строки, веря, что они непременно дойдут дотебя, причем раньше, чем до тебя доберется он.

Итак, ты являешься смертным потомком бессмертного чудовища по имени Влад. Официально он известен как граф Цепеш (по-румынски эта фамилия означает "Колоса-

жатель"), но его также называют Дракула – сын дьявола. Я – твой отец – связан с ним кровными узами и узами судьбы. Когда его злобная душа расстанется с телом, сгину и я. Влад обязательно постарается привязать к себе и тебя, дабы твоей душой расплатиться за свое бессмертие. А когда у тебя родится сын, Дракула постарается завладеть и его невинной душой, продлив себе существование еще на несколько десятков лет.

Моя человеческая жизнь оборвалась в лесной глуши, вечером, когда это чудовище настигло нас с твоей матерью. Мери удалось бежать (тебя мы отправили другим путем, с человеком, посланным нам самим Богом), я же остался умирать на руках Влада. Моя душа тогда была еще чиста, и мне оставалось одно мгновение, чтобы умереть и тем самым уничтожить этого негодяя. Но Влад все-таки успел сделать меня подобным себе – вампиром. Он запер мою душу между небесами и землей, чем отсрочил собственную гибель.

И теперь я – такое же чудовище, как он. Мне совершенно неизвестно, что случилось с тобой и моей дорогой женой, твоей матерью. Но знаю: наступит долгожданный миг, когда я собственными глазами увижу мучительную смерть Влада и твое освобождение от проклятия, тяготеющего над нашим родом.

Глава 1

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ДРАКУЛА

30 октября 1845 года

Дракон пробуждается.

Так обычно говорят крестьяне, когда над озером Германштадт¹ начинается гроза. Кажется, что от грохота сотрясаются окрестные горы. В громовых раскатах невежественным людям слышится голос драка – большого дракона, они верят, будто это сам дьявол предупреждает беспечные души о своем приближении. Но зрелище разбушевавшейся стихии завораживает, многие не в силах отвести взор от вздымающихся волн. И потому каждый год здесь гибнут десятки людей, пораженные молнией.

Солнце уже почти село, а я, подобно буре, только-только проснулся. Я не боюсь разгула стихии. Я сижу на холодной земле под соснами, и, когда начнется ливень, разлапистые ветви скроют меня от дождя. Над озером непрерывно сверкают молнии, высвечивая угрожающе нависшие громады туч и столь же угрожающе вздымающиеся волны, ставшие могилой для многих неосторожных. Я жажду смерти, но

¹ Германштадта в действительности не существует. Это название Дж. Калогридис взяла из работы Эмили Джерард «Трансильванские суеверия», изданной в 1885 г. Но труд миссис Джерард не отличался точностью, поэтому в данном случае, скорее всего, имеется в виду озеро Баля, находящееся в горах к югу от городка Сибиу, в прошлом Германштадта – Здесь и далее примечания переводчика.

ее сладостное забытие не для меня. Пока не завершится моя миссия, я не имею права даже мечтать об этом...

Воздух напоен грозой. Всполохи молний слепят меня, вызывая в глазах резь, какую я испытывал в прошлом, когда глядел на полуденное солнце. Сейчас мне не требуется много света – в сумерках, предвещающих безлунный вечер, я вижу как днем. Я отчетливо различаю хвою на сосновых ветках, очертания гор, иссиня-черную воду, серовато-бурые пучки пожухлой травы на берегу.

Вот опять прогремел гром небесный, и горы, окружающие озеро, многократно повторили его. Какой ужасающий грохот! Неудивительно, что погрязшие в невежестве и суеверии крестьяне считают его голосом главного злодея – дьявола.

Однако для моих ушей громовые раскаты звучат не предостережением, а приглашением в Шоломанчу² – школу тьмы, где избранные дьявола постигают тайны черной магии, отдавая взамен свои души.

Я уже потерял и душу, и свою жизнь обычного смертного человека. И все же я колеблюсь и пока не спешу углубиться во Зло даже ради борьбы с ним.

Моя судьба страшна и горька. Я хотел, пожертвовав своей жизнью, спасти жену и сына. Он не дал мне умереть, сделав чудовищем. Я мог бы оборвать это мучительное существо-

² Это слово (по-английски the Sholomance) является искаженной формой румынского Solomonari. Доказательств существования подобной школы до сих пор не найдено.

вание, которое нельзя назвать ни жизнью, ни смертью. Но я сознательно решил остаться тем, кем уже стал, дабы спасти не только своих близких, но и все грядущие поколения моего рода. Я не покину этот мир до тех пор, пока не уничтожу Влада – самое отвратительное чудовище, моего далекого предка и заклятого врага.

Более полугода я не прикасался к своему дневнику. Не было сил продолжать его. Что я мог выплеснуть на страницы, кроме бесконечного отчаяния, полностью овладевшего моей душой? Каково сознавать, что эту тетрадь я начинал, будучи человеком, а продолжаю, став одним из тех кровожадных монстров, в реальность которых прежде не верил? Но сейчас я чувствую необходимость вернуться к дневнику и подробно описать все, что произошло за минувшие месяцы. Зачем? На тот случай, если (да помешает Господь этому!) я потерплю неудачу, а Влада в очередной раз повезет.

Я уже пытался уничтожить его, наивно думая, что достаточно подготовлен для этого. На следующую же ночь после моего жуткого воскрешения (пишу это слово, не найдя более точного) я отправился в замок, пряча под плащом кинжал и короткий острый кол.

Влад, как обычно, сидел в своей гостиной. Он оставался верен давней привычке, хотя теперь некому было подавать сливовицу и разжигать огонь в очаге. Все немногочисленные слуги бежали из замка. Я храбро шагал по гулким темным коридорам. Кромешный мрак более не являлся для меня по-

мехой: я с удивительной четкостью видел каждую пылинку, каждый завиток паутины, каждую щербинку в каменном полу. Мой слух также приобрел необычайную остроту: я легко различал каждый звук внутри замка и за его стенами. Откуда-то, похоже из гостевых комнат, доносился мелодичный голос моей сестры. Ей отвечал другой голос, мужской. Судя по всему, она занимала беседой очередного гостя.

Первым моим порывом было броситься туда и предостеречь незнакомца. Но я тут же напомнил себе о более важном деле. Если я сумею уничтожить Влада, не только этот человек, но и великое множество других людей будут спасены.

Я шел через темный главный зал, торопливо оглядываясь на портреты предков. Галерея начиналась с Колосажателя. Суровое лицо с горбатым, похожим на ястребиный клюв, носом, длинные черные кудри, обвислые усы. Далее – портреты его потомков, поколение за поколением. Все они так или иначе были похожи на Влада, ибо их души были обречены служить ему, исполняя старинный договор. Их души опалило Зло, отравив кровь всего нашего рода.

Я походил на Влада сильнее, чем кто-либо другой. И не только обликом. Я уподобился ему, став чудовищем. Но я не пойду по его пути. Я уничтожу его... и себя.

Влад не выдавал себя ни единым звуком, однако я хорошо знал его привычки. Он там, у себя в гостиной. Я беззвучно двигался по коридорам, пока наконец не очутился перед закрытой дверью. Из-под нее выбивалась неяркая полоска све-

та.

Я потянулся к двери, но не успели мои пальцы коснуться массивной бронзовой ручки, покрытой густым слоем патины, как дверь неожиданно распахнулась. Похоже, я сумел открыть ее одним лишь усилием воли.

В. сидел и смотрел на огонь, придававший его мраморно-белому лицу теплый живой оттенок. Рядом, как всегда, находился хрустальный графин со сливовицей, на гранях которого играли и переливались множество разноцветных искорок. Весь в черном, Влад сидел в своей излюбленной величественной позе, крепко обхватив длинными пальцами подлокотники. Такая поза подошла бы какому-нибудь престарелому монарху, но никак не человеку среднего возраста с длинными кудрями до плеч и усами серо-стального цвета.

Он напоминал моего отца (я имею в виду не последние годы жизни Петру, а времена своего раннего детства, когда В. еще не сломил его дух), только изгиб губ и выражение темно-зеленых глаз были совсем другими, не отцовскими.

Даже громко хлопнувшая дверь не заставила В. пошевелиться. Он оставался неподвижным, точно скала, руки по-прежнему сжимали подлокотники, а взгляд был все так же устремлен на огонь. Только губы слегка дрогнули, сложившись в подобие насмешливой улыбки.

– А-а, это ты, Аркадий, – негромко произнес В. – Какой приятный сюрприз. Как поживает твоя дорогая жена? И как здоровье малыша?

Его вопросы острыми шипами вонзились мне в сердце. Я не сомневался: он намеренно причинил мне боль, поскольку знал, что я терзался неизвестностью относительно их судеб. Но я молил Бога: только бы В. ничего не пронюхал о Мери и сыне.

Не дождавшись моего ответа, он повернул ко мне голову. Я сразу же схватился за кол, спрятанный под плащом. Улыбка Влада превратилась в отвратительную ухмылку. Запрокинув голову, он громко захохотал. Толстые каменные стены ответили раскатистым эхом. Меня душила ярость, но одновременно я чувствовал себя последним глупцом.

Наконец В. отсмеялся и вытер выступившие на глазах слезы.

– Прости меня, – сказал он, наслаждаясь своим зловещим весельем. – Прости, дорогой племянник. Прожив столько лет, поневоле забываешь некоторые вещи. Например, ход мыслей в голове у новичка.

Кивком он указал на острый деревянный кол, зажатый у меня в руке, и на сверкающий кинжал, прицепленный к поясу.

– Аркадий, неужто ты и в самом деле намерен испробовать эти штучки на мне?

– Намерен.

Мой голос звенел от ненависти. Неужели я когда-то искренне любил это чудовище?

– Я моложе и сильнее тебя, дорогой... дядюшка!

– Согласен, моложе... Но вскоре ты убедишься, что в мире неумерших сильнее как раз те, кто старше и опытнее.

Вздыхнув, он поднялся и повернулся ко мне.

– Ну что ж, давай покончим с этим, чтобы потом ты не путался у меня под ногами и не мешал общению с гостем.

Все, что случилось после этих слов, произошло с нечеловеческой быстротой, недоступной восприятию смертного человека.

Я прыгнул на Влада, собираясь вогнать ему в грудь кол. Он с дьявольской ловкостью отскочил назад, поймал мою руку, сжимавшую кол, и дернул так, что моментально вывихнул ее.

Взвыв, я попытался высвободиться, однако его силы десятикратно превосходили мои. Одним движением он оторвал мне руку, оставив культю, из которой хлынула кровь моей последней жертвы. Веря и не веря, я оцепенело смотрел, как Влад поудобнее перехватил оторванную руку (ее пальцы все еще сжимали кол) и небрежно бросил в огонь.

Но я больше не принадлежал к миру смертных. Боль, обжегшая меня, длилась ничтожное мгновение, а затем превратилась в ярость, которая придала мне новых сил. Я вновь бросился на Влада и сумел опрокинуть его в пылающий очаг.

Волосы и одежда вампира сразу же вспыхнули. Пока он выбирался из огня, я вытащил свою оторванную руку и... с удивлением увидел, что на ее месте уже выросла новая. Я с трудом разомкнул пальцы, в которых был по-прежнему за-

жат кол, и вновь ринулся на В.

К моему удивлению, он послушно раскинул руки, добровольно превратившись в мишень. На лице его играла все та же дьявольская ухмылка. Собрав все свои вновь обретенные силы, я нацелил кол прямо в его холодное сердце и ударил. Потом еще и еще.

Кол его даже не касался!

Обезумев, я продолжал размахивать деревяшкой, постоянно наталкиваясь на невидимую преграду. Кол отскакивал от нее. Я неистово молотил, пока мое орудие мести не затупилось. Все это время В. негромко посмеивался и снисходительно поглядывал на меня, как взрослый смотрит на безуспешные попытки упрямого и озлобленного неудачей ребенка. Неожиданно его улыбка сменилась гневом.

– Дурак! – сердито сплюнул он. – Ты что, считаешь себя удачливее других? Думаешь, тебе повезет и ты сумеешь меня уничтожить? Ни тебе, ни твоему сыну не уйти от меня. Смирись, Аркадий! Покорись судьбе!

– Ни за что, – прошептал я, прочитав в его глазах собственный приговор.

Я понял: надо бежать отсюда, иначе меня ожидает участь, которая была мной уготована Владу. Повернувшись, я буквально вылетел из гостиной. Меня спасла какая-то доля секунды. Дверь за мной с шумом захлопнулась, и в тот же миг ее пробил кол, пущенный В. мне вдогонку. Какой же надо обладать силой, чтобы тупой кол пробил толстое дерево и

застрял в ней, будто стрела?

Бежать. Немедленно бежать отсюда!

Меня обуял ужас. Нет, меня страшила не гибель, а осознание того, что мне еще очень долго придется влачить ненавистное существование вампира, пьющего кровь невинных жертв. Так будет продолжаться дотех пор, пока я не уничтожу В.

Судьба не оставила мне выбора. Я и в самом деле был новичком в мире неумерших; еще одно такое нелепое сражение, и со мной будет покончено. О том, чтобы покориться В., не было и речи. Он уничтожит меня, а проклятие перейдет на моего бедного несмышленного сына, и к зловещей цепи добавится новое звено.

Но ведь я могу попытаться разыскать их: малыша и Мери, мою дорогую, любимую Мери! Ее образ и сейчас стоял у меня перед глазами: золотистые волосы, разметавшиеся по плечам... бездонные синие глаза, полные безграничной любви и боли... и револьвер, зажатый в побелевших, дрожащих пальцах... Я мысленно возвращаюсь к моменту своей смерти, и вновь меня окружают те же звуки, что и тогда: лошадиное ржанье, грохот копыт, громкий скрип колес... Мне не дает покоя последняя сцена. Она часто повторяется в моих тревожных снах. Мери, с белыми как мел губами, стоит во весь рост в коляске, не сознавая, что испуганные лошади уже рванули прочь и увозят ее от меня.

Что случилось с ней потом? Я часто задавал себе этот во-

прос. Твердости сердца моей Мери мог бы позавидовать любой мужчина. Но ее тело было слабым, измученным тяжелыми родами и большой потерей крови. Сумела ли она выжить?

Но пытаться разыскать Мери и малыша означало бы навести В. на их след. Этого я бы себе никогда не простил. Вампир преподавал мне хороший урок – одного стремления уничтожить его мало. Я должен узнать, какими силами теперь обладаю и как наилучшим образом их использовать.

Той же ночью я покинул родные края и отправился в Вену. Я неплохо знал этот город и надеялся затеряться среди его жителей, чтобы получить возможность все тщательно обдумать и разработать стратегию дальнейших действий. В Вене я впервые узнал о существовании Шоломанчи, а также еще об одном аспекте договора, который Влад от меня скрыл.

* * *

Ночь, когда я узнал о Шоломанче, стала также ночью моего величайшего падения. Я воочию убедился в том, что совершенно утратил человеческий облик. И отнюдь не совпадение, что именно тогда, поздним вечером, мы встретились с сестрой. С этого все и началось... Воспоминания о той страшной ночи еще слишком свежи, они и сейчас наполняют меня стыдом. Правильно ли я делаю, описывая собственный позор и злодеяния?

Прости меня, Стефан...

Меня разбудил голод. Я встал и начал мерить шагами комнаты небольшого дома, снятого мною в Вене. Голод вгрызался в мои внутренности с остервенением лисенка, которого поймал маленький спартанец из знаменитой легенды³. Я знал: рано или поздно мне придется уступить его настойчивым требованиям и выйти в залитый огнями город на поиски новой жертвы. (Мне всегда бывает тяжело выходить в город. Прежде, будучи живым, я любил Вену. Мне нравились ее рестораны и кондитерские, магазины, музыка. Теперь же я способен наслаждаться разве что музыкой, но и в этом я вынужден себя ограничивать. Это сущая пытка – голодным сидеть среди разряженной, надушенной публики, слушая негромкие, призывные удары множества сердец и вдыхая удивительный аромат теплой крови. Нет, музыку я способен слушать, лишь когда сыт.) Можно, конечно, остаться дома и сражаться с муками голода... Несколько раз, испытывая жгучую ненависть к себе, я был готов сознательно выбрать голодную смерть, но мысль о необходимости уничтожить Влада всегда оказывалась сильнее. Пока я с ним не расправляюсь, нужно поддерживать свое существование.

Голод властно требовал отправиться на поиски очередной жертвы, слабый голос совести твердил обратное. Эта внутренняя война с самим собой отнимала у меня последние си-

³ Весьма популярная легенда о стойкости спартанского мальчика, который поймал лисенка и самовольно принес в школу, спрятав под одеждой. Лисенок прогрыз мальчику кожу и добрался до кишок, но маленький спартанец, опасаясь гнева учителя, стойко переносил все мучения.

лы. Я продолжал бродить по комнатам, когда неожиданно услышал стук в дверь.

Я сразу же понял, кто это, ибо голод предельно обостряет все чувства. Застыв возле тяжелой входной двери, по другую сторону которой стоял человек, я ловил живое тепло его тела и слышал биение сердца. Я почти ничего не знал об этом человеке, даже его имени. Он мне назвал только свою фамилию – Вайс.

Я резко распахнул дверь. У меня были причины для недовольства Вайсом. Голод лишь усугублял их, подводя к опасной черте.

Дверь открывалась вовнутрь. От моего рывка она широко открылась и даже ударилась о стену. Вайс, стоявший на крыльце, слегка вздрогнул. Наверное, он подумал, что тьма скрывает его от моих глаз, отчего и позволил себе содрогнуться. Вряд ли он был таким уж храбрецом, но свои чувства умел держать при себе.

Между тем я прекрасно видел Вайса, словно он явился ко мне не вечером, а в солнечный полдень. Передо мной стоял невысокий, неряшливо одетый человек. Внешность его была весьма заурядной. Из-под засаленной шапки выбивались начавшие седеть жиденькие рыжеватые волосы. Физический труд искривил ему верхнюю часть спины, отчего казалось, будто он отвешивает бесконечный поклон. А позади Вайса раскинулась сияющая огнями Вена, маня на вечернюю охоту.

Увидев меня, Вайс стянул с головы шапку и стал мять ее в грязных руках. Сделал он это инстинктивно; такое выражение почтительности я часто встречал у людей из низших слоев общества. Однако на лице моего гостя было написано упрямство, да и держался он явно вызывающе. Не обращая внимания на мой гнев, Вайс, как всегда, постарался рассмотреть внутреннее убранство дома. Думаю, это он делал тоже инстинктивно, прикидывая, нельзя ли что-нибудь стянуть. К неудовольствию Вайса, его в очередной раз постигла неудача: внутри, где горела единственная свеча, было почти так же темно, как и снаружи.

– Герр Румлер, я, значит, пришел за... – начал он, но я властно махнул рукой, велев ему замолчать.

Было бы куда разумнее впустить его в дом и уже там вести наш диалог, не предназначенный для чужих ушей. Но голод и злость, одолевавшие меня в тот момент, притупили чувство опасности.

Вечер был довольно холодным. Из рта и ноздрей Вайса вырывались облачка пара, в отличие от меня, которого можно было принять за говорящую статую.

– Герр Вайс, – сердито прошептал (правильнее сказать, прошипел) я. – Вряд ли вы имеете привычку читать газеты.

В ответ он тупо поглядел на меня. Скорее всего, он вообще не умел читать.

– Тогда позвольте сообщить вам новость, которая взбудоражила всю Вену. Похоже, в городе орудует жестокий убий-

ца. Его жертва была найдена обезглавленной, с деревянным колом, вонзенным прямо в сердце. Но это еще не все.

Мой голос звенел от ярости, хотя я старался говорить тихо, чтобы не привлекать внимания случайных прохожих.

– Помимо жестокости, убийца отличается изрядной глупостью. Обезглавленное тело он бросил прямо на кладбище, где оно и было обнаружено местными властями.

Глаза Вайса вначале округлились, затем сузились в щелочки. На его лице опять появилось выражение тупого упрямства.

– Господин, я сейчас вам объясню...

– Ничего не желаю слушать! – выкрикнул я в приступе гнева, терзаемый к тому же муками голода. – Я вам плачу не за объяснения, а за работу! И у вас еще хватило нахальства прийти ко мне, рассчитывая получить деньги!

Отсвет уличных фонарей упал на заросшее неопрятной щетиной рябое лицо Вайса. Он опустил голову, продолжая мять в руках шапку. Вряд ли этому человеку были знакомы угрызения совести или хотя бы раскаяние за допущенные промахи. Скорее всего, сейчас он спешно придумывал оправдание.

Налетел порыв ветра, который вместе с вечерней свежестью принес и запах Вайса – едкий запах потного, давно не мытого тела. Несколько месяцев назад я бы брезгливо поморщился и отвернулся. Но сейчас меня притягивал сладостный, с горчинкой, аромат его крови. Я слышал легкие,

ритмичные удары его сердца. Теплое, полное жизни тело Вайса влекло меня, как огонь, пылающий в очаге, манит озябшего путника.

Я мог бы убить его прямо здесь, на крыльце своего дома. Все произошло бы тихо и быстро – Вайс впал бы в блаженное забытие, а я бы пил кровь этого никчемного человечешки до последнего удара его сердца.

Однако перспектива именно таким образом утолить голод была чревата большими сложностями. Для начала мне бы предстояло избавиться определенным образом от трупа, так, чтобы умерщвленный мною Вайс не превратился в вампира. Я не мог своими руками обезглавливать и протыкать колом тела своих жертв, поэтому и нанял Вайса. И мне стоило большого труда найти отщепенца, выполняющего, что велят, и не задающего никаких вопросов. При этом Вайса привлекали не только деньги: сам жестокий ритуал доставлял ему какое-то извращенное наслаждение.

Но как доверять Вайсу теперь, когда он допустил грубейший промах? И если выбирать себе очередную жертву, не лучше ли избавить мир от такого животного, как Вайс, чем лишать жизни ни в чем не повинного прохожего?

Все эти мысли лихорадочно проносились у меня в голове. Вайс стоял молча, не поднимая головы. Я уже было потянулся к нему, когда услышал цокот копыт по булыжной мостовой. В нашу сторону ехала элегантная карета, запряженная парой черных лошадей. Муки голода стали совершен-

но невыносимыми, и я решил, наплевав на все последствия, затащить Вайса в дом и насытиться. Оставалось лишь переждать, пока проедет карета.

А карета ехала все медленнее. Я с ужасом наблюдал за тем, как кучер остановил лошадей прямо напротив моего дома. Жандармы? Неужели Вайс меня предал? Или они сами его выследили?

Я мысленно приказал себе успокоиться и рассуждать логично. Жандармы в таких роскошных экипажах не ездят. А вдруг они специально наняли карету, чтобы я ничего не заподозрил? Вайс тоже беспокойно оглядывался, видимо пытаясь понять, что происходит. В это время кучер слез с козел и открыл лакированную дверцу. Мой помощник шепотом выругался, выражая неподдельное изумление: подав кучеру ослепительно белую руку, из кареты вышла женщина. Ее ножки в изящных туфельках, лишь на мгновение показавшиеся из-под длинного платья, легко коснулись мостовой.

Я застыл в глубине коридора, вцепившись в дверную ручку. Простой смертный ни за что бы меня не заметил. Но женщиной, вышедшей из кареты, была моя сестра Жужанна.

Моя милая бедняжка Жужа. Она родилась с усохшей ногой и искривленным позвоночником. Невозможно было без жалости смотреть, как она с трудом ковыляла по комнатам и коридорам нашего дома. Увечье обрекало ее на одиночество. Болезненное, хрупкое создание с молочно-белой кожей, темно-карими глазами и иссиня-черными волосами, обрамляв-

шими острые черты лица, которые даже самый добросердечный человек не рискнул бы назвать красивыми. Но уродство не озлобило Жужу, ее сердце было добрым и отзывчивым. Как мы с отцом любили ее, как нянчились с нею, стараясь уберечь от всех невзгод и своим вниманием хотя бы отчасти восполнить то, в чем отказала ей природа... Но все равно жизнь ее была пуста, она страдала от неразделенной потребности в мужской любви, и это делало ее (как мне казалось в прошлом) немного сумасшедшей.

Однако сейчас передо мной стояла не калека в невзрачном домашнем платье, а сама Венера: стройная, безупречно прямая, в широкополой черной шляпе с густой вуалью. Ее бархатное платье тоже было черным, что лишь подчеркивало изумительную, сияющую белизну ее кожи, напоминающую лунный свет. Жужанна повернула голову в направлении крыльца, затем подняла вуаль, открыв свое прекрасное лицо. Ее глаза блестели, как две звезды, а кожа мерцала таинственным светом. Такое же дивное сияние я каждую ночь видел и на своем теле.

Мне не удалось спрятаться от Жужанны. Она меня увидела, и ее алые как кровь, полные, нежные губы изогнулись полумесяцем, обнажив белоснежные зубы.

Я нерешительно попятился назад, готовый спасаться бегством. Из кареты доносились голоса. Если Жужанна приехала вместе с Владом...

Сестра сделала шаг навстречу и умоляюще подняла руку.

– Аркадий! – позвала она.

Ее голос напоминал голос прежней, невинной и наивной Жужи. Но в нем появились новые интонации: сладостные, манящие, словно пение сирены.

– Каша, дорогой! Ты должен мне поверить. Я больше не могла находиться рядом с ним и отправилась искать тебя...

Я не шевелился. Сестра пошла к крыльцу. Моя рука по-прежнему сжимала дверную ручку. Вайс, не понимавший ни слова по-румынски, очумело тарашил глаза на Жужанну. Заметив его, она опустила голову.

– Каша, – доверительно шепнула Жужанна. – Дорогой мой брат, мне нужно о многом рассказать тебе, но наедине.

Я повернулся к Вайсу, удивляясь, что произошедшие сомной изменения не коснулись братского, покровительственного отношения к сестре. Впрочем, сейчас Жужанне ничего угрожало. Скорее наоборот.

– Уходите, – велел я Вайсу. – Потом поговорим. Невзирая на мои мысленные приказы, упрямый человечиска с величайшей неохотой поплелся прочь от моего дома. Красота Жужанны загипнотизировала его.

Я не торопился заключать сестру в объятия, а с прежней настороженностью следил за нею. Она протянула ко мне руку. Прикосновение смертных людей, даже если у них озябли руки, все равно остается теплым. Рука Жужанны, обтянутая перчаткой, была так же холодна, как и моя.

На мгновение за этим великолепным фасадом я вновь

увидел прежнюю, до боли близкую родную сестру. Ее карие глаза приобрели золотистый оттенок, но взгляд принадлежал той, живой Жуже. Мое холодное сердце сжалось от нежности и тоски.

– Верь мне, – произнесла она смиренным голосом, настолько тихим, что человеческое ухо вряд ли уловило эти слова. – Ты опасаясь, что я привезла Влада. Не бойся, Каша. Я бы ни за что этого не сделала. Помнишь, я тебе говорила: мы во многом остаемся такими же, какими были при жизни? Разве я тогда не рассказала тебе о договоре? Разве не умоляла бежать, чтобы он не завладел ребенком?

– Я все помню, – тихо ответил я.

Сестра говорила правду. Она действительно предостерегла меня и вообще сделала все, что могла, для спасения моей маленькой семьи: меня самого, Мери и ребенка. И в то же время Жужанна изо всех сил противилась моему стремлению погубить Влада – ее благодетеля, соблазнителя и убийцы.

– Но если ты явилась сюда, то должна знать... – начал я.

Душевная боль исказила ее лицо.

– Знаю, – прошептала Жужанна. – Ты живешь только ради того, чтобы его уничтожить. А я...

Она отвела глаза, затем вновь устремила на меня взгляд и зашептала. Голос ее стал громче, и теперь в нем звучала неподдельная ненависть.

– Я не могу больше находиться рядом с ним, Каша. Сама

я не в состоянии поднять на него руку... Но оставаться возле него и видеть всю эту жестокость невыносимо!

– Он был жесток с тобой? – изумился я, подавляя в себе желание опекать и защищать свою несчастную сестру.

Она качнула головой, и лунный свет сначала коснулся ее локонов, придав черным как смоль прядям оттенок индиго, а потом скользнул по перламутровому лбу, который, словно огромная жемчужина, переливался голубоватыми, розоватыми и серебристыми тонами.

– Не со мной. С гостями. Меня он пальцем не тронул. Только потешался над моей неопытностью и нежеланием мучить людей.

Жужанна умолкла и тут же с еще большим отчаянием воскликнула:

– Позволь мне остаться с тобой! Прошу тебя! Я не могу вернуться к нему.

Пальцы Жужи гладили мои холодные руки, но я не отвечал на ее по-детски трогательные ласки, внешне оставаясь спокойным и неподвижным. Но внутри у меня, едва я ощутил прикосновение сестры, все всколыхнулось. Долгие месяцы после разлуки с женой и новорожденным сыном я страдал от одиночества. Такой беспредельной пустоты я никогда не испытывал в своей прежней, человеческой жизни. Теперь я понимал (но это не значит, что одобрял) причины, побудившие Влада сделать Жужанну подобной себе. Как мне хотелось поверить в ее искренность! Глядя в ее глаза, отливав-

шие золотом, я не видел притворства. В них были лишь любовь и страдание.

Судьба сжалилась надо мной: рядом появилась родственная душа, способная понять и разделить весь ужас нынешнего существования.

Я отступил на шаг, сурово оглядел Жужанну с головы до пят (как же тяжело мне было сохранять строгий вид рядом с ее удивительной красотой!) и сказал:

– Если останешься со мной, ты должна будешь порвать с ним навсегда. Он не простит тебе отступничества. И еще: поклянись, что никогда, ни при каких обстоятельствах не расскажешь ему ни о том, где я нахожусь, ни о моих замыслах.

– Которые заключаются в том, чтобы его уничтожить, – договорила за меня Жужанна. – Клянусь.

Едва заметив на моем лице первые слабые признаки того, что я готов согласиться, Жужанна с прежней своей порывистостью бросилась ко мне и крепко обняла.

– Каша, милый мой! Я безумно по тебе соскучилась!

У меня больше не было необходимости изображать строгого брата, и я с радостью ответил на ее объятие, а затем наклонился, чтобы поцеловать ей лоб, как часто делал это, будучи живым. Иссиня-черные волосы Жужанны стали тоньше и мягче и приобрели шелковистый блеск. Казалось, от них исходит слабое голубоватое свечение, а еще они пахли духами, чего в прежней жизни никогда не было. И все же этот изысканный аромат, окутывавший сестру, точно облако,

не сумел обмануть мое обострившееся обоняние: Жужа, подобно всем неумершим, не имела того непередаваемого запаха живого тепла, что присущ и зверям, и людям до самого их последнего вздоха. И кровь ее пахла совершенно иначе: она была не сладковатой, как у обычного человека, а горькой. Обнимая Жужанну, я чувствовал ее идеально прямую спину. Только тело под бархатным платьем было холодным.

Я разжал руки. Помня о голосах в карете, я с некоторой настороженностью спросил:

– А почему ты приехала не одна?

Жужанна хитро улыбнулась и, привстав на цыпочки, зашептала мне прямо в ухо.

– Я же не могла приехать без подарка, – с простодушием маленькой девочки сообщила она.

Жужанна дотронулась до моих щек.

– Ты совсем исхудал, братец. Взгляни на себя! Ты голоден. Я это почувствовала еще в карете. Если я помешала тебе поужинать, то должна исправить свою промашку.

Раньше чем я успел открыть рот, она повернулась и подала знак кучеру, который вновь открыл дверцу кареты. Оттуда вылезли двое улыбающихся молодых людей. Оба держали в руках по бутылке шампанского. Первый из спутников Жужанны был среднего роста, весьма упитанный, с густыми золотистыми волосами. Туго накрахмаленный воротник сдавливал его бычью шею, и она складками нависала над поношенной пелериной. Он оценивающе оглядел мою сестру и,

думая, что никто, кроме спутника, его не услышит, шепнул тому на ухо:

– Эту красотку я оставляю за собой. С тебя хватит и служанки.

Видимо, очень довольный своим остроумием, он грубо захохотал.

Реплика была произнесена по-английски, а выговор выдавал в упитанном мужчине уроженца Лондона. Но сами слова, неуместный смех и нескрываемое высокомерие сразу же вызвали у меня неприязнь.

Его приятель был выше ростом, лучше одет и атлетически сложен. Вьющиеся темно-русые волосы лишь подчеркивали его молодость. Он казался более трезвым, нежели толстяк, или просто хорошо умел скрывать свое опьянение. В ответ на бесцеремонное заявление он лишь рассеянно улыбнулся. Его восхищенный взгляд был прикован к Жуже. Кажется, моя сестра покорила его сердце.

Я провел в Англии четыре года, а моя жена тоже была уроженкой столицы туманного Альбиона. В прежней жизни я бы несказанно обрадовался, встретив лондонцев, и принялся бы расспрашивать их о новостях этого удивительного города. Меня и сейчас в какой-то мере радовала перспектива провести вечер в компании англичан. Но в еще большей степени меня ужасало собственное хладнокровие (хотя теперь у меня действительно была холодная кровь): перед тем как выпить кровь жертв, насладиться беседой с ними. Неужели

я становлюсь похожим на Влада?

– Господа! – весело крикнула по-английски Жужанна. – Идите сюда и познакомьтесь с моим братом. Этот вечер мы проведем у него в гостях.

Англичане, улыбаясь и пошатываясь, двинулись к нам. На крыльце упитанный блондин споткнулся и, если бы не его спутник, наверняка бы упал. Появление Жужанны и гостей застало меня врасплох. Я сумел кое-как изобразить радушие, однако скопировать ослепительную улыбку Жужанны мне не удалось. Какими бы ни были эти люди, сейчас они, предвкушая замечательную вечеринку, брели навстречу своему концу. Жужанна так искренне и заразительно улыбалась, что, не зная я ее истинных намерений, никогда бы и не заподозрил ловушки.

Став вампиром, я не потерял совесть. Превозмогая чувство голода, она требовала под любым предлогом немедленно выпроводить всю компанию. Наблюдать, как двое подвыпивших гуляк идут прямо в западню... Совесть противилась этому жестокому, расчетливому маневру Жужанны. До сих пор моими жертвами были подонки венского общества: проститутки, воры и прочее отребье. Я не мог да и не желал искать себе пищу в других, более благополучных слоях общества.

Но ветер уже донес до меня их запах. Я вмиг оказался заморожен их кровью, как они – моей сестрой. Я видел, какими глазами Жужанна смотрела на англичан. Она жаждала кро-

ви, и ее жажда превосходила мою! Улыбка Жужанны стала еще шире, когда сестра убедилась, что я ослаб от голода и не буду сопротивляться ее затее.

Пока темноволосый англичанин помогал своему спутнику восстановить равновесие, я увидел, как из кареты вышла невысокая, худенькая, просто одетая девушка и робко засеменила в нашу сторону. Она была необычайно бледна, но, как и англичане, принадлежала к миру живых. И все же запах ее крови мне показался весьма необычным: вместе со сладковатым привкусом в нем ощущался слабый оттенок горечи. Тогда я не обратил на это особого внимания, но теперь-то я знаю: подмеченная мною странность свидетельствовала о начале превращения. Так пахнет человек пока еще живой, но обреченный стать неумершим.

Когда девушка подошла ближе, я вздрогнул – передо мной была Дуня, наша трансильванская горничная! Она преданно служила Мери, ухаживала за ней при родах. Но Влад укусил ее, чтобы полностью подчинить несчастную девушку своей воле. Прошедшие месяцы сделали меня почти бесчувственным, и все-таки, увидев Дуню, я испытал прилив искреннего сожаления. Бедняжка была еще совсем юной – не старше шестнадцати-семнадцати лет, и именно ее необычайная душевная чистота, ее верность нам обрекли добрую девушку на такую ужасную судьбу. Дуня подняла на меня глаза, и они округлились от удивления и необоримого страха. Интересно, как выглядел я теперь в глазах тех, кто знал меня до пре-

вращения? Смотреться в зеркала было бесполезно, ибо вампиры в них не отражаются. Неужели я стал столь же омерзительен, сколь прекрасна Жужанна?

– Дуня, – тихо произнес я, кивнув головой.

Девушка слегка поклонилась и тут же отвела глаза. Я хотел было сказать, что рад видеть ее, но не стал лгать, поскольку на самом деле не ощущал никакой радости. Мне оставалось лишь глубоко раскаиваться в том, что эта девушка оказалась сейчас рядом со мной и Жужей. Мы давно уже не были теми добрыми хозяевами, которым она так преданно служила. Теперь она находилась в компании убийц, способных причинить вред ей и всем тем, кого они изберут своими очередными жертвами. Я понимал; Дуня стала горничной у моей сестры отнюдь не из любви или верности, просто она уже не являлась хозяйкой собственного разума. Укусив бедную девушку, Влад сделал ее своей пешкой. Возможно, Жужанна тоже обладала такой же властью над ней.

В кого же ты превратилась, Жужа? Неужели это ты когда-то безутешно рыдала над убитыми птицами, которых мы с отцом приносили с охоты? И в кого превратился я сам, послушно раскрывая перед ней двери своего жилища?

Жалость к Дуне не лишила меня осторожности. Наклонившись к Жужанне, я шепнул ей на ухо по-английски:

– Зачем ты привезла ее сюда? Ведь она – глаза и уши Влада!

Улыбка на лице Жужанны не померкла даже на секунду.

Похоже, моя сестра не ощущала вины за то, что превратила Дуню в безвольную рабыню.

– Теперь она служит только мне. Поверь, нам ничего не угрожает.

Видя мои сомнения, Жужанна поспешно добавила:

– Ты еще многого не знаешь, Каша. Меня просто поражает твоя наивность и неискушенность.

Англичане одолели ступени крыльца и встали рядом с нами.

– Господа, разрешите представить вам моего брата Аркадия... – Жужанна бросила на меня быстрый, неуверенный взгляд и закончила фразу: – Аркадия Цепеша.

– Дракула, – поправил я ее.

При жизни я упорно отстаивал фамилию Цепеш – так именовался наш род в течение многих поколений, а Дракул было скорее прозвищем, которое я ненавидел, считая его плодом крестьянских суеверий. Причем это прозвище произошло не оттого, что на нашем старинном родовом гербе красовался дракон, а оттого, что они верили, будто все мы, Цепеши, дети дьявола⁴.

Крестьяне не ошибались: мы и впрямь были детьми дьявола.

Жужанна быстро и изящно загладила свою оплошность:

– Да, Аркадия Дракула. А эти джентльмены путешествуют по Европе и в Вене проездом. Позволь их тебе представить. –

⁴ Игра слов: слово dracul по-румынски означает и «дракон», и «дьявол».

Жужанна кивнула в сторону грузного блондина:

– Это мистер Реджинальд Лайенс. А это, – последовал новый кивок, – мистер Энтони Лебо.

У Лебо сияли глаза. Его щеки слегка покраснелись от выпитого вина, однако движения англичанина оставались твердыми и речь – вполне вразумительной. Он вежливо поклонился.

– Мне не передать, насколько приятно услышать на чужбине родную английскую речь, да еще из уст столь очаровательной юной леди!

Лайенс, опираясь о приятеля, громко рявкнул:

– Так ваша сестра говорила правду? Вы и в самом деле граф?

– Разумеется, – коротко бросил я, едва сдержавшись, чтобы не ответить резкостью.

Я уже не слушал голос совести и не желал тратить время на пустые разговоры. Мне хотелось поскорее затащить англичан в дом и впиться одному из них зубами в шею, но я собрался с силами и пояснил:

– Наш род происходит от древних властителей, которые правили...

– Румынией, кажется? – вступил в разговор Лебо, искоса поглядывая на Жужанну.

– Да, ее южной частью, которая называется Валахия. А вообще наш род очень древний и насчитывает более тысячи трехсот лет.

Эта пустая болтовня настолько утомила меня, что я повернулся и, не извинившись, скрылся в доме. Жужанна с Дуней двинулись следом за мной. Англичане нерешительно топтались у порога. Потом я догадался: их обескуражила почти крошечная тьма, царившая внутри. От колеблющегося пламени единственной свечи по потолку змеились тени.

– Прошу меня извинить, – буркнул я и принялся зажигать лампы и свечи.

Мои гости, не скрывая своего изумления, принялись разглядывать спартанскую обстановку моего жилища: длинный диван, пара потертых стульев и покрытый толстым слоем пыли большой обеденный стол, в центре которого стоял серебряный канделябр. Весьма скудная меблировка для графской гостиной, хотя на самом деле я нынче не заслуживал даже такой.

То, что я принял за платье Жужанны, оказалось шикарным пальто. Дуня помогла госпоже раздеться. Под черным бархатом скрывалось великолепное платье из серебристого атласа и муара с таким смелым декольте, что я невольно отвел глаза, а Лайенс и Лебо беззастенчиво впились взглядами в роскошный бюст моей сестры.

Пока Дуня робко принимала у гостей верхнюю одежду (ее поведение не изменилось), я приготовился к нападению. Жужанна угадала мое намерение, встала рядом. Продолжая обворожительно улыбаться, она шепнула мне:

– Не сейчас. Ты мне доверяешь, Каша?

Я был не в состоянии ответить на ее вопрос. От голода я вообще перестал соображать. Я чувствовал только одно: если сейчас я не напьюсь крови, то потеряю последние силы и рухну на пол. Но, заглянув в бездонные глаза Жужи, я молча покорился.

Сестра наградила меня ободряющей улыбкой.

– Прощу тебя, Каша: доверься мне и не возмущайся. Просто делай так, как я тебе скажу...

К нам, покачиваясь на нетвердых ногах, подошел Лайенс. Пьяно ухмыляясь и поводя красным носом, он спросил:

– А где же ваши слуги? Странно, понимаете ли, – граф и вдруг без слуг.

Жужа сильно сжала мою руку, и я холодно ответил:

– Я ценю уединение и потому к вечеру всегда отсылаю слуг из дома.

Если Лайенс и почувствовал в моих словах плохо замаскированную колкость, он не подал виду. Вместо этого англичанин изобразил веселую улыбку и повернулся к Дуне, которая пыталась навести хоть какой-то порядок в моей берлоге.

– По-моему, самое время промочить горло. Давай сюда, красавица, наше шампанское и не забудь бокалы. Ну, что же ты стоишь?

Я перевел Дуне слова Лайенса. Девушка поспешила исполнить его повеление, но открывать шампанское ей, видимо, еще не доводилось, и она нерешительно вертела в руках бутылку, не зная, как это делается. Я помог ей. Запах Ду-

ниного тела пронзил меня нестерпимой, грызущей болью. Я испугался, что не выдержу и вопьюсь девушке в шею. Дуня перехватила мой хищный, голодный взгляд и все поняла. Она торопливо забрала у меня открытую бутылку и поставила перед Лайенсом, как тот и просил. Разыскав бокалы, Дуня подала их гостям и, ни слова не говоря, забилась в темный угол, подальше от меня.

От голода я буквально сходил с ума и в какой-то момент почувствовал, что у меня не хватит сил исполнить просьбу Жужанна. Я решил насытиться немедленно, и будь что будет. Однако увиденное заставило меня забыть даже о голоде.

Словно загипнотизированный, я стоял и смотрел на сестру. Жужанна, усевшись на диване между англичанами, кокетливо щебетала, то и дело подливая шампанское в их бокалы. Вскоре Лайенсу стало трудно даже сидеть. Его тело клонилось набок, а голова запрокидывалась назад. Жужанна бросала голодные взгляды на его толстую побагровевшую шею.

– Дорогой мой мистер Лайенс, – невинным голосом произнесла Жужанна. – Представляю, сколько мучений доставляет вам этот тугой воротничок. Но вы же не на официальном приеме, а в дружеской компании. Никто вас не осудит, если вы его расстегнете...

Пьяно улыбаясь, Лайенс погрозил ей пухлым пальцем.

– Не-ет. Эт-то неприлично-о. Я к нему прив-вык.

Но Жужанна проявила настойчивость и наконец застави-

ла толстяка расстегнуть воротник, после чего бесстыдно поцеловала англичанина в шею.

Я вдруг почувствовал себя презренным вуайеристом – по телу пробежала теплая волна, наполнившая меня возбуждением, сродни эротическому. Но к моему глубочайшему разочарованию, Жужанна не впилась зубами в шею Лайенса, а лишь провела губами по коже. Она словно стремилась по сильнее возбудить англичанина, себя и... меня.

Впрочем, Лайенс был уже порядком пьян для подобной игры. Он кое-как сумел поставить свой бокал на самый край стола, после чего тяжело ткнулся головой в колени Жужанны. Смеясь, сестра наклонилась над ним. Рука англичанина скользнула в ее декольте и оголила одну ослепительно белую грудь.

К моему удивлению, Жужанна не сконфузилась, не поспешила прикрыться, а, наоборот, оставила грудь на всеобщее обозрение и более того – принялась расстегивать на Лайенсе рубашку. Толстяк пыхтел, пытаясь зажать ее грудь в своей ладони, но из-за сильного опьянения он все никак не мог скоординировать свои движения.

Столь бесстыдное поведение и Жужи и Лайенса не оставило безучастным и более трезвого Лебо. Он тоже поставил свой бокал на стол, а затем наклонился с намерением поцеловать Жужанну прямо в губы.

Я весь напрягся. Какая же это, должно быть, мука – находиться рядом с пухлыми, полнокровными губами и не выпить-

ся в них! Выдержка сестры меня просто поражала.

Лебо меж тем приник к губам Жужанны и задрожал от нарастающего возбуждения, обняв мою сестру за талию. Убедившись, что юная прелестница не противится, он осмелел, и его рука медленно заскользила вверх, пока не коснулась второй груди, которую молодой сластолюбец тоже извлек из-под серого атласа.

Мне сложно описывать чувства, которые я испытывал в то мгновение. Голод все так же властно заявлял о себе. К нему примешивались отвращение и стыд. Мне было больно смотреть, в кого превратилась моя наивная, невинная сестра Я с трудом сдерживался, чтобы не броситься на распутных англичан и не расшвырять их в разные стороны.

Но Жужанна сидела, точно бесстыжая уличная девка, и посмеивалась, наблюдая, как Лебо подался вперед и, не обращая внимания на своего осоловевшего приятеля, прижался губами к одной из ее обнаженных грудей. Похоже, сестру не смущало даже мое присутствие. Жужанна взглянула на меня из-под полуприкрытых век и улыбнулась, видимо, желая меня подбодрить. Затем она расстегнула воротничок рубашки Лебо, находившегося в отупело-экстатическом состоянии.

Лебо поднял голову, быстро скинул жилетку, а Жужанна, поцеловав молодого англичанина, стала расстегивать пуговицы на его рубашке. Кажется, Лебо впервые вспомнил обо мне, он мотнул головой и простонал:

– Ваш брат...

Даже после этих слов на фантастически прекрасном лице Жужанны не мелькнуло и тени стыда. Она лукаво глянула в мою сторону и низким, хрипловатым голосом спросила своего распалившегося воздыхателя:

– Хотите, чтобы он к нам присоединился?

Лебо вздрогнул – несмотря на то, что его разум был затуманен изрядным количеством выпитого шампанского, вопрос Жужанны его явно шокировал. Но вскоре шок сменился любопытством и предвкушением чего-то необычного.

Жужанна усмехнулась и шевельнула пальцами, прося меня приблизиться.

Мне было омерзительно наблюдать эту вакханалию. К тому же меня снедал голод, доводя добезумия, и я не понимал, как Жужанне удастся противиться ему и при этом еще кокетничать. Тем не менее ее красота имела надо мной такую же власть, как и над англичанами, и я был готов уступить любым требованиям сестры. Жужанна предвкушала грандиозное пиршество и не торопилась. Но сколь странными и постыдными были приготовления к нему... Я решил честно описывать все, хотя некоторые признания даются мне нелегко. Пусть я превратился в неумершего, но я не перестал быть мужчиной. Женская красота возбуждала меня, разжигала чувственность. Зов плоти был сильнее доводов разума, твердившего, что Жужанна – моя сестра и подобные мысли греховны вдвойне. Однако по опыту жизни в Вене я знал: плот-

ские желания, появившиеся у меня, в большинстве своем были жадой крови, а не женского тела. Среди моих жертв было несколько хорошеньких проституток, но каждый раз, поддавшись зову плоти, я очень быстро забывал о нем ради утоления голода.

Лишить проститутку жизни казалось мне меньшим грехом, чем совокупиться с нею. Пусть судьба разлучила нас с Мери, но она по-прежнему оставалась моей любимой и желанной женой.

Я написал: "...был готов уступить любым требованиям сестры". Совесть еще продолжала сопротивляться, но голод вел меня к дивану. Магнетическая сила глаз Жужи делала меня, наравне с гостями, жалкой марионеткой. Голод заглушил все остальные чувства, заставил забыть об опасности. Наверное, появившись сейчас Влад с намерением меня уничтожить, я не стал бы противиться, лишь бы сначала мне позволили насытиться кровью.

Я подошел вплотную к дивану, на котором развалился Лайенс, положив голову Жужанне на колени. Он шумной хрипло дышал, силясь расстегнуть брюки. Его мясистое лицо еще больше покраснело, а блестящие глазки жадно следили, как Лебо ласкает перламутрово-белые груди Жужанны.

Лебо ревниво поглядел на меня и, вспомнив ее вопрос, проямлил:

– Он... с нами... н-нет.

– Как вам угодно, – хохотнула Жужанна. – Тогда пусть

посмотрит на нас. Вы не против?

Вопрос еще сильнее возбудил Лебо и прозвучал для него сигналом к решительным действиям. Он освободился от брюк, вытащил Жужанну из-под Лайенса, прислонил к спинке дивана, после чего сорвал с нее платье и нижнее белье.

Жужанна лишь посмеивалась... моя наивная, невинная сестра. Я стоял, созерцая эту гнусную сцену. Метаморфоза, произошедшая с Жужанной, и голодные спазмы сделали меня молчаливым и беспомощным. Я начал погружаться в вязкую, обволакивающую дремоту, словно принял чрезмерную дозу лауданума. Какая-то ничтожно малая часть моего сознания еще требовала вмешаться и прекратить эту оргию, но тело утратило способность двигаться. Я мог лишь стоять и в ужасе наблюдать за происходящим. Однако постепенно ужас оттеснила на задний план непонятная, но приятная истома.

На моих глазах Лебо привалил Жужанну к спинке дивана и овладел ею. Я слышал довольный смех сестры; точно шлюха, она крепко обхватила англичанина ногами. Ее атласное платье валялось на другой стороне дивана, накрыв серебристым водопадом физиономию пьяного Лайенса. Невзирая на свое отупение, тот разобрался в происходящем и отчаянно завопил:

– Эй, Лебо, мы так не договаривались!

Кое-как встав на колени, Лайенс пополз к Жужанне.

– Поднимите меня, – проворковала Жужанна, обращаясь к Лебо.

Рослый англичанин поднял ее, словно пушинку. Лайенс подполз к ним, добрался до любовников, выпрямился и...

Боже милосердный, мне стыдно сознавать, что я являлся свидетелем этой оргии. И был не в силах им помешать! Даже не знаю, как назвать мое состояние: ступором, гипнотическим трансом? Я лишь молча наблюдал, как моя сестра, постанывая от боли и наслаждения, позволила Лайенсу присоединиться к безобразной вакханалии. Правда, эти мысли мелькали где-то на границе сознания. Во мне же нарастало возбуждение, но отнюдь не от развратных сцен, разворачивающихся перед моими глазами. Я знал, что скоро, очень скоро утолю свой голод.

Бросив на меня быстрый взгляд, Жужанна заметным кивком головы велела мне приблизиться. К тому времени Лебо, закрыв глаза и запрокинув голову, стонал от наслаждения. По его вьющимся волосам и лицу струился пот. Лебо прижимал Жужанну к груди, а к ее спине привалился Лайенс – сестра находилась между двух англичан, словно в тисках.

Потом Лебо со вздохом отодвинулся.

– Ну как? – томным голосом спросила его Жужанна – Не желаете ли теперь попробовать моего брата?

– Да, – хрипло выдохнул Лебо.

Его лицо исказилось гримасой сладострастия, он закрыл глаза и тут же вновь широко распахнул их. Каким отвратительным огнем горели они!

– Да! – повторил Лебо.

С быстротой хищника я оказался у него за спиной, теперь ничего не подозревающая жертва находилась, будто в капкане, между своих палачей.

Чувствовалось, что Лебо не хотелось расставаться и с Жужанной, но она ловко вывернулась из его объятий. Ее взгляд был полностью сосредоточен на мне.

– Помоги ему, – шепнула она настолько тихо, что ее голос мог слышать только неумерший.

Велико было мое отвращение, но власть взгляда Жужанной, власть ее слов и самого ее присутствия оказалась намного сильнее. Я исполнял чужую волю и сознавал при этом свою полную беспомощность, словно очутился во сне, где хочешь что-то сделать, но не можешь... Я поймал себя на том, что пытаюсь оправдаться. Наверное, так оно и есть.

Нет, не совсем так. Я помню: что-то во мне все-таки противилось и даже возмущалось действиями Жужанной, обращавшейся со мной, как с марионеткой. Конечно, она жестоко лгала, пытаясь убедить меня, будто бы и после превращения осталась все той же милой и наивной Жужей. Но ужаснее всего, что она обладала знаниями и способностями, которых я еще не успел приобрести и которые она применяла, чтобы исполнить приказ Влада: подчинить и уничтожить меня. В лучшем случае (если я все-таки ошибался насчет того, что ее послал В.) она увязла в пучине разврата.

Да простит меня Господь, но я повиновался ей. Я подошел к Лебо и взял его за талию, якобы собираясь доставить

ему извращенное наслаждение. Моя ладонь ощутила биение его пульса. Я прижался щекой к его шее (Лебо был выше меня). Сердце англичанина стучало громко и ровно. Меня обдало запахом живого человеческого тела и теплой крови, который едва не привел меня на грань неистовства. Я уже открыл рот...

"Рано!" – мысленно приказала мне Жужа.

Я отчетливо слышал это слово, хотя не видел, чтобы ее губы хотя бы слегка шевельнулись, и покорно замер, обреченный на нескончаемое предвкушение пиршества.

Только тут до меня дошло, что Лебо вторично совокупляется с Жужанной. Наконец он достиг экстаза, вскрикнул и, выгнув спину, уперся в меня. Жужанна всем телом довольно неуклюже подалась за ним (между тем Лайенс упрямо пытался овладеть ею сзади) и вонзила зубы в шею Лебо.

Я почувствовал, что разум вновь подчиняется мне. Меня захлестнула волна ярости, и я последовал примеру сестры.

Я пил его кровь, не в силах оторваться...

Как всегда, кровь была восхитительна. Я вкушал настоящий нектар, дарящий силы, но к привычному вкусу добавился оттенок, совершенно мне незнакомый. Поначалу я решил, что причиной тому выпитое англичанином шампанское (недаром у меня закружилась голова). Однако вскоре я понял: это плотское наслаждение, испытанное Лебо, придало его крови столь необычный привкус. Я вздрогнул, пошатнулся и едва не потерял сознание. Насыщение всегда доставляло

мне громадное чувственное удовольствие, но то, что я ощущал сейчас... это переходило все границы. Я буквально упивался его изысканностью.

Помимо экстаза, в котором все еще пребывал несчастный англичанин, я ловил обрывки его мыслей и чувств. Передо мной промелькнуло простое и милое лицо какой-то девушки, потом пронеслись образы седовласых мужчины и женщины. Оказывается, Лебо было стыдно за содеянное – я поймал и эту мысль.

Я мог бы задержаться в его разуме подольше, но находиться рядом с умирающими людьми всегда было для меня мучительно. Я предпочитал убивать своих жертв быстро и аккуратно, не позволяя себе глубоко проникать в их чувства. Сейчас мне требовалась лишь кровь Лебо и его экстаз. Я довольно легко добился желаемого. Когда человек умирает, его воспоминания бледнеют. Все мои жертвы уходили из жизни в состоянии блаженного забытья.

От наших с сестрой ласк и фатальных поцелуев Лебо быстро слабел. Мы с Жужанной, точно голодные звери, впилась в него, продолжая высасывать кровь из обмякшего тела. Если бы мы не держали его с обеих сторон, он бы упал, как тряпичная кукла.

Жужанна подняла на меня взгляд. Кровь и чувственные наслаждения опьянили ее. Мы переглянулись, и каждый увидел в глазах другого полное удовлетворение. Оторвавшись от Лебо, Жужанна торопливо шепнула (ее губы и зубы были

перепачканы кровью англичанина):

– Ну что, так вкуснее? После *этого* кровь всегда вкуснее...

Сестра была права, однако сам вопрос меня смутил. Мне, будто совращенной девственнице, не хотелось признаваться, что я и в самом деле испытал удивительное блаженство. Я закрыл глаза и полностью сосредоточился на своих ощущениях. Как же это прекрасно – пить не переставая теплую, пьянящую кровь молодого, сильного человека, смешанную с шампанским и плотским наслаждением...

Крови в жилах Лебо оставалось все меньше. Мне приходилось уже не пить, а высасывать ее. Сердце англичанина постепенно замирало и наконец совсем остановилось.

Лебо был мертв, но я все равно продолжал вытягивать из него остатки крови, забыв, чем мне это грозит. Жужанна с силой, которой не может обладать ни одна смертная женщина, оторвала меня от тела англичанина. Когда мертвый Леборухнул на пол, из моей глотки вырвался звериный рык.

Мне было мало! Я хотел еще! Я в ужасе взглянул на Жужанну. Моя сестра отбивалась от назойливых приставаний Лайенса.

– Этого, мой милый брат, я отдаю тебе целиком, – произнесла она и озорно улыбнулась.

Я подошел к Лайенсу со спины. Шаги мои были нетвердыми – видимо, вино, бурлившее в крови Лебо, частично передалось и мне. Но сейчас я не испытывал мук голода, к тому же у меня прибавилось сил; я стал ловчее. Убийство

второй жертвы превратилось в забаву, перспектива которой приятно будоражила меня. Падение Жужанны словно принесло мне свободу, и впервые за все эти месяцы я позволил себе наслаждаться охотой.

Стоя позади своей жертвы, я на секунду замер. Я смотрел из-за толстой, скрюченной спины Лайенса на жемчужный блеск шеи Жужи, на единственный локон ее темных волос, выбившийся из безупречной прически. Как же это было красиво – черный локон на белоснежной коже.

Я утолил первый голод и теперь мог охотиться, не торопясь, получая удовольствие от каждого движения. Но когда я приблизился к Лайенсу вплотную, витавшие вокруг него ароматы вновь разожгли во мне аппетит. Пахло недавним совокуплением, остывающим телом мертвого Лебо, наконец, пахло другим телом – потным и полным горячей крови.

Я с предельной осторожностью коснулся плеч Лайенса. Поскольку он стоял ко мне спиной, я не стал погружать его в состояние сладостного забытья. Падение сестры оказалось заразительным: меня не волновало, какими будут последние минуты этого борова.

Молниеносным движением я впился в шею Лайенса, почувствовав на языке обжигающе соленый вкус его пота.

Лайенс качнулся назад, завопив от боли и страха. Жужанна вырвалась из его рук и удобно устроилась на бархатных подушках, чтобы полюбоваться зрелищем. Собственная нагота ее ничуть не смущала. На губах сестры играла доволь-

ная чувственная улыбка.

Боже, прости меня... хотя я едва ли могу рассчитывать на Его прощение. Стыдно сознаваться, но сопротивление Лайенса приятно возбуждало меня и доставляло наслаждение. Англичанин бился, пытаясь освободиться, но я крепко держал его, снова и снова прокусывая толстую кожу. Наконец я добрался до вены, вонзил в нее зубы, и оттуда брызнула кровь.

Струя крови попала Жужанне на лицо и грудь. Смеясь, моя сестра открыла рот и стала ловить алые капельки с невинной радостью маленькой девочки, пытающейся поймать на язык снежинку. Но ее удовольствие было коротким, ибо я тут же припал к жизнетворному источнику и начал неистово пить. Вскоре Лайенс ослабел и прекратил брыкаться, а затем и вовсе повис на мне. Его сердце бешено колотилось, как у воробья, попавшего в силоч.

Я продолжал пить, не обращая внимания на тяжесть его тела. Почувствовав, что Лайенс мертв, я сразу же оторвался от него. Труп англичанина грузно повалился на пол. У меня вдруг сильно закружилась голова. Я упал на диван, голова моя опустилась на подушки. Кровь моих жертв, перемешанная с шампанским, подстегнула мои мысли, и они понеслись.

Я закрыл глаза и провалился в сон. Теперь я уже был не жалким убийцей, пленником венских ночей, а простым смертным, ехавшим из Вены в Буда-Пешт. Стучали колеса поезда. Я лежал в темном купе, рядом с женой и ребенком,

которому вскоре предстояло родиться... Знай я, какая судьба ждет меня в родных трансильванских горах, я бы ни за что туда не вернулся. Мы бы бежали даже из Европы. О Мери, моя дорогая Мери! Как же безрассудно я поступил, когда привез тебя прямо в логово чудовищного зла, о существовании которого даже не догадывался. Теперь мне остается лишь уповать на то, что ты и наш сын находитесь в безопасности и недостижимы для Влада...

Сон продолжался. Я протянул руку к спящей жене. Мери шевельнулась. Золотистые ресницы дрогнули, веки медленно поднялись. Она открыла глаза... Каким удивительным спокойствием веяло от этих синих сверкающих очей, сколько любви было в них! Я заплакал и придвинулся к ней...

...оказавшись в коляске на лесной дороге, где нас настиг Влад. Глухо рычали волки, неистово ржали испуганные лошади. В. презрительно смеялся над нашей попыткой бегства, но вскоре его смех превратился в злобный крик, когда он увидел, как Мери, нацелив мне в грудь револьвер, пристально посмотрела на меня.

Взгляд жены был полон бесконечной любви и сострадания.

Выстрел. Едкий запах пороха. Острая боль, пронзившая сердце.

Но на этот раз я не умер. В своем полубезумном сне я сумел поймать тонкие белые пальцы Мери. Слезы хлынули у меня из глаз, когда ее руки призывно потянулись ко мне. Ме-

ри, живая, настоящая Мери; я держал ее в объятиях, уткнувшись в ее золотистые волосы, которые стали мокрыми от моих холодных слез. Меня охватила любовная страсть, какой я не знал при жизни. Даже смерть не смогла погасить моего желания.

Я уступил ласкам Мери, ее словам и овладел ею... или она овладела мною? Сладостная истома несколько остудила мою страсть, и в момент высшего наслаждения прекрасный образ Мери вдруг, дрогнув, исчез, а его сменило лицо нашей бывшей горничной Дуни.

Я испуганно закричал. Но истома вновь окутала меня своим покрывалом. Я увидел другой сон. И опять Мери была рядом, и я страстно ее желал. Я овладел женой и только потом осознал, что ее лицо перепачкано свежей кровью.

Во сне я пригляделся и снова закричал. Женщина, лежавшая рядом со мною, была не Мери. На этот раз, к моему величайшему ужасу, я обнаружил возле себя собственную сестру.

Кошмарный сон превратился в не менее кошмарную явь. Я открыл глаза и увидел, что Жужанна и в самом деле лежит в моих объятиях. Содрогаясь от стыда и отвращения, я отстранился от нее и, сев, огляделся по сторонам. Мы с сестрой находились на диване. Рядом, на полу, равнодушная к остывающим трупам, громко храпела полураздетая Дуня.

Поднявшись, Жужанна как ни в чем не бывало надела платье и принялась застегивать пуговицы, однако ее движе-

ния утратили кокетливую небрежность. С лица исчезла похотливая улыбка, оно стало серьезным и даже суровым, словно впервые за все это время Жужанна задумалась о последствиях содеянного.

Я лихорадочно натянул на себя одежду. Мой голос дрожал от стыда и ярости.

– Как... как ты посмела это сделать? Ты нарочно погрузила меня в сон. Но зачем? Разве тебе было мало любовных утех?

Свечи давно догорели, за окнами занимался серый рассвет. Ночь уходила, и вместе с ней таяла и сверхъестественная красота Жужанны. Нет, ее лицо не стало уродливым. Но синеватый отблеск волос, лунное сияние кожи, золотистые огоньки в глазах – все это поблекло. Передо мной была всего лишь привлекательная смертная женщина.

Жужанна ответила не сразу. Вначале она еще раз взглянула на Дуню, желая убедиться, что та продолжает спать.

– Я сделала это, чтобы спасти тебя, Каша, – тихо сказала Жужанна. – Чтобы спасти всех нас.

Заметив мое недоумение, она пояснила:

– Ты умер совсем недавно. Влад говорит, что пока еще от тебя могут быть дети. Ребенок, Каша. Мне всего-навсего нужен ребенок.

Всего-навсего! Я едва не застонал от ужаса: как Жужанна может спокойно говорить о принесении в жертву ее ребенка... *нашего* ребенка? Неужели она думает, что дитя, родившееся от кровосмесительного соития, будет в меньшей сте-

пени человеком? Или я буду меньше его любить? А может, она считает, что такого ребенка легче обречь на безрадостную, полную страданий судьбу?

Видя боль, написанную на моем лице, Жужанна повысила голос и попыталась оправдаться:

– При жизни я была слишком многого лишена. Не лишай меня этой радости. Или ты хочешь, чтобы *он* выследил твоего сына?

Я был противен самому себе. Мне не хотелось отвечать, и я отвернулся.

– Мне необходимо сообщить тебе, что Влад напал на твой след, – вдруг сказала Жужанна. – Он уже щедро заплатил твоему подручному... да-да, тому самому, что вчера вечером был здесь. После восхода солнца этот человек должен прийти сюда и расправиться с тобой так же, как поступал с телами твоих жертв.

– А почему Влад не поручил это тебе? – с горечью спросил я. – Намного проще было бы покончить со мной, когда я, беспомощный, лежал рядом с тобой. Что ж ты этого не сделала?

На прекрасном лице Жужанны появилось выражение откровенного удивления.

– Оказывается, ты не знаешь...

– Что я должен знать?

– Ни Влад, ни ты не можете уничтожить друг друга. Договор это запрещает. Мы можем умереть лишь от руки смерт-

ного человека.

Я молча размышлял над ее словами, пока сестра довольно резко не прервала мои раздумья.

– У тебя нет времени, Каша. Ты должен немедленно покинуть этот дом.

– Уж не с тобой ли вместе? – спросил я, чувствуя, как во мне опять закипает ярость. – К какой уловке ты прибегнешь теперь?

– Ни к какой.

Жужанна опустила голову. Впервые за все время нашей встречи я уловил в ее голосе неподдельную печаль.

– Каша, я не прошу тебя поехать со мной и даже не спрашиваю, куда ты намерен отправиться. Но я должна кое-что тебе сказать. Что бы ты обо мне ни думал, я любила и продолжаю любить тебя.

Она заглянула мне в глаза.

– К сожалению, Каша, твой разум слишком податлив. Тобой очень легко управлять. Влад нашел тебя здесь. Найдет и в другом месте. Он слишком силен, опытен и коварен, чтобы ты смог с ним справиться.

– Если все это правда, что ж он не явился убедиться в моей гибели сам? Почему послал тебя?

– Это плата, которую от него потребовали за то, что он сделал тебя вампиром. Теперь он в течение нескольких десятков лет не смеет покидать пределов родового поместья. Но он не оставит тебя в покое. А ты за это время должен как

следует подготовиться. Суди сам: меньше чем за полгода он научил меня приемам, позволившим мне делать с тобой все, что захочу.

Она умолкла. В ее глазах мелькнуло что-то странное – выражение, которому тогда я не мог найти объяснения. Только позднее я догадался: то был страх. Страх за меня.

– Ты когда-нибудь слышал о Шоломанче? – спросила Жужанна.

– Слышал.

– Каша, это не выдумка. Она действительно существует, и ты должен туда отправиться. Влад меня убьет, если узнает, что я рассказала тебе о школе зла. Отправляйся туда, учись и становись таким же сильным, как Влад, иначе он тебя уничтожит.

Мое лицо окаменело, а в голосе, когда я заговорил, прозвучали доселе несвойственные мне металлические ноты:

– Если я туда попаду, то стану сильнее его. И тогда я позабочусь, чтобы не только он, но и все мы очутились в аду.

Я не видел, каким было лицо Жужанны, когда она услышала мои слова. Она поспешно отвернулась и тихо сказала:

– Тебе пора.

Склонившись над спящей Дуней, Жужанна принялась ее будить. Я молча вышел за дверь, оставив сестру в чужом доме с двумя обескровленными трупами. Добравшись до вокзала, я сел в первый поезд, идущий в Буда-Пешт. Там я пересел и отправился дальше на восток, в Румынию, чтобы в

конце концов оказаться на берегу озера Германштадт, в котором, как утверждают местные жители, обитает дьявол.

* * *

Вот опять загремел гром. Дракон позвал меня, и я иду...

Глава 2

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ДРАКУЛ

4 ноября 1845 года

Я пришла в этот мир жалкой калекой, родившись горбатой и хромоногой. В памяти у меня до сих пор сохранился жуткий звук моих тяжелых, неровных шагов. Я слышала его всю жизнь, с трудом ковыляя по каменным полам нашего фамильного дома.

В детстве я узнала нежную материнскую любовь, но достаточно рано мне открылось и другое: мать любила меня совсем не так, как моих братьев. Когда мне не исполнилось еще и восьми, она умерла. Отец и братья тоже меня любили. Можно сказать, они обожали эту грустную, увечную девочку с большими, влажными, как у лани, глазами. Но в их любви я всегда чувствовала жалость.

Да, они жалели меня. Ведь я была обречена всю жизнь провести в четырех стенах. Судьба отказала мне в другой любви. Разве у убогой калекки мог быть возлюбленный? А муж и дети? Я росла настолько одинокой, что впала в легкое умопомешательство. Я придумывала возлюбленных; я завела себе воображаемого спутника, определив на эту роль своего брата Стефана. На самом деле он погиб еще в детстве. Но в моем воображаемом мире Стефан был жив. Я превратила его в своего сына. Он послушно ходил со мной из комнаты в

комнату. Я любила читать ему вслух – ведь в книгах описывалась жизнь за стенами моей роскошной тюрьмы.

Невзирая на хрупкое, болезненное тело, мой разум был живым и пытливым. Письменный стол, книги, перо и черни-ла – все это вошло в мою жизнь очень рано. Обычно женщины из рода Цепешей получали лишь зачатки образования, но моя мать придерживалась иных взглядов. Она сама была хорошо образованной женщиной и вдобавок писала стихи. Мать рано обучила меня грамоте. В восемь лет я говорила не только по-румынски, но уже неплохо знала французский и немецкий языки. Отец принялся учить меня латыни. Когда я стала постарше, мы с Аркадием часто играли "в слова" и говорили между собой на иностранных языках. Свой дневник, желая скрыть написанное от чужих глаз, я вела на английском. И еще я все время мечтала о других странах, хотя и знала, что мне там не бывать.

До чего же я ненавидела тогда зеркала! Все они показывали тщедушную девочку с болезненно бледным лицом. Я почти не выходила на солнце, а лес и горы видела только из окон. Я ненавидела острые черты своего лица, излишне крупный нос с горбинкой и огромные карие глаза, жаждавшие любви. Разве кто-нибудь мог полюбить меня такой? И если бы некрасивое лицо было моим единственным недостатком! Оно служило лишь уродливым дополнением к телесным увечьям – ссохшейся, вывернутой ноге и искривленной спине, отчего одно мое плечо заметно возвышалось над

другим.

Я и сейчас ненавижу зеркала, но уже по иной причине: они не желают показывать произошедших со мной перемен. Сколько бы я ни стояла перед зеркалом, оно будет упрямо отражать пустоту. Как же мне хочется увидеть и прекрасное лицо, и удивительной красоты тело, наряженное в модное платье! Мною восхищаются, но сама я лишена этой возможности. Те, кто с восторгом смотрит на меня, едва ли поверят, что всего несколько месяцев назад я была жалкой калеккой. Теперь же у меня сильное, стройное тело с совершенными формами и идеально прямая спина. Возможно, я – самая прекрасная женщина в мире. Для подтверждения моего предположения не требуется зеркало, ибо свою правоту я вижу в глазах мужчин.

Кто же превратил гадкого утенка в прекрасного лебедя?

Это сделал Влад, которого я по своей тогдашней наивности считала отцовским дядей. В свое время он поклялся никогда не совершать превращение над кем-либо из его семьи. Влад нарушил клятву из любви ко мне. Я всегда открыто восхищалась им, правильнее сказать, я обожала его и никогда этого не скрывала. Влад сумел разглядеть мятущуюся душу, плененную в увечном теле.

Один его поцелуй пробудил меня к новой жизни, но за нарушение договора он заплатил потерей власти над разумом моего брата. Влад пошел на громадный риск: он знал, что Аркадий обязательно попытается бежать. Само существова-

ние моего благодетеля оказалось под угрозой.

Тем не менее Влад, не колеблясь, заплатил эту высокую цену и стал моим возлюбленным. Он нежно и ласково ухаживал за мной, постепенно разжигая во мне любовный огонь, а потом искусно провел меня над пропастью смерти в иную жизнь, о которой я не смела и мечтать.

Благодаря ему я стала бессмертной. Теперь я не боюсь ни старости, ни страданий (за исключением мук голода). Уроdlивое тело осталось в той, прежней жизни. В нынешней существуют лишь красота, чувственные наслаждения и экстаз убийства своих жертв. Смертные мужчины восхищаются мною, боготворят меня, любят и мечтают, чтобы я им отдалась.

Узнав, что в первый год после превращения я еще могу забеременеть, я не отказывала никому, кто меня домогался. Только, скорее всего, я бесплодна, и здесь Влад бессилен чем-либо помочь... Но даже если это и так, я буду предаваться любви столько, сколько захочу. Мне никто не посмеет отказать в наслаждении. Всякий мужчина сочтет за счастье быть моим любовником. Я верю: у меня будет ребенок, пусть и не мой собственный.

Да, это Влад положил конец мучениям, называвшимся моей человеческой жизнью, и подарил мне новый мир, полный блистательных чувственных удовольствий. Я не вправе относиться к нему без любви и благодарности, даже если потом он и возненавидит меня. Я всегда буду в долгу перед

ним.

Влад ни в чем мне не отказывает. Ему доставляет удовольствие покупать мне наряды и исполнять мои прихоти. Он не устает любоваться моей красотой. Единственное, что разделяет нас, – это мой брат Аркадий, которого я привыкла называть детским именем Каша⁵.

Я люблю Влада за то, что он сделал и делает для меня, но за то, как он обошелся с моими отцом и братом, я его ненавижу. Дальнейшее существование Влада зависит от того, сумеет ли он поработить душу Аркадия. Точно так же, как прежде для продления жизни и поддержания сил ему было необходимо получить власть над душами моего отца, деда и всех старших сыновей в каждом поколении Цепешей.

Однако договор запрещал Владу делать вампирами кого-либо из близких. Я уже писала: он дорого заплатил за мое превращение. Но еще большую цену ему пришлось заплатить за бессмертие Каша, ибо теперь он заперт в своих владениях и в ближайшие четверть века не сможет их покинуть.

Влад и сам говорит, что у него есть не более двадцати пяти лет. За это время он должен уничтожить моего несчастного брата, иначе мы оба лишимся бессмертия, силы, красоты и... погибнем. Поскольку Владу никак не покинуть Трансильванию, он вынужден рассчитывать на помощь других, включая и меня.

⁵ Происхождение этого имени объясняется в первой главе первого тома трилогии «Договор с вампиром».

Двадцать пять лет... Но брат всегда был мне самым близким и верным другом. Разве я могу допустить, чтобы с ним стряслась беда?

Остается лишь тешить себя надеждой, что через четверть века мне надоеет эта блистательная жизнь и я достойно уйду из нее. Для Влада же подобный исход абсолютно неприемлем. К тому же вдруг Аркадий еще раньше обретет силу и уничтожит моего спасителя и первого возлюбленного? Каша искренне верил, что любит меня, но в отличие от Влада в его чувстве ко мне было слишком много жалости и сострадания. Влад же единственный, кто не относился ко мне как к увечной.

Но если я не помешаю планам Аркадия (по правде говоря, я сама направила брата туда, где из него сделают серьезного и опасного противника), что будет со мной? Влад меня сотворил, и если погибнет он – мой бог, – погибну и я. Или нет? А вдруг он лжет, утверждая, что наше существование взаимосвязано?

Единственное решение – защищать их обоих, пока это в моих силах.

Меня не покидает страх, поскольку мне известен нрав Влада. Если он узнает правду о венских событиях, то непременно расправится со мной. Сам он не в состоянии меня уничтожить, но он всегда сможет поручить это кому-нибудь из смертных, падких на деньги... Здесь я не совсем права. Чтобы погубить вампира, нанятый человек должен обладать

недюжинным умом и определенными навыками. Тут не сыг-
раешь на обыкновенном человеческом корыстолюбии. Но
рано или поздно Влад найдет такого человека, если... если
только мой брат не опередит его, сделав то же самое.

Впрочем, чего я боюсь? От меня Влад ни за что не узна-
ет подробности нашего разговора с братом, от самого Каши
– тем более. Бедняжка Дуня в это время спала и ничего не
слышала.

Как мне не хотелось возвращаться в Трансильванию! Рас-
ставаясь с Веной, я плакала. Меня словно изгоняли из рая,
полного красоты, роскоши и всевозможных удовольствий.
Будучи смертным человеком, я не могла проехать в экипа-
же и нескольких минут, поскольку дорожная тряска сразу же
отдавалась болью во всем теле. Мне было не выдержать даже
поездку в Бистриц. А Вена оставалась для меня недостижае-
мой мечтой, чудесной сказкой, которую рассказывали отец
и Аркадий.

И наконец я сама попала в эту сказку, окунувшись в ее
волшебство. Ах, эти шумные, запруженные народом улицы,
изысканные наряды, кондитерские, где пирожные похожи на
драгоценные камни, восхитительные театры. А что за люди
наполняют эти театральные залы!.. Их теплые тела безупреч-
но вымыты, они источают аромат духов, облачены в восхи-
тительные вечерние туалеты и украшены драгоценностями.
Они приятнее пирожных и гораздо вкуснее. Сидеть рядом с
ними, вдыхать их удивительный запах – запах молодой, силь-

ной крови, дополненный ароматом неведомых мне блюд и тонких вин, ощущать биение их горячих сердец... Как же все это меня завораживало и опьяняло!

А венские мужчины! Могу без преувеличения сказать, что абсолютно во всех обращенных на меня взглядах горело желание. Но выбирала я. О, сколько раз я мысленно повторяла; "Вот это жизнь!" И если я смогла окунуться в нее, лишь став неумершей, что ж, такой я предпочту и остаться. Своей прежней жизнью в увечном теле я сыта по горло.

Каково после Вены возвращаться в мрачный, темный замок Влада? В жуткую, звенящую тишину? Все слуги давно разбежались. Деревня тоже опустела. Узнав, что Влад нарушил договор и сделал меня бессмертной, крестьяне бросили дома и подались кто куда. Глупцы! Видно, они испугались, что Влад нарушит договор и с ними и начнет охотиться на них.

Итак, мы остались с ним вдвоем и вынуждены рассчитывать лишь на свои силы. Замок все больше ветшает. Я часто стою у окна и смотрю в сторону ущелья Борго, мечтая увидеть карету, наполненную живыми людьми, у которых горячая кровь и бьющиеся сердца. Но еще немного, и снег занесет дорогу, сделав ее непроходимой. Значит, наш нынешний гость – это все, чем мы располагаем до самой весны.

Последний гость... Подземные загоны пусты. Если бы мой брат не воспротивился уготованной ему роли и стал пособником Влада, в подземелье сейчас было бы полно людей. То-

гда можно было бы не беспокоиться о пропитании на зиму.

Похоже, нам придется голодать... слабеть и терять свою красоту.

Как мне хочется сбежать из этой глуши в Вену! Иногда я жалею, что предупредила Аркадия (до чего же я дошла!), ибо моя щедрость может дорого мне стоить. Пусть я не вижу своего отражения в зеркалах, но я почувствую, когда начну дурнеть. Как я это переживу?

Теперь я прекрасно понимаю желание Влада перебраться в Лондон. Трансильвания уже не та, какой была раньше, и с каждым днем нам становится все труднее. Даже сейчас, теплой и сухой осенью, в замке нет новых гостей. А что будет дальше... Как здорово было бы вновь оказаться в громадном городе, полном ничего не подозревающих людей!

Мы уже давно могли бы уехать в Англию, но Каша, точнее, его бунт и побег – они стали для нас непреодолимой преградой. Владу придется оставаться в Трансильвании дотех пор, пока его наемники не уничтожат моего брата или пока за отведенные нам двадцать пять лет Каша вдруг не погибнет сам.

А ведь я могла освободить Влада! Он велел мне найти людей, которые согласились бы уничтожить Кашу. Я их нашла, но эти ничтожества не обладали нужными навыками, а в их убогих мозгах с трудом копошились мысли об обещанном золоте, но никак не о деле.

Неужели мне самой придется стать орудием гибели Аркадия?

Нет. Нет... во всяком случае, не сейчас. Я еще не готова расстаться с волнующей новой жизнью. И я должна оберегать Влада, поскольку никому из своих близких не хочу причинять вреда.

В замок я приехала поздним вечером, терзаемая грустью и голодом. Путь был нелегким, поскольку мы ехали в основном на лошадях. Кучер, которого мы наняли в Бистрице, согласился довезти нас только до ущелья Борго и сразу же повернул на Буковину. Влад позаботился об экипаже, но управлять лошадьми предстояло кому-то из нас троих: мне, Дуне или Жану.

Дуня едва держалась на ногах – дорога сильно утомила ее, да и Жан после наших неистовых ночей был не в лучшем состоянии. К тому же пока он спал, я украдкой насыщала его вкусной кровью. Забравшись в экипаж, Дуня и Жан сразу же заснули. Мне не оставалось ничего иного, как самой усесться на козлы. Лошади побаивались меня и потому бежали резво, так что в замок мы приехали достаточно скоро. Я разбудила Дуню, затем перенесла спящего Жана в замок.

Только потом я поняла свою непростительную ошибку: нельзя было оставлять Жана без присмотра. Однако стеречь его у меня не было сил. Пока мы добирались сюда, я использовала любую возможность, чтобы насытиться. В последний раз я сделала это, когда мы ехали из Бистрица до ущелья Борго. Моей жертвой стал пожилой венгр (уверена, кучер ничего не заподозрил и спокойно ехал до самой Буковины,

где с ужасом обнаружил, что его единственный пассажир – остывший труп). А после насыщения всегда хочется спать.

Я была настолько сонной, что не потащила своего любовника в гостевые покои наверху, а оставила его на первом этаже. Там тоже есть комнаты для гостей, которыми Влад давно не пользуется. (Честно говоря, я надеялась, что проснусь раньше, чем Влад обнаружит присутствие Жана.) Обычно я сплю в потайной комнате, где стоят наши с Владом гробы. Но в тот вечер я кое-как доплелась до ближайшего погреба и забралась в первый попавшийся сундук.

Я спала почти сутки и проснулась только на следующий вечер, когда солнце уже успело сесть. Жана в комнате для гостей не оказалось. Зная, что Влад имеет обыкновение мучить своих жертв, я недовольно поморщилась: теперь мне вряд ли удастся защититть моего незадачливого любовника. Найдя спящую Дуню, я растолкала ее и велела идти со мной в тронный зал. Она, как всегда, испугалась и начала упираться, но я знала, что Влад потребует ее присутствия, и не хотела его злить.

Как я и ожидала, он восседал на троне.

Полгода назад, когда Аркадий сбежал в Вену, внешне Влад вполне мог сойти за его ровесника. Он и сейчас оставался на редкость обаятельным: бледное лицо с суровыми чертами, черные брови, большие, чуть раскосые глаза. Но теперь сходства с моим братом поубавилось. Полуголодное существование состарило Влада. В иссиня-черных волосах по-

явилась седина, лицо вновь прочертили морщины (неужели после долгой, голодной зимы то же самое случится и с моим обликом?).

Губы Влада были тоньше, чем у Аркадия, а их форма и изгиб свидетельствовали о жестокой и чувственной натуре обладателя. Глаза его также отличались от наших не только своим изумрудным цветом, но и тяжелыми веками и густыми ресницами.

В этот вечер глаза Влада горели столь ненавистным мне хищным огнем.

Пока я открывала тяжелую дверь, отделявшую его покои от остального замка, Дуня, словно испуганный ребенок, вцепилась в мою одежду. Тут раздался голос Влада:

– А-а, это ты, Жужанна? Ты вовремя пришла. Посмотришь, как развлекается наш гость. Кстати, спасибо тебе за заботу!

Влад сразу догадался, что я привезла ему из Вены подарок. Да и могла ли я не отблагодарить его за проявленную щедрость? Однако я надеялась, что еще разок сумею полакомиться беднягой Жаном, прежде чем он попадет к Владу.

Я быстро вошла, удерживая Дуню справа от себя и заслоня собой жуткую картину, открывавшуюся слева. Черный бархатный занавес был отдернут, обнажая зловещий "театр смерти" с его кандалами, цепями, дыбой и блестящими кольями.

Мы подошли к основанию трона, на котором восседал

Влад, наслаждаясь зрелищем средневековой камеры пыток. К трону вели три ступеньки из темного полированного дерева с золотыми инкрустированными буквами, которые складывались в слова "Justus et pius", что означало "Справедливый и благочестивый". Над тронем, на стене висел древний щит, сильно пострадавший от времени. С большим трудом можно было различить на нем изображение расправившего крылья дракона – символа Влада Колосажателя.

Я поднялась по ступенькам и подставила щеку для холодного поцелуя Влада.

– Здравствуй, моя дорогая! – произнес он, взяв меня за руку и любясь мною.

Он одновременно играл две роли: умудренного и заботливого главы большого семейства, обрадованного встречей со своей юной внучкой (или правнучкой), и пылкого возлюбленного.

– Как ты обворожительно прекрасна!

Я улыбнулась, зная, что эти слова он говорит совершенно искренне.

Вена дала мне немало превосходной, вкусной крови, и сейчас я без всякого зеркала ощущала свою красоту. Моя женская притягательность значительно возросла. Впервые за много месяцев я увидела в глазах Влада нескрываемое желание.

Надо сказать, что после моего превращения наша страсть угасла. Иногда, правда, мы предавались холодной любви,

ибо охота и насыщение распалили нас, а переход наших жертв через пропасть, разделявшую жизнь и смерть, возбуждал (но должна признаться, что, став вампиршей, я не научилась получать удовольствие от некрофилии, и совокупление с другим вампиром не доставляет мне никакой радости). Что касается Влада, то плотские утехи его почти не интересуют. Он желает властвовать, управлять, поработать и внушать страх. А во мне желание пробуждается только рядом с живыми людьми, когда я ощущаю их тепло, ловлю запах крови. Меня приводит в неопикуемый экстаз таинственная взаимосвязь между моим голодом, необузданной страстью и смертью очередной жертвы. Но когда я забираю у любовника его теплую кровь, силы и, наконец, саму жизнь, моя любовь остывает столь же быстро, как его мертвое тело.

Я улыбалась, видя, что Влад восхищается моим новым платьем из атласа и серебристого шелка, сшитым у модного венского портного. Но восхищение длилось недолго. Взгляд Влада снова обратился к несчастному Жану. Мой недавний любовник, раздетый догола, был подвешен за руки.

– Мсье Бельмонд, – по-французски обратился к нему Влад. – Полагаю, вы уже успели познакомиться с Жужанной – моей племянницей и... супругой. Не правда ли, она удивительно прекрасна?

Я неохотно перевела взгляд на жалкое, испуганное существо, в котором с трудом узнала прежнего Жана. Он висел, слегка касаясь каменной стены, запачканной кровью много-

численных жертв, и трясся всем телом. Этот-то щеголь, привыкший жить за счет женщин! Жан считал себя редкостным счастливым, предвкушая выгодную женитьбу на богатой графине. Сославшись на то, что перед свадьбой он должен непременно познакомиться с моей семьей, я легко уговорила его поехать сюда. (Знал бы он, какое знакомство его ожидает!) И пока мы добирались в замок из Вены, в гостиницах, поездах, каретах и даже в дилижансе, который вез нас из Бистрица, я беззастенчиво наслаждалась поджарым, мускулистым телом Жана и его кровью. Теперь настал черед Влада.

Кандалы впились в запястья Жана. Его голова клонилась набок, а выпирающие ребра напоминали изображения распятого Христа. Обаятельный молодой мужчина, белокожий блондин, который еще совсем недавно питал меня своей кровью и ни разу не оплошал, удовлетворяя мои желания... Сейчас его светлые глаза были полны ужаса. Нежную, ухоженную кожу покрывали кровоподтеки – Жана хлестали плетью. Зловещая игра уже началась. Я заметила, что его ноги тоже были закованы в кандалы и разведены.

– Любимая! – закричал Жан.

Он напрягся, будто силился выскочить из своих оков. Его телосложение восхитило бы любого скульптора. Во рту сверкали ровные белые зубы. Мне вдруг безумно захотелось поцеловать Жана в его алые губы.

Он снова дернулся. Кандалы глухо лязгнули, ударившись о каменную стену.

– Моя Жужанна! Ради нашей любви, ради Бога, помоги мне! Помоги!

Внизу, скрытый полумраком, спокойно делал свое дело палач Жана – рыжеволосый уродец Ваня, недавно появившийся в замке. Он был горбатым и хромым на обе ноги (судьба обошлась с ним еще безжалостнее, чем со мной). Однако Ваня не вызывал у меня ни малейшей симпатии, я не могла без отвращения смотреть на его красное лицо. От этого грубого животного в облике человека исходил тяжелый, гнусный запах немытого тела, смешанный с перегаром. Его маленькие пороссячи глазки кровожадно поблескивали. Ваня усердно смазывал затупленный конец деревянного кола.

Я поняла, какая участь ожидает моего незадачливого "женуха", и поспешила отвернуться. Я не верила, что Жан Бельмонд искренне меня любит. Он польстился на мою красоту и богатство, но затем, получив и то и другое, оказался бы неверным мужем. И хотя я тоже не питала к нему любви, мысль о его страданиях была для меня невыносима.

На губах Влада появилась едва заметная довольная улыбка, но глаза по-прежнему глядели холодно и жестоко.

– Не торопись, – сказала я ему по-румынски, чтобы Жан не понял.

Скрывая свое отвращение, я кокетливо потрепала Влада по руке.

– Позволь мне насладиться первой. Дядя, прошу тебя...

Я теперь принадлежу к неумершим и потому нахожусь вне

суда живых. Я уже проклята и не боюсь суда никакого Бога. Но я не утратила чувства сострадания к своим жертвам. Если я должна их убивать, пусть их смерть будет сладостной; если я должна грешить, пусть грех приносит удовольствие, а не боль. По крайней мере, кровь тогда бывает куда вкуснее.

– Может, и позволю, – улыбаясь, ответил Влад. – Но, по моему, ты уже достаточно насладились им. Вначале я хочу узнать о главном. Что с Аркадием? Все ли удалось, как было задумано? Ты разыскала его? Сходила к нему?

– Да.

Влад резко подался вперед и, понизив голос, спросил:

– И ты выполнила мои повеления? Договорилась с тем человеком?

– Да, – опять ответила я.

Мне казалось, что стыд остался в моей прежней жизни, но нет. Я вспомнила, как все было на самом деле, и меня обожгло стыдом. Человека, к которому меня направил Влад, я легко соблазнила и насытилась его кровью, лишив при этом жизни.

Улыбка Влада стала еще шире, отчего обнажились его острые клыки.

– Прекрасно, Жужа... А теперь скажи...

Он больно сжал мне запястье и притянул к себе.

– Ты своими глазами видела, что Аркадий повержен? С ним поступили так, как я велел? Да?

Я опустила голову, чтобы его всепроникающие зеленые

глаза ничего не могли прочесть в моем взгляде. Обманывать его не имело смысла, поскольку это грозило мне еще более суровым наказанием, ибо Влад все равно распознает, где правда, а где ложь. После секундной заминки я сказала:

– Я уверена, что с Аркадием покончено. Я все тщательно объяснила тому человеку и хорошо ему заплатила. Но я выпила слишком много пьяной крови и уснула еще до наступления утра.

Влад вскочил на ноги и в гневе столкнул меня вниз.

– Лгунья! – рявкнул он.

От ярости его глаза сделались красными, будто зеленый лес вдруг охватил пожар.

– Ты же поклялась мне, что проследишь за всем и все увидишь собственными глазами! Ты не выполнила самого главного! Неужели ты настолько глупа, что не понимаешь очевидных вещей? У нас очень мало времени, и мы не должны были упустить представившуюся возможность. Поощадив брата, ты навредила нам обоим! И после этого ты еще осмеливаешься говорить, что любишь меня?

Наверное, столкну он смертного человека, тот, упав, сломал бы себе шею. Но мне этот жестокий толчок не причинил ни малейшего вреда Мягко, как кошка, опустившись на пол позади съжившейся Дуни, я расправила плечи и гордо вскинула голову, сознавая свою неотразимую красоту.

– Я не лгунья! – крикнула я в ответ, пытаюсь разжечь в себе гнев, чтобы хоть таким образом приглушить отчаянный

страх.

Наверное, Влад мог бы расправиться со мной (иногда он угрожает это сделать), однако я подозреваю, что его, как и меня, терзает неуверенность относительно возможных последствий.

– Аркадий не перестал быть моим братом, и моя кровь еще не настолько остыла, как твоя. Как ты можешь требовать, чтобы я была свидетельницей расправы над тем, кого люблю?

Лицо Влада окаменело, глаза превратились в узкие щелки. Он сверлил меня взглядом. Я понимала: сейчас он обдумывает, насколько может быть правдиво мое оправдание. Я хотела, чтобы Влад поверил в *мое* слабование; пусть решит, будто я струсилась и потому не видела сцены казни.

Мы молча жгли друг друга яростными взглядами, потом Влад медленно произнес:

– Как я могу теперь верить твоим словам? Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Нарушив договор, Влад утратил способность проникать в мои мысли и в мысли Аркадия. Он это понимал не хуже меня. Но у него оставалась еще одна возможность: Дуня.

Он посмотрел на мою несчастную горничную и поманил ее пальцем. Дуня застонала и снова вцепилась мне в платье. Но властный взгляд изумрудных глаз заставил девушку повиноваться. Я ободряюще погладила ее по руке. Дунино лицо было мокрым от слез.

Бедняжка покорно поднялась по ступеням к трону. Все ее движения тоже были замедленными, как у лунатика, бредущего куда-то во сне. Влад сел. Откинув волосы, Дуня подставила ему свою шею. По-видимому, она опустила ее слишком низко, и Влад, одним пальцем взяв ее за подбородок, запрокинул ей голову, чтобы не пришлось наклоняться самому.

Потом он припал к ее шее. Хотя его длинные волосы закрыли от меня это зрелище, Дунин протяжный стон свидетельствовал о том, что Влад прокусил ей кожу на шее (уже в который раз!). Я чувствовала, как он погружался в блаженное, ни с чем не сравнимое состояние. В этом таилась опасность: с каждым глотком жажда становится только сильнее, и все труднее оторваться от своей жертвы.

– Пожалей ее, – вмешалась я. – Дуня очень устала. Пока мы ездили в Вену, я и так часто пила ее кровь.

Влад послушался; его сейчас больше интересовали Дунины мысли, нежели утоление голода. Бедный Жан наверняка видел, что губы и зубы Влада стали красными от крови, и понял, какая участь ожидает его. Он тяжело сопел, боясь стонать.

Наш последний разговор с Аркадием Дуня проспала, и это меня спасло. По глазам Влада я поняла: он принял мое объяснение.

– Что ж, теперь я хотя бы знаю, что ты действительно виделась с Аркадием и привела его в нужное состояние. И еще: я могу понять, когда ты распутничаешь с другими мужчина-

ми, но с чего вдруг тебя потянуло на кровосмесительное соитие с родным братом? И зачем ты подложила под него эту девчонку? Если вы обе понесли от него и у каждой из вас родится мальчик...

Влад не договорил, но я мысленно закончила его фразу. "...в таком случае, возможно, не понадобится разыскивать Аркадия или его сына".

– Бери моего ребенка, – торопливо предложила я. – И Дуниного тоже. Они оба будут служить тебе: один вместо Аркадия, а другой – вместо его сына.

Влад задумчиво склонил голову и прикрыл глаза, потом смерил меня тяжелым взглядом и усмехнулся.

– Едва ли это возможно. До чего же ты наивна, Жужанна. Соитие далеко не всегда кончается беременностью. А если ни ты, ни она не понесли от Аркадия? Что тогда?

На этот вопрос у меня не было ответа.

– Я разгадал твой замысел. Ты решила, что нашла способ, как спасти и брата, и меня.

Он умолк. В его глазах снова вспыхнул гнев. Даже у меня – сильной и бессмертной – по спине поползли мурашки. За себя я не боялась, поскольку знала, что Влад не поднимет на меня руку. Но моего несчастного мсье Бельмонда он проведет по всем кругам издевательств и боли.

Вкрадчивым голосом, который был во сто крат хуже крика, Влад спросил меня:

– Жужанна, тебе нравится твоя теперешняя жизнь?

– Да, – прошептала я.

– И ты продолжаешь любить своего брата?

– Да...

– Выбирай, моя дорогая, поскольку одно мешает другому. Либо мы с тобой проживем столько, сколько отпущено простым смертным, а потом договор рухнет и мы оба погибнем. Если сын Аркадия умрет, не будучи связан с нами, нам конец. Если мы не сумеем уничтожить Аркадия – нам тоже конец. Один шанс расправиться с ним ты уже упустила. Как много еще таких шансов представится нам в ближайшие пятьдесят – шестьдесят лет? Думаешь, это долгий срок? Нет, дорогая. Для нас это миг, за который обычный смертный успевает лишь кивнуть головой или моргнуть глазом! Боюсь, ты еще не научилась мыслить, как бессмертная.

Не дав мне вставить ни слова, он продолжал:

– Отвечай: ты хочешь умереть в этом замке, превратившись в старую развалину? Голодной, уродливой, никому не нужной? Ты согласна превратиться в еще более жалкое существо, чем была в прежней жизни?

– Нет, – испуганно прошептала я.

– Но ты сама обрекаешь себя на подобную участь, Жужанна, из-за своей слабости и дурацкой любви к брату.

Он провел пальцем по стенкам чаши, стоявшей в углублении на подлокотнике трона. Они потемнели от крови Каши, от крови нашего отца, деда и всех тех, чьими душами Влад покупал свое бессмертие. Подняв чашу, он провозгласил:

– Я уничтожу Аркадия. С твоей помощью или без нее, но я его уничтожу. А потом я вкушу крови его сына, и он вкусит моей и станет моим рабом!

Внешне Влад казался воплощением уверенности, но своим обострившимся восприятием я почувствовала другое. глубинный страх! Он боялся, и это почему-то безумно испугало меня. Наверное, мне сейчас было бы спокойнее находиться рядом с раненым львом, рычащим от боли и гнева.

Влад едва ли догадывался об этом. Прищурившись, онглянул поверх чаши на меня.

– Дочего же твой брат глуп, если думает, что сумеет меня одолеть! А ты, моя дорогая Жужа, знай – я люблю тебя. Но если ты обманешь меня, любовь обратится в ненависть. "Justus et pius" – не пустые слова для меня.

Влад вернул чашу на место и обратился к Ване:

– Начинай.

Что-то промычав, Ваня своими длинными жилистыми руками приподнял длинный, в человеческий рост, кол. Семеня боком, будто маленький проворный краб, он подтащил его поближе к дыбе, где начинался специально укрепленный желоб.

Казалось, одному человеку не справиться с подобной задачей, особенно такому увечному, как Ваня. Но, к моему удивлению, он, похрюкивая от натуги, все сделал, как надо. Ванины глазки масляно поблескивали. Он предвкушал возможность всласть поиздеваться над красивым и сильным че-

ловеком, который при иных обстоятельствах раздавил бы его словно муху. Кол с громким стуком лег в желоб, который оканчивался на уровне ягодиц Жана.

Жан все понял и стал кричать.

– Дядя, не надо! – взмолилась я. – Прошу тебя...

Влад повернулся ко мне. Его взгляд был полон укоризны, и я поняла, что все мои просьбы будут тщетны. Он решил проучить меня за отступничество, сделав свидетельницей чужих мучений. Голос Влада звучал сурово, неумолимо и в то же время с оттенком сожаления, как у отца, который вынужден наказывать любимого ребенка.

– Ты подвела меня, Жужанна. Ты, кого я любил больше всех. Разве я когда-нибудь тебя подводил? Или в чем-то тебе отказал?

Он выпрямился и встал во всем своем великолепии. Грозный, внушительный – таким, должно быть, видели его подданные четыреста лет назад. Уже долгие годы Влад именовал себя графом, но сейчас моему изумленному взору предстал настоящий валашский господарь, воевода, не единожды спасавший свой народ от нашествия турок. Кто-то называл этого человека Цепеш, что в переводе с румынского означает "Колосажатель", а кто-то – Дракула, то есть "сын дракона". Девиз "Justus et pius", сверкающий золотом на ступенях, которые вели к трону, уже не казался пустой бравадой. Влад и в самом деле был справедливым и благочестивым. Он показался мне ангелом – падшим, но не утратившим удивитель-

ного внутреннего света. Влад научил меня тому, что на современном языке называется гипнозом. Однако на какое-то мгновение даже я оказалась зачарованной его красотой, величием и начисто позабыла про бедного мсье Жана Бельмонда.

– Я жесток, но справедлив. Разве не так? – тихо спросил у меня Влад.

Тем временем Ваня поднимал кол все выше и выше, пока тупой конец не уперся Жану в задний проход.

Бессвязные выкрики несчастного француза стали еще более истеричными.

Влад сошел вниз (портреты королей, виденные мною в венских галереях, просто меркли в сравнении с ним) и обратился к своей жертве:

– Сумасшедший, я? Вы сознаете, кому наносите оскорбление?

Бельмонд не выдержал, и заплакал навзрыд. По его красивому (все еще красивому) лицу хлынули слезы.

– Нет... нет... Прошу прощения, мсье. Скажите, что вы желаете, и я с радостью это исполню. Все, что угодно. Абсолютно все! Только не мучайте меня...

– Я – хозяин и господин этих земель, – молвил Влад.

Его лицо сияло, словно он был посланцем Бога, а не дьявола. Глядя на Влада, я вспомнила, как когда-то этот неземной свет зажег во мне пламя страсти.

– Я заплатил за эти земли своей плотью, кровью, слезами.

Вы слышали, что я говорил Жужанне?

Пыхтя от усердия и не сводя с жертвы красных поросычьих глазок, Ваня поднял кол чуть выше. Совсем ненамного, не более чем на полдюйма. Бельмонд дернулся, вскрикнул и слезливо запричитал:

– Простите меня, граф. Простите меня... Я – глупый человек. Я не знал...

– Я спрашиваю: вы слышали, что я ей сказал?

Жан, выпучив глаза, лихорадочно подыскивал слова.

– Я... я не уверен... Я... вы... жестоки, но справедливы.

Влад улыбнулся.

– Прекрасно, мсье Бельмонд. Я сказал правду. А теперь я вас спрашиваю: наказать за нанесенное оскорбление – это справедливо?

У Жана дрогнули губы. Он понимал, что от ответа, возможно, будет зависеть его спасение, и очень боялся попасть впросак. Лоб Бельмонда покрылся испариной. Я вдыхала этот острый запах его пота и чувствовала, как нарастающий голод сражается с моим намерением попытаться спасти Жана.

– Осмелюсь сказать... наверное, лучше простить оскорбившего вас. Это более по-христиански. – Его голос понизился до шепота: – Прошу вас, мсье, во имя любви Господа, простите меня.

Я могла бы вновь вступить за нашего несчастного гостя и попросить Влада о снисхождении, но не стала этого делать.

Влад ненавидит слабость, и мои просьбы лишь усугубили бы страдания Жана. Я промолчала. Очнувшаяся Дуня кое-как доковыляла до меня. Ноги отказывались ее держать. Дуня опустилась на колени и зарылась лицом в мое платье. Я гладила ее по волосам, сознавая бесполезность своих попыток успокоить эту бедную девочку.

Влад прервал сбивчивые словоизлияния пленника.

– Вы на что намекаете? – загремел он. – Что я не христианин? Кто же я? Уж не турок ли, с которыми я сражался несколько веков назад? Второе оскорбление! Советую вам, мсье: просите о пощаде. Умоляйте, чтобы вам сохранили жизнь!

Бедный Жан, всхлипывая и шмыгая носом, стал неистово просить о пощаде. Я достаточно хорошо знаю французский язык. Мы с Жаном говорили преимущественно по-французски, и я его прекрасно понимала. Но сейчас я не могла разобрать ни единого слова Влад, не торопясь, поднялся на помост, где находилась дыба, и склонил голову, вслушиваясь в это бессвязное бормотание.

Неожиданно лицо Влада смягчилось, и он почти дружеским голосом сказал Жану:

– Довольно. Скоро вас освободят от цепей.

Жан вздрогнул и снова заплакал, повторяя:

– Да благословит вас Господь, мсье. Да явит Он вам свою вечную милость.

Влад с отеческой нежностью провел рукой по блестяще-

му от пота лбу Бельмонда, откинув назад прилипшие пряди. Потом он повернулся и глянул вниз, где уже наготове стоял Ваня, подпирая плечом блестящий от масла кол.

Кивком головы Колосажатель подал ему знак.

Ваня что есть силы взметнул кол вверх... Даже если моя жизнь продлится вечно, я молю Бога, чтобы никогда более не слышать подобных криков (впрочем, это тщетные мольбы – я слышала их прежде и наверняка услышу снова). Жан пронзительно вопил. Мне казалось, что его вопль мгновенно достиг врат рая. Я лишь мельком увидела, как изогнулось его тело, когда кол пропорол ему внутренности. Смотреть дальше я была не в силах и закрыла глаза. Надсадно закричала Дуня, вторя несчастному Жану, и я поспешила заткнуть ей уши. Мы крепко прижались друг к другу, будто сестры по несчастью.

Потом стало тихо. Я решила открыть глаза и увидела, что Жан потерял сознание. Ваня, трясась от возбуждения, лихорадочно пытался поднять кол. Влад пришел ему на помощь. Сначала он освободил руки Жана от кандалов, а затем они вдвоем подняли кол с насаженной жертвой и укрепили его посреди "театра смерти", на помосте, построенном специально для этих целей. Глаза Влада горели, как два полуденных солнца. Он отступил на шаг, дабы полюбоваться на гнусное дело своих рук.

Голова проткнутого колом Бельмонда свешивалась набок, руки раскачивались, словно у марионетки. Под тяжестью

собственного веса тело медленно и неотвратно сползло вниз по колу, само разрывая и ломая все, что оказывалось на пути у затупленного конца.

Если Ваня сумел воткнуть кол под нужным углом, к расцвету тот выйдет из открытого рта мертвого Бельмонда.

– Приведи его в чувство! – приказал Влад.

Ваня засуетился и подхватил шест, к которому была прикреплена грязная тряпка. Палач обильно полил ее сливовицей и поднес к губам Жана. Знал ли он, что уродливо копирует действия римского воина, протянувшего умирающему Христу губку с желчью?

Жан застонал и пришел в себя. Говорить он уже не мог, а только стонал, корчась от нестерпимой боли. Я знала, чем это кончится, и с ужасом ждала развязки. Однако голод, пока еще легкий, все настойчивее заявлял о себе. Мое тело требовало крови. В Вене я привыкла пировать каждую ночь, а здесь, в Трансильвании, мне, похоже, скоро придется познакомиться с настоящим голодом. Дуня сейчас была очень слаба, и мое желание подкрепиться могло ее убить. А Жан после всего, что с ним сделали...

Но я не имела права сердиться, ведь я привезла Жана в подарок Владу, а у него были свои пристрастия. Морщась от голода и отвращения, я досматривала заключительный акт жуткого спектакля. Влад повернул лицо умирающего к себе.

– Давай, открывай глаза, – зловеще прошипел он. – Очнись, взгляни и хорошенько запомни того, кто вершит над

тобою суд.

С этими словами Влад вонзил свои зубы в шею Жана. Стыдно признаться, но меня это сильно возбудило. Жан вскрикнул, теперь уже совсем тихо. Времени оставалось в обрез. Нужно успеть напиться, пока он жив и кровь не начала остывать.

Голод затуманил мне разум и заглушил все остальные чувства. Оттолкнув Дуню, я бросилась к помосту и одним прыжком взлетела вверх. Я встала у Влада за спиной и завистливо смотрела, как он насыщается. Я забыла о том, что раньше брезговала кровью испуганных людей. Главное – чтобы крови хватило на нас обоих. Пока Влад пил, жалобные стоны Бельмонда стихли. Он опять потерял сознание, но на этот раз даже Ванины ухищрения не смогли привести его в чувство.

Наконец Влад уступил мне место. Он торжествовал, видя, как я припала к прокушенной им вене.

Я пила, проклиная свою слабость и безволие. Да, я пила, но эта кровь была горькой, очень горькой...

Амстердам
Ноябрь 1871 года
Двадцать шесть лет спустя

Глава 3

Телеграмма, отправленная из амстердамского отеля «Ги Деламер» 12 ноября 1871 года, для последующего вручения В. Дракуле, Бистриц, гостиница «Золотая корона»:

"Интересующий вас субъект обнаружен тчк Маршрут следования и время прибытия сообщу дополнительно тчк".

* * *

ДНЕВНИК МЕРИ ЦЕПЕШ-ВАН ХЕЛЬСИНГ

19 ноября 1871 года

Мой муж умер.

Второй раз в жизни я пишу эти слова, второй раз переживаю смерть близкого мне человека... Сегодня мы похоронили Яна, который более двадцати лет назад спас моего сына от чудовищной опасности.

Любила ли я его? Да. Однако в нашей с Яном любви не

было страсти, она больше походила на дружбу, возникшую в результате благодарности и уважения, которые я испытывала к этому человеку. Но все равно боль утраты сжимает мое сердце. Я пишу эти строки, а глаза мои полны слез, ведь я потеряла самого верного и надежного своего друга.

Но за всю жизнь только один мужчина сумел покорить мое сердце – мой дорогой и любимый Аркадий, погибший двадцать шесть лет назад. Самое ужасное, что именно мне пришлось стать его палачом и выпустить пулю, пробившую ему сердце.

Впоследствии я часто жалела, что мы не погибли вместе... Все эти годы я хранила револьвер Аркадия. Каждый вечер я доставала его из тайника, гладила холодную сталь и прижималась к ней губами, шепча ласковые слова призраку любимого мужа, которого не могла забыть.

Но призрак, конечно, был лишь порождением моего воображения. Я надеялась на лучшее, только все оказалось несравненно хуже...

Сегодня, поздно вечером, Аркадий приходил ко мне. И не как призрак, не как болезненная галлюцинация. Он явился во плоти, только его плоть была совсем холодной.

Я сидела в нашей (теперь моей) спальне на втором этаже, возле постели, которую мы с Яном делили все эти годы. Спать я не могла и просто тихо горевала, оставшись наедине с собой. К тому же я очень устала за день, показавшийся мне необычайно длинным. Сначала церемония погребения,

затем выслушивание соболезнований и искренних, но совершенно бесполезных слов утешения. Мои домашние уже спали внизу, а я сидела, смотрела на огонь в камине и вспоминала нашу первую встречу с Яном...

Мы с Аркадием оказались пленниками в жутком замке Влада. Положение усугублялось еще и тем, что я была беременна нашим сыном, и от всех пережитых ужасов у меня начались преждевременные роды. Я до сих пор убеждена, что это Бог послал нам тогда Яна (правда, при нашем первом знакомстве он назвался вымышленным именем). Будучи врачом, он принял у меня роды (без его помощи я бы, наверное, умерла от кровотечения). Ян сумел увезти нашего крошку, и только благодаря ему Владу не удалось добраться до маленького Стефана. Сама я спаслась только чудом... Потом мы встретились, и Ян, как мог, старался меня утешить. Мы находились с ним в одинаковом положении: я потеряла Аркадия, он недавно похоронил жену. Горе сблизило нас.

И теперь вдруг случилось невозможное: ко мне явился погибший первый муж, чтобы утешить меня после кончины второго.

В спальне было почти совсем темно, если не считать красноватых отблесков прогоревшего угля. Я перевела взгляд на окно. Затянутое облаками небо предвещало безлунную ночь. Все это я отмечала лишь краешком сознания – перед мысленным взором продолжали мелькать картины прошлого.

Легкий стук в окно. Я услышала его или мне почудилось?

Я прислушалась. Кто-то продолжал стучать в стекло. Наверное, птица. Иногда они присаживались на жестяной козырек окна, чтобы передохнуть. Так оно и есть – в окне виднелся черный силуэт. Похоже, ко мне в гости пожаловал ворон!

На какое-то время любопытство во мне взяло верх над горем. Я принялась вглядываться. Мелькнула белая вспышка, будто зажгли газовую лампу. Силуэт осветился изнутри. За стеклом показалось человеческое лицо – лицо моего дорогого Аркадия.

Я встала, держась за сердце. Этого не может быть! Горе и бессонная прошлая ночь довели меня догаллюцинаций. И все же я направилась к окну, отчасти для собственного успокоения. Еще шаг, и видение окажется обыкновенным обманом зрения, игрой теней и света тусклых уличных фонарей.

Нет. Чем ближе я подходила, тем отчетливее становились черты его лица. Удивительно красивого лица! Мы покидали Трансильванию в спешке, и я не догадалась взять с собой портрет Аркадия, чтобы дорогой мне образ с годами не изгладился из памяти. Но переживания были напрасными, и даже сейчас, четверть века спустя, я словно воочию видела его милые черты: крупный, с горбинкой нос, густые брови, большие, слегка косящие вверх глаза с длинными, почти женскими ресницами, высокий лоб с залысинами... Лицо за стеклом было совершеннее и красивее. Его обрамляли длинные, доплеч, волосы с незнакомым мне синеватым отливом. От бледной кожи исходило довольно яркое свечение.

А его глаза... они были все теми же любящими глазами мужа, которого я потеряла более четверти века назад. Увидев меня, они наполнились такой болью и тоской, что у меня сжалось сердце.

Я инстинктивно распахнула оконную раму, впустив в спальню холодную сырую ночь... Впустив свое прошлое.

Аркадий вошел, и сейчас же порыв ветра захлопнул за ним окно. Я не верила своим глазам: передо мной, одетый в черное, стоял мой дорогой, любимый муж, молодой и красивый, словно время было над ним не властно. Не побоюсь написать: он был не просто красив, а восхитительно, умопомрачительно прекрасен.

По сравнению с ним я выглядела старухой. Мои волосы поседели. На лице появились морщины, а в теле уже не было прежней упругости.

– Аркадий, – прошептала я, все еще опасаясь, не повлияли ли недавние события на мой рассудок – Возможно ли это?

Он тяжело вздохнул (может, это тоже мне померещилось, и я приняла за вздох унылую песню ветра?).

– Мери, – едва слышно шепнул он.

Я снова заплакала – теперь это были слезы радости – и потянулась к его щеке. Аркадий слабо и, как мне показалось, виновато улыбнулся. И тут мои пальцы коснулись не теплой кожи живого человека, а холодной плоти мертвеца.

Я не закричала, я взвыла от ужаса, мгновенно догадавшись, что произошло двадцать шесть лет назад. Аркадий то-

гда погиб от моей руки. Я надеялась, что смерть спасла его душу, и все последующие годы жила с этой надеждой. Я жестоко ошибалась. Значит, Влад все-таки сумел завладеть душой Аркадия и сделал его подобным себе: обаятельным, но бездушным монстром.

Я прижала трясущиеся пальцы к губам. Должно быть, на моем лице отражался такой ужас, что лицо Аркадия исказилось, как от сильной боли.

– Мери, – чуть громче повторил он.

Такой голос мог бы кого угодно заморозить своей нечеловеческой мелодичностью. Но сколько горечи и раскаяния уловила я в одном только произнесенном им слове. И все же этот голос оставался хорошо знакомым мне голосом прежнего Аркадия.

Он заговорил со мной по-английски – на моем родном языке, который я оставила в прошлом вместе с моей прежней жизнью.

– Дорогая, наверное, мне не стоило сюда приходить... Особенно сегодня. Это очень жестоко с моей стороны.

В моей душе не было страха. Наверное, горе, а затем и неожиданное появление Аркадия полностью вытеснили мысли об опасности. В кого бы он ни превратился, какие бы чудовищные злодеяния ни совершил, я продолжала его любить. Я пристально всматривалась в такое знакомое и одновременно незнакомое лицо Аркадия. Вздумай он сейчас меня убить, я бы не стала сопротивляться.

Мой первый муж не погиб, а стал... вампиром. Осознав весь ужас случившегося, я попятилась назад и рухнула на стул. Аркадий бесшумно приблизился ко мне и опустился на одно колено.

– Прости меня, – проговорил он, с бесконечной печалью глядя мне в глаза.

Мерцающие в камине угли окрашивали одну половину его лица в теплые красновато-оранжевые тона.

– Какое же неудачное время я выбрал – прийти сегодня, когда ты еще не оправилась от постигшего вашу семью горя... Но мне не хотелось тебя тревожить, пока твой муж...

Здесь голос Аркадия дрогнул. Он опустил глаза, чтобы скрыть свою ревность.

– ...пока Ян был жив. Но сегодня произошло событие, которое я не вправе игнорировать, и поэтому мне потребовалось срочно поговорить с тобой.

– Значит, Влад все еще жив, – сделала я жуткий вывод.

Все годы я надеялась, что смерть Аркадия повлекла за собой и гибель Влада и что мой сын навсегда освободился от проклятия рода Цепешей. Однако полной уверенности у меня не было, и я лишь молила Бога, чтобы ужасы прошлого не вторглись вновь в нашу жизнь.

Ночь за окошком спальни вдруг показалась мне беспросветно черной и зловещей. Подтвердились самые худшие мои опасения, которые я держала в глубине сознания, не позволяя им прорываться на поверхность.

– Да, Влад все еще жив, – подтвердил Аркадий. – В момент моей смерти он запер мою душу между небом и землей. Он сделал меня подобным себе, зная, что мне придется питаться человеческой кровью.

Я инстинктивно отвернулась. Человек, которого я любила, превратился в убийцу.

Лицо Аркадия посуровело, в голосе появился металл:

– У меня нет иного выбора, Мери. Моя гибель лишь развязала бы Владу руки. Продолжая существовать, я защищаю тебя и нашего сына.

– А сколько других жизней ты погубил за эти двадцать шесть лет?

Я ударила по больному месту. Аркадий помрачнел. Его голос стал глуше:

– Каждая погубленная мною жизнь спасет сотни, тысячи других жизней. Каждой своей жертве я клялся: когда я сумею покончить с Владом, она будет отмщена. День, когда он сгинет, станет днем и моей смерти. Ты хочешь, чтобы наш сын, его дети и дети его детей жили, неся на себе вечное проклятие? Так пусть роковая цепь оборвется на мне и со мной.

– Боже, – прошептала я. – Лучше бы мне умереть, чем видеть, в кого ты превратился. Это ведь я сделала тебя таким.

Я заплакала. Ему было невыносимо видеть мои слезы. Я не из тех женщин, кто плачет из-за любого пустяка и при малейшей опасности падает в обморок. Я сознательно убила Аркадия, чтобы он не стал игрушкой в руках Влада. Мне уда-

лось превозмочь величайшее горе, какое может выпасть на долю человека, и жить дальше. Я убила мужа последней пулей, остававшейся в барабане револьвера. Будь там еще хотя бы одна, я бы сейчас не писала эти строки.

Я вцепилась в спинку стула. Аркадий осторожно положил свою руку поверх моей. Я почувствовала, как она холодна, но не сделала попыток высвободиться.

– Мери, дорогая, ты всегда была сильнее меня, – сказал Аркадий. – Я очень боялся, что ты умрешь. Как тебе удалось выжить?

Я рассказала ему, как сложилась моя жизнь после того выстрела.

Мы пустились в путь, едва я чуть-чуть оправилась от тяжелых родов и была очень слаба. Когда прозвучал роковой выстрел, лошади рванули с места и понесли. Их сумасшедший галоп был мне только на руку, и, кое-как удерживая поводья, я направила лошадей на север, в сторону Молдовлицы. Именно туда человек, назвавшийся Эрвином Кодем, должен был привезти моего сына. После случившегося я жаждала расстаться с жизнью, но мысль о малыше не позволила мне умереть. Мне удалось добраться до какого-то постоянного двора, где я свалилась в горячке. Добрый хозяин ухаживал за мной. Я бредила и без конца просила отыскать врача с маленьким ребенком. Оказалось, что врач с младенцем заезжали на этот постоянный двор, только фамилия мужчины была не Коль, а Ван-Хельсинг. Он искал молоко для ребен-

ка, после чего отправился в городок Путна.

Я сразу поняла: это он. Едва придя в себя, я послала в Путну телеграмму на имя доктора Ван-Хельсинга, сообщив, что я осталась жива, но потеряла мужа, который был убит выстрелом в сердце.

Через несколько дней Ван-Хельсинг приехал за мной, и я вновь увидела своего малыша. Боль утраты, а потом и горячка полностью вытеснили из головы мысли о дальнейшей жизни. Единственное, мне не хотелось возвращаться в Англию. Ян Ван-Хельсинг убедил меня отправиться вместе с ним в его родной Амстердам. Так я оказалась в Голландии.

Полтора года я отвергала предложения Яна выйти за него замуж, но затем все-таки согласилась, решив, что у ребенка должен быть отец. Так я стала госпожой Ван-Хельсинг. Вскоре мы усыновили еще одного мальчика, почти ровесника моего сына.

Теперь я – мать двух взрослых сыновей. Они любят друг друга как родные братья и ничего не знают о моем страшном прошлом. Да и к чему омрачать их счастливую жизнь этими леденящими душу рассказами?

Аркадий внимательно слушал, ни разу меня не перебив. Потом сказал:

– Более двадцати лет я делал все возможное, чтобы Влад не нашел ни тебя, ни нашего сына. Я сводил на нет все его попытки отыскать вас и в свою очередь постоянно подсылал к нему людей, которые должны были его уничтожить. Увы,

никто из них не сумел одолеть это чудовище. Одни, струсив, исчезали, другие сходили с ума, третьи кончали жизнь самоубийством или сами становились жертвами Влада. Мне не встретился ни один человек, достаточно честный и стойкий, чтобы выполнить эту миссию до конца. Невзирая на все мои усилия, Влад упорно продолжал искать тебя и нашего сына. Он тоже посылал подручных, и каждый новый его посланец оказывался умнее, хитрее и решительнее предыдущего.

Эти слова добились меня. Я вжалась в стул и, схватившись за сердце, спросила:

– Так неужели он здесь? В Амстердаме?

Аркадий покачал головой.

– Нет. Ему не выбраться за пределы ближайших окрестностей замка. Такова плата за нарушение договора и превращение своих родных в вампиров. Сюда ему не добраться, и вообще, насколько я знаю, он может путешествовать только в особом ящике, наполненном родной землей. Я же свободен в своих перемещениях, поскольку изначально мои кровь и душа были чисты. Однако мне стало известно, что Влад послал в Амстердам своего подручного. Вот тебе доказательство.

Он сунул руку в карман жилета и извлек что-то блестящее, похожее на монету.

Да, то была небольшая монета. Аркадий протянул мне ее. Я встала и подошла поближе к камину, чтобы в свете догорающих углей разглядеть изображение... Боже мой! Я успела забыть этот страшный символ. Неужели он вновь вошел

в мою жизнь?

На монете был отчеканен летящий дракон с раздвоенным змеиным языком и таким же раздвоенным хвостом, на спине он нес двойной крест. Я сразу догадалась, какие слова увижу на оборотной стороне монеты: "Justus et pius".

Я поспешно вернула монету Аркадию – мне была противна ее холодная поверхность, от которой веяло чем-то зловещим. Я с трудом удержалась, чтобы не броситься к умывальнику и не вымыть тщательно руки. Бесплезная затея. Я была связана с родом Цепешей через свою любовь к мужу – правильнее сказать, к тому человеку, который когда-то был моим мужем. Но не к тому, кто сейчас стоял передо мной.

– Этими монетами посланец Влада расплачивался в гостинице, – сообщил Аркадий и, горестно усмехнувшись, убрал монету обратно в карман. – Узнав, что Влад послал в Амстердам своего человека, я тоже направился сюда. Я оберегал вас, как только мог. Но днем мои возможности ослабевают. К тому же мне, как и живым людям, требуется отдых. Не все я могу сделать своими руками, а потому тоже вынужден прибегать к чужой помощи. Тем не менее я никогда не оставлял вас без своей защиты. Даже теперь...

– И что мы должны делать? – шепотом перебила я Аркадия, боясь разбудить домашних.

– Ты должна предупредить детей. В первую очередь – нашего сына.

– Он ни за что не поверит, – возразила я.

– Ему придется. Влад не остановится ни перед чем, чтобы отыскать его и заставить совершить страшный ритуал вкушения крови. Если это произойдет, он получит власть над разумом нашего сына. Мы должны любыми способами помешать этому.

Ужас кольнул меня прямо в сердце, и оно застучало быстрее.

– Как помешать?

– Мери, дорогая, ты всегда была сильнее меня, – вновь повторил Аркадий. – Ты не утратила способности к решительным действиям?

Я молча смотрела на него и думала о двух своих сыновьях. Мальчики даже не подозревали, что где-то может существовать такое зло.

Когда более четверти века назад я попала в Голландию, мне показалось, будто я родилась заново. Эта страна разительно отличается не только от Трансильвании, но и от моей родной Англии. Меня удивили мягкие зимы, обилие болотистых равнин, скрип ветряных мельниц, громадное небо с быстро бегущими облаками, подсвеченными золотом заходящего солнца, которые так любили изображать голландские художники. Мне понравились чистенькие города, их улыбающиеся трудолюбивые жители, свободные от сословных предрассудков. Все это было для меня совершенно новым. Везде царила атмосфера доброжелательности, а в воздухе постоянно ощущалась свежесть близкого моря. В срав-

нении с Голландией Трансильвания представляла собой средоточие древнего зла, место, где люди не живут, а прозябают в жестокости, страхе и невежестве.

Я резко изменила свою жизнь. Родина Яна стала и моей родиной. Все эти годы я говорила только по-голландски, забыв английский язык. Двадцать пять спокойных и безмятежных лет... Я почти поверила, что ни мне, ни моим детям уже не грозит никакая опасность.

Понадобились считанные минуты, чтобы все мои давние страхи воскресли...

Я высвободила пальцы из холодной руки Аркадия.

– Я не могу. Не проси меня ни о какой помощи. Я не хочу подвергать своих детей опасности.

– Она уже нависла над ними, иначе бы я сюда не пришел.

Аркадий встал и повернулся к догорающему камину. Его движения были нечеловечески быстрыми.

– Двадцать шесть лет подряд я постоянно думал, как мне найти и защитить тебя и Стефана. Ни я, ни Влад не знали, где вы. Я узнал о вашем местонахождении всего несколько месяцев назад. Можно было бы и дальше оберегать вас на расстоянии, ничем себя не выдавая. Но я трезво оцениваю свои силы. За эти годы я многое успел узнать, многому научиться. И все равно мне трудно тягаться с Владом – он гораздо опытнее меня. Я неоднократно пытался уничтожить его, но он всякий раз узнавал о моих замыслах и исчезал. А как часто ему не хватало одного шага, чтобы расправиться

со мной!

Аркадий снова посмотрел на меня.

– Я мог бы сегодня пощадить тебя и не нарушать твоего горестного бдения. Но пойми: дальнейшее неведение только увеличивает опасность.

Он смотрел на меня своими карими, с зелеными отблесками глазами, которые я и не надеялась когда-нибудь увидеть вновь. В них было столько душевной муки, что я закусила губу, стараясь не заплакать.

– Мери, ты единственная, кому я могу доверить миссию, которая чрезвычайно важна лично для меня. Обещай, что ты выполнишь то, о чем я попрошу.

Я колебалась.

– Мери, дорогая, – тихо, почти шепотом продолжал Аркадий, – однажды ты уже убила меня. Когда с Владом будет покончено, если я к тому времени не погибну, хватит ли у тебя сил убить меня вторично?

Я в ужасе закрыла лицо руками. Его холодные губы коснулись моей макушки. Я не шевельнулась. Слова, мысли – все исчезло, все, кроме противной дрожи в теле и ощущения неотвратимо надвигающегося зла. Боже, если бы я знала, что мой якобы милосердный поступок ввергнет Аркадия в преисподнюю!

Когда я решила взглянуть на него, то вскочила, потрясенная глубины души. Сколько искренней любви было в его взгляде... и сколько невыразимой боли. Я только утром

похоронила одного мужа, чтобы поздним вечером встретиться с другим, кого привыкла считать давным-давно погибшим. И ведь он ни единым словом не упрекнул меня за то жуткое и безысходное существование, на которое я его обрекла.

Я протянула к нему руки, коснулась его волос.

– Аркадий, прости меня.

Плача, мы обнялись. Я совершенно не обращала внимания на то, что руки, обнимавшие меня, и губы, целовавшие мой лоб, были мертвенно холодны, а слезы, капавшие мне на волосы, походили на маленькие кусочки льда. Я даже не замечала странной тишины в его груди, где когда-то билось горячее, живое сердце. Я крепко прижималась к Аркадию, думая только о нашем кратком воссоединении.

Он обнимал меня все с той же страстной нежностью, давно забытой мною. О, как он меня обнимал...

Не знаю, сколько длилось наше блаженство. Поддавшись нахлынувшему чувству, я прижалась губами к его безмолвной груди, потом к плечу, к шее и, наконец, к его устам.

Аркадий быстро отстранился, но я успела почувствовать запах смерти и привкус железа. На его губах и воротнике я увидела темные пятна. Темные, поскольку догорающий камин почти не давал света. Зажги я сейчас лампу, эти пятна оказались бы ярко-красными и, наверное, еще влажными.

Резко вскрикнув, я отпрянула.

Аркадий разомкнул руки. Я провела пальцами по своим

губам и почувствовала на них следы крови. Он все понял, и недавняя радость на его лице сменилась безграничным стыдом.

– Уходи! – потребовала я, опустив глаза.

Я не решалась взглянуть на него; я видела только свои пальцы, запачканные кровью неизвестной жертвы.

– Уходи, прошу тебя! Мне страшно даже подумать...

Голос Аркадия оставался тихим и нежным, но я ощутила в нем непривычную мне стальную решимость.

– Тебе придется свыкнуться с этим, Мери. Мне тоже было очень непросто прийти к тебе сегодня. Прости меня. Но прошу, серьезно обдумай все, о чем я тебе рассказал.

Я собралась ему ответить и вдруг увидела, что стою одна. Или нет? Кажется, я успела заметить черную тень, мелькнувшую в направлении окна.

Из внезапно открывшейся рамы пахнуло холодным ветром. Я торопливо закрыла окно, тщательно повернув шпингалет. За стеклом чернели силуэты домов на противоположной стороне улицы. Тускло светили редкие фонари. Моросил холодный дождь. И больше ничего.

В дверь спальни отрывисто постучали. Звук был вполне привычным и никак не вязался с фантасмагорической реальностью, из которой я еще не успела вынырнуть. Если бы не он, я бы принялась себя убеждать, что появление Аркадия мне приснилось. А так я повернулась и пошла к двери.

– Moeder!⁶– послышался голос Брама.

Чувствовалось, что сын устал и чем-то взволнован.

Я открыла дверь. Брам еще не успел переодеться – на нем была рубашка, которую он надевал на похороны отца. Светло-голубые глаза, спрятанные за толстыми стеклами очков, были обведены темными кругами. Светлые, с рыжеватым оттенком, волосы топорщились, как если бы он только что встал с постели. Но у него не было привычки спать одетым. Судя по усталому голосу, Брам, как и я, еще не ложился.

Неужели это тот малыш, которого Ян, рискуя жизнью, вывез из замка? Передо мной стоял хотя и молодой, но вполне взрослый человек. Прямолинейный, напористый, умный, любознательный. Вначале Абрахама привлекала юриспруденция. Он блестяще учился, и ему прочили успешную адвокатскую карьеру. Но, убедившись, что "защита беззащитных" не приносит ожидаемого удовлетворения, он пошел по стопам Яна и стал врачом. Ян очень гордился Брамом, мужу было приятно сознавать, что приемный сын не только перенял от него профессиональные интересы, но даже походил внешне. Я тоже замечала это сходство. Мы с Яном настолько привыкли считать Брама нашим общим сыном, что не хотели шокировать мальчика и рассказывать ему о настоящем отце. От приемного отца Брам унаследовал много привычек, в том числе и обыкновение допоздна засиживаться за работой. Но сегодня я впервые увидела сына настолько уставшим. Хотя,

⁶ Мама (голл.).

думаю, он был изможден не столько работой, сколько обрушившимся на нас горем.

Глядя на меня, Брам озабоченно нахмурился и взял мою руку в свои ладони. После холодных прикосновений Аркадия мне было очень приятно ощущать тепло живого человека.

– Я услышал крик и решил подняться.

В семье мы общались исключительно по-голландски. Я намеренно не разговаривала с сыновьями на английском, и мой родной язык они учили только в школе. Разумеется, я и сейчас ответила Брамму по-голландски, но впервые за много лет осознала, что говорю на иностранном языке.

– Ничего страшного, – ответила я, сделав неудачную попытку улыбнуться. – Просто я наткнулась на мышшь. Думаю, бедняжка испугалась гораздо сильнее, чем я.

– Опять эти мыши, – поморщился Брам. – Мне завтра с самого утра нужно будет уйти в больницу. Но я напомню Стефану, чтобы поставил мышеловку.

Произнося эти слова, он неотрывно глядел на меня. В отличие от брата, Брам привык ко всему относиться серьезно. Мелочей для него не существовало.

Я уже набрала в грудь воздуха и приготовилась рассказать сыну всю правду о том, что произошло сегодня вечером, предостеречь его и убедить скрыться, но, глядя на него, я никак не могла решиться начать. До сих пор неведение сохраняло моим детям счастливую жизнь. Неужели теперь оно

принесет им потрясения и невзгоды?

Слова угасли внутри меня. От приемного отца Абрахам унаследовал веру в науку и скептическое отношение ко всему сверхъестественному и необъяснимому. Боюсь, он не поверит ни одному моему слову и решит, что у меня помутился рассудок. Но как же тогда я смогу предупредить его? Может, вначале рассказать все Стефану?

Я положила руку поверх его ладони и крепко сжала пальцы. Мой жест лишь усилил настороженность Брама.

– Мама, ты неважно себя чувствуешь?

Нет, я не могла сейчас обрушить на него всю страшную правду. Я должна подготовиться к этому разговору, продумать, как и что говорить. Желая успокоить сына, я изобразила на лице подобие улыбки.

– Может, ты все-таки примешь снотворное? – участливо спросил мой мальчик.

– Нет. Думаю, я сумею заснуть и без него. Иди спать, Брам. Тебе завтра рано вставать.

Он погладил меня по руке и побрел к двери. Я закрыла за ним дверь, после чего тщательно вымыла руки и лицо и даже прополоскала рот. Спать я, естественно, не могла и села писать дневник.

Я все время ощущаю на губах привкус крови. Несколько раз я вытирала их платком, но это не помогает.

Скоро рассвет, а я так и не решила, как преподнесу сыновьям страшную правду.

Зло вновь угрожает моей семье. Я сама чувствую его приближение. Боже, помоги нам!

Глава 4

ДНЕВНИК СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

19 ноября 1871 года

Я одновременно и самый счастливый, и самый несчастный из всех людей.

Я должен, непременно должен все это записать. Возможно, это станет мне своеобразным наказанием, так сказать, епитимьей. Не исключено, что в один прекрасный день кто-то обнаружит мои записи и прочтет их. Что ж, я вполне заслужил такую кару.

Я намерен рассказать о своем грехопадении. По правде говоря, вспоминая о нем, я испытываю не только стыд, но и запретную радость.

Сегодня утром мы похоронили отца. Я был настолько сражен горем (впрочем, не пытаюсь ли я сейчас оправдать свое непростительное поведение?), что на меня махнули рукой. Зато Брам, как всегда, оставался собранным и деятельным. Все заботы о похоронах и о нашей матери легли на его плечи. Характером Брам пошел в нее: основательный, уравновешенный, надежный. Он настолько хорошо умеет владеть собой, что ни разу не заплакал на публике. Мама тоже не позволила себе пролить при чужих людях и слезинки, хотя глаза у нее были красными.

Только я – чувствительный и слабохарактерный – не скры-

вал своего горя, стоя у свежей отцовской могилы в окружении этих двух живых скал. Холодный утренний ветер трепал мои черные волосы (я единственный брюнет в семье) и в момент остужал горячие слезы, которые смешивались с влажным ноябрьским туманом.

Да, я сильно отличаюсь от родителей и брата. Неудачник, у которого эмоции и страсти постоянно берут верх над разумом. В нашем доме, где все спокойны и рассудительны, никто никогда не понимал моих порывов и метаний. И не только в доме. Я нередко ощущаю себя чужаком и в этом городе, и в маленьком Нидерландском королевстве, где жизнь течет неспешно, а трудолюбивые люди почти поголовно слишком практичны, а потому из всего стремятся извлечь пользу и выгоду.

Желая потрафить отцу, я, как и Брам, пошел по его стопам и стал врачом. Но мое сердце – это сердце поэта.

Герда меня понимает. Она похожа на меня: черноволосая, темноглазая. Я убежден, что мы с нею вылеплены из одного теста. Я почувствовал это еще несколько лет назад, как только впервые увидел ее. Она сидела на полу больничной палаты, поджав колени к груди. Ее волосы были растрепаны, а глаза лихорадочно блестели. Герду не назовешь красавицей, но такие женщины запоминаются. Не в пример типичным голландкам, она худенькая, тонкокостная, с четко обозначенными высокими скулами и глубоко посаженными глазами.

В больнице ее считали обычной сумасшедшей, но Брам сумел разглядеть в ней нечто иное. Я это сразу понял по его лицу, когда он встал у зарешеченной двери палаты, где находилась Герда. В тот день она завладела его сердцем. И моим тоже.

Мальчишкой Брам постоянно таскал домой разную живность: кошек, собак, птиц. У одних была перебита лапа или сломано крыло, другие ослабели от голода. Меня еще тогда поражали его доброта и душевная щедрость. Став взрослым, Брам не изменился, только теперь его заботы были направлены на людей. А Герда, казалось, всем своим видом безмолвно взывала о помощи. Врачи убедили ее отца, что душевная болезнь дочери неизлечима и что ей трудно жить среди нормальных людей. Так Герда оказалась в больнице.

Помню, в тот день Брам повернулся ко мне и как-то очень мягко (обычно во время обходов он бывает весьма сдержан) спросил:

– Тебе не кажется, что у этой девушки есть надежда на выздоровление?

– Определенно есть, – ответил я. – Я в этом не сомневаюсь.

Я заглянул в ее глаза: беспокойные, уставшие, измученные, пугливые, как у дикой лани, и необыкновенно чувственные, и сразу же понял, что встретил родственную душу. Даже не встретил, а распознал.

Герда покорила мое сердце. Вот уже четыре года, как я

тайно люблю ее. Тайно. Об этом не знали ни родители, ни тем более мой добросердечный брат, который за полтора года сумел вылечить Герду, сделать ей предложение и жениться на ней. На моих глазах она буквально расцвела, окруженная заботой Брама. А потом у них родился сын.

Через какое-то время я стал замечать, что Герда снова погрузилась. В ее глазах появилось прежнее беспокойство. Ей было не в чем упрекнуть Брама, ибо он оставался любящим мужем и заботливым отцом. Но у него есть своя страсть, точнее, две – работа и научные изыскания. Он погружен в мир медицины, не забывая и про юриспруденцию (Брам не сразу стал врачом, поначалу он хотел быть адвокатом). Решив, что у Герды теперь вполне нормальная, счастливая жизнь, Брам, естественно, переключил свое внимание на других несчастных, нуждающихся в его помощи.

Я не столь усерден в медицинской практике и никогда не задерживался в больнице до позднего вечера. Пока Брам возился с очередным умалишенным или изучал какую-нибудь экзотическую болезнь, я прилагал все усилия, чтобы развлечь Герду и стать заботливым дядюшкой для маленького Яна. Думаю, я изучил характер мальчика лучше, чем родной отец. Однако я держался в рамках приличий и никак не проявлял своих чувств к Герде. Правда, подчас мне казалось, что Герда тоже любит меня. Иногда я ловил ее странные улыбки, иногда она как-то по-особому смотрела на меня или произносила фразу, имеющую двойной смысл.

Но я не допускал и мысли о любовных интригах за спиной брата. Я не позволял себе верить в ответные чувства Герды, а если у меня возникали подобные мысли, то я старался как можно глубже спрятать их от себя. Брам всегда был добр и честен со мной, даже к моим эмоциональным всплескам он относился вполне терпимо. Поняв, что отец серьезно болен, Брам сразу же взял на себя роль мудрого и заботливого главы семьи. Мог ли я столь коварно его обмануть? Я часто твердил себе: хватит вздыхать о Герде. Нужно смириться с неизбежным. Вокруг немало девушек, и мне наверняка встретится новый предмет обожания.

Но все попытки урезонить себя оказывались тщетными: чем дольше я находился рядом с Гердой, тем сильнее ее любил. За эти четыре мучительных года я не раз мысленно возвращался к моменту нашей первой встречи, когда увидел ее сидящей на полу больничной палаты. Мы словно поменялись местами – теперь я был безумцем, облаченным в смиренную рубашку своих чувств... И наконец то, о чем я так долго мечтал и чего так долго страшился, все-таки случилось.

Отец умер позавчера. Вечером того дня, оцепенев от горя, я сидел в любимом отцовском кресле. Время перевалило за полночь, и, кроме меня, в гостиной не было никого. Мама несла скорбную вахту, сидя возле покойного. Я и не помышлял о сне. Мне было не заставить себя подняться, чтобы подбросить дров в очаг и зажечь лампу. Я сидел, тупо уста-

вившись на мерцающие угли.

Вначале мне показалось, будто я вижу призрак – в гостиной появился белый силуэт. Я решил, что у меня начались галлюцинации, но вскоре узнал в "призраке" Герду. Она шла крадучись, направляясь к каминной полке. На ней была только ночная сорочка. Наверное, я до конца жизни не забуду, как золотистые отблески умирающего огня сквозь тонкий белый шелк нежно осветили удивительно красивую грудь Герды. Жена моего брата взяла бокал, открыла отцовский графин и налила туда портвейна. Затем она повернулась, намереваясь тихо исчезнуть из гостиной.

Заметив меня, Герда вскрикнула и выпустила бокал из рук.

До сих пор не знаю, каким чудом мне удалось вскочить и поймать злополучный бокал. Вино выплеснулось на сорочку Герды и на мою домашнюю куртку. В воздухе повис сладковатый терпкий запах. Спасая бокал, я не заметил, что почти прижался к Герде. Первым моим стремлением было немедленно вернуться в кресло. Но вместо этого я придвигался к ней все ближе и ближе. Я уже слышал, как часто-часто бьется ее сердце. Окружающий мир перестал существовать. Я не видел ничего, кроме глаз Герды. В них не было ни стыда, ни жеманства. Они смотрели на меня простодушно, как глаза животного, которое ждет, когда его погладят и приласкают.

Герда стояла, не шевелясь. Тогда я понял, что мои догадки были верны: она любит меня, как и я ее. Мы замерли, го-

товые слиться в поцелуе.

Наконец я с величайшей неохотой все-таки отстранился от нее. Задержавшись еще на несколько секунд, Герда побрела с полупустым бокалом наверх.

Трудно описать смятение, наполнившее мою душу. Скорбь по умершему отцу странным образом перемешалась с радостью долгожданной взаимности. В ту ночь я окончательно освободился от чувства вины и поклялся себе: если подобная встреча еще раз повторится, я больше не буду рабом приличий.

Сегодня, после похорон, в дом без конца приходили бывшие пациенты отца, чтобы выразить свои соболезнования. Их принимали мама и Брам, а я отсиживался у себя в комнате, не желая никого видеть. Под вечер поток скорбящих иссяк. Мама заперлась в спальне, а Брам, как обычно, отправился навещать больных. Я опять занял отцовское кресло в гостиной и стал ждать. Серый ноябрьский день за окном незаметно сменили сумерки. Я смотрел на мокрую улицу, на проезжающие кареты и телеги, на аккуратные ряды одинаковых кирпичных домиков, за которыми темнели силуэты ветряных мельниц. Дальше начиналось море. Сидя в этом старом кресле, я не так остро чувствовал боль утраты, ибо оно хранило запах отца и его трубки. На мягкой спинке я нашел светлый, тронутый сединой отцовский волос, а на столике по-прежнему лежал его кисет с табаком.

Я налил себе в бокал портвейна и вдруг понял, почему

Герде понадобилось вино. Вкус и запах воскрешали для нее свекра, причем не осунувшегося и скрученного болезнью, каким он был в последние дни перед кончиной, а рослого, веселого, похожего на медведя, любящего жену, детей, пациентов. Его любовь была удивительно светлой, и ее хватало на всех.

Я медленно потягивал портвейн. Сумерки перешли в унылую вечернюю мглу. Улица опустела. В доме стало совсем тихо, если не считать размеренного тиканья дедушкиных часов. Я продолжал пить вино и ждал, пока не услышал мягкие шаги на лестнице. Тогда я встал и поправил дрова в камине.

Герда остановилась на пороге. Как и позавчера, на ней была только шелковая ночная сорочка. Но сегодня ее темные волосы свободно струились по плечам и груди, доходя почти до талии. Некоторое время мы разглядывали друг друга, будто заговорщики, затем Герда сказала:

– Я услышала шум и решила взглянуть, не вернулся ли Абрахам.

Выпитый портвейн придал мне смелости. Я выдержал ее взгляд и ответил:

– Мы оба знаем, что он вернется еще не скоро.

Моя прямота насторожила Герду. Она отвела глаза. Сейчас Герда напоминала мне загнанного в угол зверя, готового обороняться. Мне даже показалось, что она готова ударить меня. Но я ошибся. Герда расправила плечи и тихо сказала:

– В этом кресле ты похож на своего отца. Он был поистине

замечательным человеком.

Я покачал головой.

– Я бы очень хотел быть таким, как он. И как Брам.

Герда приблизилась ко мне. В ее голосе звучала непоколебимая внутренняя убежденность.

– Ты ничем не хуже их, и тебе не надо быть ни на кого похожим. Ты лучше, чем они все!

– Нет, Герда Я – ужасный человек. Моя радость обернется страданиями для тех, кто мне дорог.

Она молчала. Затем едва слышно (я с трудом разбирал слова) она прошептала:

– Тогда, Стефан, я тоже – ужасный человек.

В ее взгляде было столько муки, что я не выдержал и заплакал. Горе утраты усугублялось невозможностью нашего с Гердой счастья.

Герда потянулась ко мне. Мы обнялись, но как брат с сестрой, без страсти. Она стала гладить меня по волосам, приговаривая:

– Ну не надо так. Успокойся.

Герда всегда говорила эти слова, утешая расплакавшегося маленького Яна.

Мне стыдно описывать то, что произошло потом... Выпитое вино? Острота горя? Близость ее тела? Не берусь гадать, что именно послужило толчком, сломавшим во мне последние преграды. Но мои губы прижались к белой щеке Герды, потом скользнули к шее, оттуда еще ниже. Теперь мною дви-

гала прорвавшаяся страсть, и я, дрожа от возбуждения, набросился на жену своего брата, словно голодный – на корку хлеба. Шелковая ночная сорочка чудесным образом распахнулась и упала вниз, обнажив тело Герды.

Она прижалась спиной к теплой стене у камина. Обезумев от желания, я овладел Гердой. Или это она овладела мной? В тот момент она была львицей, богиней, полной огня и неистового желания. Без капли стыда она отдалась мне. Зубы и ногти Герды впились мне в плечо. Трудно поверить, чтобы в хрупкой женщине оказалось столько силы. Никогда еще я не испытывал такого ликования, как сейчас; ни в одной церкви я не подходил столь близко к ощущению чего-то непостижимого и неземного. Я вдруг понял: это не я, а мир сошел с ума, если любовный экстаз считается грехом.

Если рай действительно существует, я находился у самых его врат. Разве можно называть злом слияние двух душ, искренне любящих друг друга?

Наше соитие было молчаливым и стремительным. Мое возбуждение достигло высшей точки; я выплеснул в нее семя и мгновенно ослаб. Герда тут же высвободилась из моих объятий и побежала наверх. У меня подкашивались ноги. Держась за стену, я опустился на колени.

Мысли путались. Я верил и не верил в случившееся. Я пытался встать. Мне хотелось броситься вслед за Гердой, сказать ей о своей любви и услышать ее ответные слова. Я чувствовал сильнейшую потребность просто быть рядом с нею.

Но не успел я встать, как громко хлопнула входная дверь и в передней послышались знакомые шаги. Вернулся Брам. Я кое-как застегнул на себе одежду и пригладил разлохмаченные волосы. Спрятавшись в дальнем темном углу, я всеми силами пытался утихомирить дыхание и молил небеса, чтобы Брам не зашел в гостиную.

Мои молитвы были услышаны – Брам направился на кухню. Я взлетел по лестнице и скрылся у себя в комнате.

Если бы не следы на плече, я бы счел случившееся хмельным сном или визитом инкуба⁷. Но на моем теле остался запах Герды (я не могу себя заставить его смыть), а исцарапанное плечо – зримое доказательство ее страсти.

Что теперь делать? Скоро наступит утро. Что возобладает во мне? Раскаяние или томительное ожидание новой встречи? Стану ли я делать вид, будто ничего не было, и подвергать себя ежедневным пыткам? Или постараюсь вновь встретиться с нею? Даже сейчас при мысли о Герде во мне вспыхивает огонь страсти. Я воображаю, как на цыпочках подкрадываюсь к двери их супружеской спальни, осторожно захожу внутрь и вижу крепко спящего Брама и ее – лежащую и ждущую меня...

Абрахам, брат мой! Я жестоко обманул тебя – и с дрожью в душе думаю о том, как повторить свой подлый поступок!

⁷ Здесь Стефан ошибся: инкубы – мужские демоны, соблазняющие женщин. А его мог посетить один из суккубов – женских демонов (слово происходит от латинского *succubare* – «ложиться под»), которые совращают мужчин.

Наконец-то я нашел свою любовь. И сердце отказывается внимать доводам разума о том, в каком невыносимом положении я оказался. Ну почему мое счастье должно быть сопряжено с ложью и чувством вины? Почему моя радость должна приносить другим только горе?

* * *

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

19 ноября 1871 года

"Дьявол и смерть" – так сказала Лилли и оказалась права. Дьявол явился и поразил меня в самое сердце.

А я-то по глупости думал, что ничего более страшного сегодня уже не случится... Утром мы похоронили отца. Тяжело видеть, как гроб с телом человека, сделавшего окружающим столько добра, опускают в холодную, сырую землю. Это ждет каждого из нас, но мысли о неизбежной кончине не тревожат душу, пока не увидишь смерть любимого человека. Отчасти меня утешает мысль, что о папиных добрых и благородных делах помнить будут еще очень долго.

Похороны дались мне нелегко, но необходимость утешать других отчасти притупляла собственную боль. Мама держалась на удивление стойко, хотя ее горе куда сильнее и острее нашего с братом. Зато бедняга Стефан все время находился на грани обморока. Когда гроб опустили в могилу и мы бросили туда по горсти влажной земли, брату стало совсем

плохо. Думаю, если бы не моя поддержка, Стефан наверняка потерял бы сознание. Я стоял между ним и Гердой. Как и Стефан, она плакала, не стесняясь слез, лившихся, словно осенний дождь, из ее больших темных глаз. Чтобы не заплакать навзрыд, она плотно сжимала побелевшие губы.

Герда, моя дорогая, измученная горем жена. Я знаю: в твоей душе нет ни обмана, ни жестокости. Почему же я не сумел дать тебе той любви, какой ты от меня ждала?

После похорон мы вернулись домой, чтобы еще несколько часов подряд выслушивать соболезнования от знакомых и незнакомых людей. Гостиная, наполняющаяся цветами, тарелки с поминальным угощением. Можно без преувеличения сказать, что Ян Ван-Хельсинга знал весь Амстердам. Его любили и бедные, и богатые. Стефан не выдержал еще и этого испытания и ушел к себе. Мама, Герда и маленький Ян остались на мне. Отчасти я был рад этому, поскольку мог отвлечься от собственных горестных переживаний. Мой сынишка, названный в честь деда, еще слишком мал – ему не понять, куда же исчез Ян-старший. Нам было никак не увести его из передней. Едва только открывалась входная дверь, малыш, громко топая, бежал к ней и с надеждой спрашивал:
– Деда?

Со временем какие-то подробности сегодняшнего дня померкнут и забудутся, но эта картина навсегда останется в моей памяти.

Уже к вечеру, когда ушел последний посетитель, я, чтобы

хоть как-то рассеять свое тягостное состояние, отправился навестить больных. Задним числом сознаю: каким же глупцом я был! Работа и долг – превыше всего. Даже в такой день.

Из всех моих пациентов наибольшее опасение у меня вызывала пожилая женщина по имени Лилли. Она не помнила ни своей фамилии, ни адреса, по которому жила. За все время, что она находилась у нас в больнице, никто не приходил, чтобы справиться о ней. Наши попытки разыскать ее родственников тоже не увенчались успехом. Скорее всего, Лилли жила одна, в каком-нибудь бедном квартале. Два месяца назад ее подобрали на улице в невменяемом состоянии. Женщина размахивала руками и повторяла бредовые фразы о призраках, не дающих ей ночью покоя, и о красных глазах, светящихся из темноты. Причина ее болезни крылась не столько в расстройстве рассудка, сколько в сильнейшей анемии, так что правильнее было бы отправить Лилли в обычную больницу. Увидев ее во время врачебного обхода, я понял, что эту женщину незачем держать в лечебнице для душевнобольных. Мне удалось снять для нее комнатку в дешевом пансионе. Питание и отдых сделали свое дело: видения и бред у Лилли прекратились, но зато выяснилось, что она воображает себя ясновидящей и целые дни проводит за картами Таро.

У каждого человека есть свои странности. Я считаю ее чудачество вполне безобидным, хотя и несколько эксцентричным. Лилли не обижается и даже шутит со мною насчет сво-

его пристрастия к картам. Но сейчас меня волнует не душевное, а физическое состояние пациентки. Несмотря на все наши усилия, у нее опять обострилась анемия. Однако болезнь протекает каким-то нетипичным образом, и я подозреваю, что на фоне анемии у Лилли появилось еще какое-то другое заболевание. Мне обязательно нужно определить, какое именно, чтобы лечение было успешным.

Я собирался навестить нескольких пациентов, но Лилли была первой, и это придало вечеру особую, драматическую окраску. Как всегда, я постучал в приоткрытую дверь ее комнаты и, услышав приглашение, вошел.

Она сидела в постели. Редкие седые волосы были убраны под ночной чепец, а костлявые плечи укутаны платком. Карты Лилли раскладывала прямо на одеяле. По обе стороны от кровати стояли простенькие канделябры, и в каждом горело по полдюжине свечей. Их колеблющееся пламя придавало комнате совершенно нереальный и отчасти даже жутковатый вид. Да и сама Лилли со своей бледной кожей, серыми губами, морщинистым лицом (свечи еще сильнее подчеркивали дряблость старческой кожи) вполне сошла бы за ведьму из детской сказки. Услышав, как я вошел, она подняла голову и посмотрела на меня живыми черными глазами, белки которых с возрастом приобрели желтоватый оттенок.

– Смерть, – голосом прорицательницы произнесла Лилли. – Смерть и дьявол придут к вам этой ночью.

Услышь я это раньше, я бы снисходительно улыбнулся.

Но после недавних похорон отца ее слова неприятно меня задели. Стараясь все же не обидеть старуху, я ответил:

– Карты здесь ни при чем, Лилли. Не сомневаюсь, вы уже знаете, что мой отец умер и сегодня мы его хоронили.

На лице Лилли я прочитал сочувствие, однако ответ ее был совсем не таким, как я ожидал.

– Ах да... Да, мой дорогой доктор, я это знаю. Простите, я своими глупыми словами разбередила свежую рану. Это вам-то, кому я обязана жизнью.

Лилли почтительно склонила голову, а затем сказала:

– Ваш отец был замечательным человеком. А скольких больных он лечил бесплатно! Не сомневаюсь, его душа отправилась прямо в рай.

– Я тоже так думаю, – пробормотал я.

Не знаю, заметила ли она оттенок горечи, которую мне не удалось скрыть. Как было бы здорово верить в Бога и рай и утешаться мыслью, что теперь мой отец пребывает в вечном блаженстве. Но правда жизни гораздо непригляднее. Любовь, доброта, знания – все то, что делало моего отца тем, кем он был, исчезло, как свет погашенной свечи. Его открытое, приветливое лицо и ласковые, заботливые руки стали теперь пищей для могильных червей. Я не осмеливаюсь говорить об этом дома, и не потому, что боюсь осуждения со стороны близких. Я не имею права наносить маме удар в самое сердце. Она горячо верит во все христианские религиозные предрассудки. Так пусть они принесут ей хоть какое-то

утешение.

Лилли махнула высохшей рукой, чтобы я взял стул и сел возле постели. Я исполнил ее просьбу. Старуха коснулась меня своими холодными пальцами с неровными, пожелтевшими ногтями.

– Дорогой молодой доктор, еще раз простите меня. Конечно, вначале я должна была бы сказать, что соболезную вам. Но карты... сегодня они говорят со мной очень настойчиво. И не про вашего отца, а про вас!

Ее веки дрогнули. Лилли закрыла глаза, сжала пальцами виски и откинулась на подушки.

– Лилли, я думаю, вам сегодня просто нездоровится.

Я наклонился к ней, взял руку и осторожно прощупал пульс. Как я и ожидал, он был вялым и неровным. Об остальном говорила холодная, посеревшая кожа Лилли.

– Похоже, анемия вновь двинулась на вас войной... Как вы себя чувствовали в эти дни?

Не открывая глаз, она загадочно усмехнулась, потом сказала:

– Мне снились странные сны. Думаю, я скоро умру.

Прежде чем я успел возразить, Лилли открыла глаза и порывисто зашептала:

– Молодой доктор, вы должны мне поверить! Мне безумно тяжело говорить вам об этом, прямо сердце разрывается, но лучше предупредить вас заранее. Прошу вас, поверьте мне. Вы ведь для меня что родной сын.

Я погладил ее холодную руку.

– Вот в это, дорогая Лилли, я охотно верю. Но почему вы так расстроились? Событие, конечно же, тяжелое, однако оно уже произошло. Отец умер, и его не вернешь.

– Нет, – прошептала она, глядя на меня полными жалости глазами. – Простите, молодой доктор. Но я говорю не о вашем отце. Две смерти... еще две смерти подстерегают кого-то из тех, кто дорог вам. Видите девятку Мечей?⁸ Она предупреждает о надвигающемся кошмаре. А вот это, – Лилли указала на обтрепанную карту, – сам Дьявол⁹. Смерть и Дьявол придут к вам сегодня ночью. Слышите? Они уже рядом, они рыщут...

– Довольно! – резко оборвал я старуху.

Лилли вздрогнула, как от удара. Мне стало стыдно: я никогда не позволял себе грубо разговаривать с пациентами. Спохватившись, я продолжил уже более мягким тоном:

– Поговорим лучше о чем-нибудь другом. У меня и моих близких сегодня был очень тяжелый, полный печали день. Давайте побеседуем о более приятных вещах.

Лилли не возражала. Из всех пациентов, кого я навещаю на дому, она – самая одинокая. Я знаю, что Лилли остро нуждается в общении и регулярные дружеские беседы нужны ей

⁸ Девятка Мечей в картах Таро говорит об опасности, угрожающей не самому человеку, а кому-то из его близких.

⁹ Дьявол, Смерть – соответственно 15-й и 13-й арканы Таро, входящие в число Старших арканов.

больше, нежели пилюли и микстуры. Потом я уговорил старуху принять снотворное и выпить несколько глотков красного вина, способствующего кроветворению. Я вдруг понял, что мне тягостно находиться рядом с нею. Разумеется, причина была не в ее предсказаниях. Я отчетливо видел ее угасание. Наверное, она и в самом деле чувствует приближение смерти.

Не желая меня сердить, Лилли собрала злополучные карты и больше не заикалась о них. Вскоре ее веки отяжелели, глаза закрылись, а голова склонилась на подушку. Решив, что Лилли уснула, я встал и направился к двери. Неожиданно она окликнула меня звонким, мелодичным, совсем не своим голосом:

– Это ваша судьба, Абрахам! Дьявол уже почти отыскал ваш дом. Постарайтесь, чтобы он туда не попал.

Я обернулся, разозлившись, что Лилли позволяет себе играть на моих чувствах, когда у меня такое горе. Но ее глаза были закрыты. Лилли не притворялась, она действительно крепко спала. Я ушел от нее в смятении, стараясь не поддаваться отчаянию и гневу, а думать о других пациентах, которым требовалось мое внимание.

Я рассчитывал навестить трех-четыре человек, живших в противоположном конце города. Когда я вышел от Лилли, уже стемнело. Противный дождь, моросивший с самого утра, прекратился. Я не стал брать извозчика, а решил пройти пешком. Ходьба и свежий воздух помогли мне успокоиться.

Путь мой пролегал через квартал, где стоял наш дом Я не заметил, как очутился возле него, и тут вдруг мне нестерпимо захотелось увидеть родных, и ноги сами понесли меня к крыльцу. В душе нарастала смутная тревога. Я забыл про пациентов, про привычку слушать голос разума. Меня обуревало только одно желание: убедиться, что с женой и сыном все в порядке.

В этом доме я жил с самого рождения и знал его до мелочей. Но сейчас он показался мне незнакомым, даже злоеющим. И в этот момент я увидел черную тень, которая, словно огромная птица, кружила возле нашего дома. "Чепуха, – мысленно одернул я себя, – дурацкие шутки восприятия. Нервы расшатались, вот и мерещится неведомо что".

Однако эта тень совершенно очевидно не являлась плодом не к месту разыгравшегося воображения. Она была величиной с обезьяну и двигалась. Тень парила в воздухе на высоте второго этажа – напротив окна маминой спальни.

Во мне шевельнулся страх. Тень была живой, в этом я не сомневался. Естественно, я не знал, кому она принадлежит, но какое-то шестое чувство мне подсказало: она угрожает нашей семье. Я словно попал в кошмар наяву. Не сводя глаз с тени, я взбежал на крыльцо. Неожиданно тень исчезла, растворилась в холодном вечернем воздухе. Одновременно я заметил какое-то движение внутри маминой комнаты. Возможно, это была просто игра света и тени, ибо спальня, насколько я мог судить, освещалась лишь тлеющими в камин-

не углями. Логические умозаключения я отложил на потом, главное сейчас – удостовериться, что в доме тишина и покой. Я отдышался и медленно, очень медленно стал открывать дверь. Она распахнулась без единого скрипа.

В доме было тихо и сумрачно. Как всегда, мама оставила для меня в передней зажженную лампу, по обыкновению сильно прикрутив у нее фитиль. Я на цыпочках прошел в коридор, вдохнул побольше воздуха, чтобы затем неслышно подняться наверх и, занявшись неблагоприятным подслушиванием, выяснить, все ли у мамы в порядке. Если в спальне что-то происходит, я сразу же услышу и вбегу в комнату. Я разрывался между необъяснимым ощущением опасности, которое никоим образом не связывал с фантастическими предсказаниями Лилли, и мыслями о том, что все мои волнения могут оказаться пустыми и смехотворными.

Пока мой разум сражался с интуицией, я боковым зрением заметил, как в гостиной что-то мелькнуло. Отступив в тень, я стал приглядываться. Рядом с мерцающими углями камина извивалось что-то черное и жуткое.

Таким было мое первое впечатление. Я продолжил наблюдать и вскоре понял, что в гостиной не одно существо, а два, и между ними происходит нечто вроде молчаливой, но яростной борьбы.

Потом я услышал тихий стон, и меня охватил ужас: я узнал голос жены. Затем она подняла руки, мелькнули рукава шелковой ночной сорочки, которую я привез жене из Па-

рижа, и легкая ткань упала на пол. Тот, кто находился рядом с Гердой, резким движением прижал ее к стене возле камина. Я уже был готов броситься на негодея, но очертания его тела показались мне до боли знакомыми. Я хорошо знал этого человека.

То был мой брат Стефан.

Когда умер отец, я впервые узнал, что такое нестерпимая душевная боль. Но в то же время я осознавал, что чем дальше, тем все меньше обстановка в доме будет напоминать о нем. А потом в памяти потускнеет и его образ.

Я никак не думал, что вскоре меня ожидает еще одно потрясение, новая мучительная боль. И она не ослабнет. Стефан и Герда будут каждый день напоминать мне о ней.

Я несколько раз пытался заставить себя войти в нашу спальню. Возвращаясь поздним вечером домой, я любил тихо лечь в постель и потом долго слушать, как дышит во сне Герда, а рядом сопит в своей кроватке маленький Ян...

Как я теперь посмотрю Герде в глаза? Ей несвойственно хитрить и обманывать, по ее лицу можно прочесть все, что у нее на сердце. Я не хочу видеть Герду виноватой и несчастной.

Теперь я понимаю: ей не хватало моей любви. Все годы нашей совместной жизни я вел себя, как полнейший глупец, уделяя больше внимания пациентам, чем своей жене. Уже давно я замечал, с каким восторгом Герда смотрит на Стефана, но всегда отмахивался от этой мысли, считая, что во

мне говорит ревность.

И надо же, судьба не нашла другого дня, чтобы показать мне страшную правду!

Мой брат и моя жена упоенно занимались любовью, и я не решился прервать их, понимая, что их обоюдный позор ничего бы не изменил. Вправе ли я винить их, зная, что у Герды со Стефаном намного больше общего, чем со мной? И потом, не я ли столь часто и беспечно оставлял их наедине друг с другом?

Я вернулся в переднюю и с силой хлопнул входной дверью, вложив в этот жест все свое отчаяние. Потом я нарочито громко прошел на кухню и стал ждать. Через какое-то время я услышал, как по лестнице поднялась Герда, а потом и Стефан.

Герда, Герда, моя падшая любовь! Как же мне вновь завоевать твое сердце?

А ты, Стефан, мой единственный брат! Как мне смыть это пятно и вернуться к полному доверию, какое всегда существовало между нами? Пусть мы выросли непохожими, но мы никогда не хитрили и не лукавили друг с другом. Мне, как старшему, постоянно приходилось вызволять моего младшего, чрезмерно эмоционального брата из разных житейских неприятностей. Но его смелость помогала мне преодолеть мою застенчивость, а моя уравновешенность не раз гасила его сумасбродные порывы.

Каждый из нас являлся необходимым дополнением дру-

гого. Даже моя врачебная практика без помощи Стефана не была бы такой успешной. Как и отец, устанавливая диагноз, я привык полагаться на логику. Чаще всего это приносило должный результат, но иногда все мои знания оказывались бессильны, и тогда я обращался к блистательной интуиции Стефана. Для меня медицина всегда была наукой, для него – искусством.

Кем бы я был без него? Ведь он искренне восхищался старшим братом и учил меня любить щедро и бескорыстно. Наверное, сумею я как следует усвоить его уроки, я бы не потерял Герду.

Лилли оказалась права. Дьявол пришел в наш дом, и первой его жертвой стало мое сердце.

Глава 5

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

20 ноября 1871 года

За минувшие сутки весь мир словно сошел с ума. Людей, которым я безоговорочно доверял, как будто охватила эпидемия безумия. Мне кажется, я уже и самому себе не верю.

Знаю только, что мой несчастный брат для меня потерян, и уже не имеет значения, чья это вина – его собственная или кого-нибудь еще.

Проще всего было бы попытаться убедить себя, что непотребная сцена в гостиной – просто кошмарный сон, посетивший меня после изнурительного дня. Но я не мог обмануть собственный разум. Эта сцена не давала мне покоя. Она стояла у меня перед глазами. Наконец я не выдержал и, поднявшись ни свет ни заря, раньше обычного отправился в больницу. Увидеть лицо Стефана, лицо Герды – это было выше моих сил.

Я с головой погрузился в работу и почувствовал некоторое облегчение. Рядом с чужими страданиями собственные теряют остроту, в особенности когда приходится иметь дело с больными из неимущих слоев. Имею ли я право сравнивать свои мучения с теми, что выпали на долю нищего старика? Избыток сахара в крови уже отнял у него зрение и теперь угрожает лишить ноги. А каково двенадцатилетней де-

вочке-сироте, умирающей от чахотки?

Незаметно наступил полдень, и настало время возвращаться домой, поскольку помимо работы в больнице я занимаюсь частной практикой и принимаю больных в специально оборудованном для этих целей кабинете на первом этаже. Меня подмывало задержаться в больнице, а потом сослаться на несуществующую чрезвычайную ситуацию. Пациентов мог бы принять и Стефан – когда требовалось, мы подменяли друг друга.

Но лгун из меня никудышный. И потом, рано или поздно мне все равно придется встретиться и с братом, и с женой. Не в пример моему настроению, день был ясным и солнечным, хотя довольно холодным. Я отправился пешком и, как всегда, около часу дня уже был дома.

Обычно я сразу же шел на кухню, однако сегодня изменил своей привычке. Судя по звону посуды и характерному стуку каблуков (жена даже дома любила ходить в красивых туфлях), Герда заканчивала приготовление обеда. Я чувствовал, что не в состоянии оказаться наедине с нею, а потому миновал приемную, где собирались наши пациенты, и вошел в кабинет. Там сидел Стефан. Его окружали анатомические атласы, аптечные склянки с притертыми пробками и муляж человеческого скелета – свидетели сорокалетней врачебной деятельности нашего отца.

Брат сидел за отцовским письменным столом, уперев локти в полированную крышку цвета старого красного дерева.

Голова его была опущена, а пальцы беспокойно теребили темные волосы. Я сразу понял, насколько ему тяжело, и все мои тяготы отошли на задний план. Я смотрел на Стефана без неприязни, испытывая если не желание простить, то во всяком случае искреннюю жалость. Я не сразу решился заговорить, опасаясь, что голос может выдать мое состояние. И удивительно: вместо холодной ярости в моих негромких словах звучало искреннее беспокойство.

– Стефан, ты что, неважно себя чувствуешь? – спросил я.

Брат вскинул голову. Он гораздо лучше, чем я, умеет притворяться, но даже ему не удалось скрыть снедающее его чувство вины. Стефан отвел глаза.

– У тебя усталый вид, – добавил я.

Честно говоря, мне показалось, что брат постарел на целых десять лет. Сейчас он выглядел намного старше того любовника, который в сумраке гостиной...

Я мгновенно подавил болезненную мысль, но все же она отразилась на моем лице, ибо Стефан, бросив на меня косой взгляд, почти шепотом ответил:

– И у тебя не лучше.

Наконец наши глаза встретились, и очень многое стало понятно без слов. Не сомневаюсь, он почувствовал, что я знаю о вчерашнем. Однако мы оба оказались достаточно трусливыми, чтобы говорить без обиняков.

Потянулись минуты. Молчание становилось все более тягостным, и оно непостижимым образом делало меня неволь-

ным соучастником вчерашнего прелюбодеяния. Если у Стефана не хватает духу, придется начать мне. Но не успел я открыть рот, как в дверь позвонили. Вот и первый пациент.

– Я сам приму больного. Я уже поел. Иди обедать, Брам.

– Ты уверен, что справишься?

Вместо ответа он пошел к двери.

Я задержался в коридоре и увидел, как Стефан ведет в кабинет посетительницу. Я лишь мельком увидел эту женщину, но отметил, что она молода и недурна собой. Только зачем она так вырядилась, собираясь на прием к врачу? Парча, мех, бриллианты. Одна рука пациентки все еще была засунута в соболью муфту, а на голове красовалась шапочка из того же меха. На плечи ниспадал каскад рыжих вьющихся волос. Женщина была достаточно рослой, почти вровень со Стефаном. Небесно-голубые глаза, подведенные краской для век, и накрашенные темно-красные губы подсказали мне, что она – актриса, скорее всего, певица.

Брат о чем-то спросил ее, и она ответила глубоким, чувственным голосом. Акцент выдавал в ней француженку. "Шансонетка", – подумал я. Обычная гастролирующая шансонетка. Должно быть, перенапрягла голос, вот и решила обратиться к врачу.

Оставив эту мадемуазель на попечение брата, я пошел на кухню. Герда расставляла тарелки. Маленький Ян восседал на своем высоком стуле. Увидев меня, сын радостно закричал и потянулся ко мне, чуть не упав со стула Герда стояла

ко мне спиной, будто не слыша, что я вошел.

Благодарный малышу за столь теплую встречу, я поднял его на руки. Ян засмеялся и начал дергать меня за бороду, громко пища от восторга. Какое счастье, что хоть его сердечко осталось постоянным в этом меняющемся мире! Малютка не хитрил и не лукавил, он действительно был рад меня видеть. Его смех стал целительным бальзамом для моей измученной души.

– Папа, летать! – потребовал Ян. – Папа, летать!

Мы оба любили эту игру. Я поднимал малыша все выше и выше, пока он не оказался у меня над головой.

– Ян, ты ангел? – как обычно, спросил я. – Папин ангелочек?

– Папа, летать! – уже настойчивее повторил Ян.

– Ну так лети же! – сказал я и подбросил его к потолку.

Ян огласил кухню новыми восторженными криками и принялся махать в воздухе пухлыми ручками и ножками.

– Летай, ангелочек! Летай! – повторял я, ловя и подбрасывая его снова.

Герда никогда не одобряла нашей игры и всякий раз предостерегала: "Осторожней, Абрахам! Так недолго и ребенка уронить!" Однако сегодня она лишь следила за нами, улыбаясь уголками губ, а когда я взглянул на нее, быстро повернулась и отошла к плите.

– А где мама? – спросил я под аккомпанемент криков малыша, требовавшего продолжения ангельских полетов.

Герда сделала вид, что следит за кипящей кастрюлей. Не поворачиваясь ко мне, она коротко ответила:

– Отдыхает. Сказала, что будет обедать позже.

Я оставил дальнейшие попытки завести разговор, понимая всю их тщетность. У Герды и раньше бывали дни, когда она замыкалась в себе. Я научился спокойно переживать эти моменты. Не будь я свидетелем вчерашней сцены, я бы нашел вполне правдоподобное объяснение – скорее всего, решил бы, что она по-своему переживает смерть Яна-старшего. Но я знал: причина совсем в другом, и это не давало мне покоя.

Герда наполнила мою тарелку, но я не мог проглотить ни куска. Она тоже села к столу и принялась кормить малыша. Сын превратился в щит, защищающий нас друг от друга. Я был даже рад, что непоседливый Ян целиком завладел вниманием Герды, поскольку при одном взгляде на жену мне хотелось плакать.

Сегодня она была удивительно красивой и казалась совсем юной. Ее каштановые волосы, стянутые на затылке лентой, причудливыми волнами ниспадали ей на спину, кончиками прядей почти касаясь талии. Ее сердце было таким же чистым и бесхитростным, как у маленького Яна. Она не умела хитрить и притворяться, и сейчас ее сердце переполняли неутраченные страдания. Герда ощущала мою боль так, словно моя душевная рана была ее собственной. Мне захотелось взять ее за руку и спросить напрямую: может, она лю-

бит Стефана больше, чем меня, и наш брак тяготит ее? Может, она мечтает о свободе?

Нет, Герда ни за что не позволит себе разрушить нашу семью. Она воспитана в католических традициях. Разъехаться мы еще можем, но только не развестись.

В кухне установилась гнетущая тишина, даже Ян перестал верещать. Из кабинета раздавался смех пациентки, явно кокетничающей со Стефаном.

Герда напряженно повернулась в сторону кухонной двери, через которую доносился этот смех, и впервые за все время заговорила со мной:

– Как по-твоему, она красивая?

Ее вопрос застал меня врасплох.

– Ты говоришь про пациентку Стефана?

Герда кивнула.

– Я видела ее в окно.

Я развернулся, сев таким образом, чтобы жене было не отвести от меня взгляд (не станет же она закрывать глаза!), и сказал:

– Хорошенькая, пожалуй, но слишком вульгарная. Это не настоящая красота.

Я взял Герду за руку. На ее лице едва мелькнула робкая улыбка и тут же погасла. Мне подумалось, что она сейчас расплачется.

Я не угадал. Герда встревоженно посмотрела в сторону кабинета, прислушалась и спросила:

– Ты ничего сейчас не слышал?

Кажется, мне и в самом деле послышался какой-то странный, глухой звук.

Герда порывисто встала.

– Кто-то упал.

Она произнесла это с такой уверенностью, что я бросился к лестнице и позвал маму. Она тут же вышла из комнаты: осунувшаяся, заметно постаревшая. Ее вид встревожил меня сильнее, чем непонятный шум в глубине дома.

– Что случилось, Брам?

– Герде показалось, будто кто-то упал. Я испугался, что ты. Должно быть, пациентке Стефана стало плохо. Пойду взгляну, не нужна ли ему помощь.

В это время со стороны приемной слышались тяжелые шаги, затем раздался испуганный крик, после чего хлопнула входная дверь, ведущая из приемной на улицу.

Я уже готов был метнуться туда, но задержался, и очень кстати, поскольку мама, кинувшись по ступенькам вниз, споткнулась и едва не упала. Я подхватил ее. Никогда еще я не видел нашу маму такой испуганной. Она держалась за сердце. Вместе мы прошли через кухню и коридор в заднюю часть дома, где располагались приемная и кабинет. Герда подняла на руки захныкавшего Яна и последовала за нами.

Входная дверь была широко распахнута, и по приемной гулял холодный осенний ветер. На другой стороне улицы я увидел Стефана: он стоял ко мне спиной, держа на руках по-

терявшую сознание певичку. Порывы ветра трепали ее рыжие локоны.

Что ж, кажется, все встало на свои места – по-видимому, с пациенткой случился не обморок, а приступ, и ее потребовалось срочно отвезти в больницу. Движение на улице было довольно оживленным, и Стефан рассчитывал быстро найти извозчика. Странно только, что он не позвал меня на помощь. Я выбежал на крыльцо и крикнул:

– Стефан! Мне потом подойти к тебе в больницу?

Он не обернулся и не замедлил шаг, наоборот, услышав мой голос, он почему-то зашагал еще быстрее. Вскоре подкатил наемный экипаж, и Стефан торопливо открыл дверцу, чтобы положить пациентку на мягкое сиденье.

– Стефан! – снова позвал я брата.

Мама тоже выскочила на крыльцо и закричала. В ее коротком пронзительном вопле было столько страха и душевной боли, что я, наверное, запомню его до конца дней. Этот крик заставил Стефана оглянуться (к тому моменту он, устроив женщину, уже почти и сам забрался в экипаж).

Человек, который смотрел на нас с подножки кареты, во все не был моим братом! Я увидел совсем другое лицо! Одежда на нем, несомненно, принадлежала Стефану, но все остальное... Я вдруг заметил, что незнакомец ниже ростом и сложен совсем не так, как мой брат. Даже его волосы, издали похожие на волосы Стефана, были длиннее и чуть светлее.

– Стефан! – простонала мама, но самозванец скрылся в

карете, которая тут же тронулась с места.

Я оторопело помотал головой, не понимая, что происходит. Глядя вслед удаляющейся карете, я заметил какого-то странного человека: лысого, в очках, с пышными седыми усами. Вскочив в другой экипаж, он пустился в погоню за каретой, увозившей Стефана.

Я терялся в догадках, решительно не понимая смысла того, чему сам был свидетелем. Но мама вела себя так, словно что-то знала. Она сжала мою руку.

– Они увезли Стефана!

– Но ведь это был не он, – шепотом возразил я.

Мама схватила меня за вторую руку и встряхнула, как упрямого, непослушного ребенка.

– Догони их! Они увезли Стефана!

Я машинально повиновался – в рубашке и домашних туфлях бросился вдогонку, надеясь поскорее поймать извозчика. Рискуя поскользнуться на мокрых камнях мостовой, я пробежал целый квартал, пока от холодного ветра у меня не запылали легкие. Пока я пытался догнать экипажи, и похитители и их таинственный преследователь скрылись из виду. Даже если бы мне сейчас и попался извозчик, я не знал, в каком направлении ехать.

Удрученный и обескураженный, я вернулся домой и молча прошел мимо матери, жены и голосащего сына прямо в кабинет, где Стефан принимал эту рыжую особу. Я не очень представлял, зачем туда иду и что собираюсь искать.

В кабинете все оставалось по-прежнему: никаких видимых следов борьбы – ни опрокинутой мебели, ни разбитых склянок. Только запах. Слабый и очень знакомый. Я пригляделся. На ковре возле смотрового стола валялся скомканный кружевной платок. Я нагнулся, чтобы поднять его, и едва не задохнулся от запаха хлороформа.

Только сейчас мое замешательство сменилось откровенным страхом. Произошедшее не стало для меня понятнее, одно было ясно: в нашу жизнь ворвалось зло. Я выпрямился и на пороге кабинета увидел поникшую маму и ошеломленную Герду.

– Мы должны заявить в полицию, – твердо сказал я.

– Полиция нам не поможет, – возразила мама.

Сказано это было твердым, уверенным тоном, будто она прекрасно понимала смысл произошедшего.

– Тогда скажи, к кому обратиться, – с раздражением бросил я.

Она молчала.

– Если придут пациенты, извинись от моего имени и попроси их зайти завтра.

Я оделся и вышел из дома. Первой моей мыслью было пойти в полицию, но вместо этого я отправился в больницу. Я не мог примириться со страшной реальностью и пытался убедить себя, что тот человек в карете все-таки был Стефан. Просто его тревожило состояние рыжеволосой пациентки, и он не откликнулся на наш зов. Сейчас я приду и найду его

в палате, у ее койки.

В больнице Стефана не оказалось. Мне сказали, что сегодня он там не появлялся. Оставалось одно: идти в полицию.

Там я лишь впустую потратил время. Нет, надо мной не стали смеяться. У меня есть друзья в полиции, и они внимательно выслушали мой сбивчивый рассказ. Однако он не произвел на полицейских никакого впечатления. Они решили, что Стефан и рыжеволосая певичка – обыкновенные любовники, которые сбежали из города.

Тогда я рассказал про лысого усатого мужчину, отправившегося в погоню за каретой. Это полицейские слушали уже с большим интересом, поскольку сразу поняли, о ком я говорю. Оказывается, тот человек сам прежде служил в полиции, но затем вышел в отставку и теперь занимается частным сыском. Но и здесь они не усмотрели ничего странного. Возможно, эта женщина замужем, и у ее супруга имелись основания нанять сыщика. Мне пообещали найти его и допросить. А пока полиция была бессильна чем-либо помочь Стефану.

Домой я возвращался уже в сумерках и всю дорогу лелеял еще одну глупую надежду: вдруг Стефан за это время вернулся?

Мама ждала меня в передней. В доме было тихо. Герда хозяйничала на кухне. По маминому лицу я сразу же понял, что брат так и не появился. Взяв меня за руку, мама почти шепотом (чтобы не услышала Герда) сказала:

– Нам надо поговорить наедине.

Мы поднялись в ее спальню. Там мама села в кресло-качалку (я сразу вспомнил, как в детстве она сажала к себе на колени то меня, то Стефана и качала в этом кресле, развеивая наши детские горести). Я подвинул к камину любимый отцовский стул и тоже сел. Некоторое время мы молчали.

Когда мама заговорила, я не узнал ее голос – он звучал холоднее, тверже и решительнее, чем прежде.

– Сын мой, – начала она, – возможно, мои слова покажутся тебе бредом сумасшедшей, но ты должен мне верить. В нашу жизнь вторглись силы, которые, как утверждает наука, не могут существовать на белом свете и тем не менее существуют. Их природа не является человеческой, но они абсолютно реальны и полностью зависят от людей. Без нас они давно бы погибли. Это они похитили Стефана, и теперь он находится в смертельной опасности.

Мать внимательно глядела на меня. Я чувствовал: она сказала не все, и ждал продолжения.

– Я сама виновата. Нужно было еще вчера рассказать Стефану... и тебе. Вчера вы оба могли скрыться.

Мама встала и подошла к комоду. Выдвинув верхний ящик, она достала небольшую тетрадь в потертом переплете, которую я видел впервые, и с необычайной серьезностью протянула ее мне.

– Это мой дневник, который я вела двадцать пять лет назад. Все, что в нем написано, – правда. Ты должен его про-

честь, Абрахам, и поверить.

Я начал читать. Пока мой взгляд скользил по выцветшим строчкам, мама безотрывно глядела на огонь. Я читал очень внимательно, но, вопреки ее просьбе, поверить не мог.

Я всегда считал свою мать самым здравомыслящим, спокойным и рассудительным человеком из всех, кого я знал. Я верил ей больше, чем кому-либо, даже больше, чем отцу, когда тот был жив.

Но ее дневник... Он действительно показался мне бредом сумасшедшей: все эти рассказы о жутких чудовищах, загробной жизни и каких-то договорах с дьяволом. И эти силы похитили моего брата, чтобы завладеть его бессмертной душой?

Невероятно. Я не могу, я просто не в состоянии во все это поверить...

* * *

ДНЕВНИК СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

21 ноября 1871 года

Не знаю, правильно ли будет сказать, что я заново родился.

Нет, скорее я попал в совершенно иную жизнь и в совершенно иной, новый для себя мир, к которому неприменимы ни законы науки, ни законы разума. Здесь правит безумие, и мелкие несчастья, преследовавшие меня до сих пор, меркнут

в сравнении с безграничным ужасом, ворвавшимся в тихую гавань, в которой, как оказалось, я обитал все эти годы.

До сегодняшнего дня я знал, что меня зовут Стефаном и что я – сын Марии и Яна Ван-Хельсингов. Теперь же я – движущая сила бед и страданий.

Но лучше я начну с того момента, когда впервые открыл глаза в этом новом мире. Сознание вернулось ко мне не сразу. Какое-то время я пребывал в оцепелом состоянии полусна-полуяви. Мне чудилось, будто я вижу сон, где с меня стаскивали какую-то странную, похожую на женскую одежду и передевали в мою собственную. Сейчас-то я понимаю: все это происходило на самом деле.

Кажется, я куда-то двигался вместе с пространством, в котором находился. У меня сотрясались спина, ноги, голова. В глубине пространства имелось окошко, но за ним я не видел ничего, кроме неясных, словно бы размытых, теней. Чтобы разогнать туман, окутавший мой несчастный мозг, я несколько раз встряхнул головой, и она сразу же закружилась и заболела. Мне пришлось снова закрыть глаза, и я погрузился в темноту.

Когда я вновь очнулся, то обнаружил, что сижу в купе поезда. Мои руки были связаны за спиной. Я посмотрел в окно и не увидел ничего, кроме темноты, сквозь которую мчался поезд. Напротив меня сидел молодой человек и читал книгу. Книга была толстой и достаточно старой, о чем я мог судить по ее истертому черному кожаному переплету. Фолиант был

издан во Франции и назывался "Правдивое и достоверное описание того, что в течение многих лет происходило между доктором Ди¹⁰и некоторыми духами". Этого темноволосого человека я не знал, однако его женоподобное лицо показалось мне до странности знакомым: безбородое, с нежной кожей и правильными чертами. У него были голубые глаза, а на веках я заметил следы краски.

– Кто вы? – прошептал я.

Мне было трудно говорить – пересохшее горло сильно саднило. Я попытался освободить руки. Мои запястья ощутили холодный металл. Неужели наручники? От одной этой мысли мне сделалось тошно, и я прекратил дальнейшие попытки.

Человек закрыл книгу и положил ее рядом с собой. С терпеливой, чуть снисходительной улыбкой он обратился ко мне:

– Прошу вас, ведите себя прилично. Ничего дурного с вами не случится хотя бы потому, что за вас я отвечаю головой.

Он говорил с заметным французским акцентом. Я сразу же узнал его голос.

– Женщина! Вы – та самая женщина, что приходила к нам домой!

Мой похититель и в самом деле имел очень женственный

¹⁰ Джон Ди (1527 – 1608) – английский алхимик, астролог, математик и тайный агент английской королевы Елизаветы I. Считался колдуном и чернокнижником, за что был даже подвергнут тюремному заключению.

вид. То ли он и вправду был представительницей прекрасного пола, переодевшейся теперь в мужское платье, то ли все-таки мужчиной, удачно перевоплощающимся в женщину.

Теперь я вспомнил, что произошло в кабинете. К нам явилась рыжеволосая женщина-иностранка, жаловавшаяся на боли в горле. Я провел ее в кабинет, предложил сесть и стал готовиться к осмотру. Дама без умолку болтала, а ее смех мешал мне сосредоточиться. Когда я отвернулся, чтобы взять зеркальце, пациентка вдруг рванулась ко мне. Я помню ее руку в перчатке, зажавшую мне рот и нос платком. Хлороформ! Я попытался оттолкнуть женщину, но с удивлением обнаружил, что она гораздо сильнее меня.

Итак, меня похитили, посадили в поезд и теперь куда-то везли. Но зачем?

– Что вам от меня надо? – слабым голосом спросил я.

Француз подался вперед, провел рукой по моей щеке и, похотливо подмигнув, шепотом ответил:

– Ах, какой вы милашка! Лучше не возбуждайте меня такими вопросами!

Я отпрянул, и он засмеялся.

– Лично мне от вас ничего не нужно. Вы для меня – всего лишь средство достижения определенной цели. Я уже говорил, что вам не о чем волноваться. Те, кто вас ждет, просто желают... крепко вас обнять.

Это известие ничуть меня не обрадовало и не успокоило.

– Куда вы меня везете?

– Пока что в Брюссель.

Он глядел на меня с любопытством хищной птицы, потом распорядился:

– Отложим-ка дальнейшие вопросы на потом. Вы устали. Отдыхайте.

Слова подействовали на меня гипнотически. Я вдруг почувствовал, что очень хочу спать, и уснул.

Трудно сказать, сколько времени я пребывал в объятиях Морфея. Меня разбудил резкий стук в дверь купе. Мой спутник вскочил, и на его лице появилась тревога. Достав из кармана небольшой револьвер, он шагнул к двери. Низким и вполне мужским голосом он спросил:

– Кто там?

Ему ответил другой мужской голос, благозвучный, как у ангела:

– Это я. Граф.

Тревога на лице француза сменилась удивлением и благоговейным восхищением. Он моментально открыл дверь, точнее приоткрыл, поскольку через образовавшуюся щель не протиснулся бы и ребенок. Тем не менее человек, назвавшийся графом, сумел это сделать. У меня на глазах он стал совершенно плоским, точно лист бумаги, а затем с необычайной легкостью проскользнул в купе.

Какими словами мне описать этого человека? Его облик, как и голос, был совершенно ангельским: черные, с легкой проседью, волосы, зеленые глаза необычайной глубины и

удивительная кожа, восхитившая меня своей мягкой жемчужной бледностью. Мне показалось, что его лицо сделано из перламутра, переливающегося розоватыми, бирюзовыми и серебристыми оттенками.

Ни я, ни француз не могли отвести глаз от блистательного и величественного графа. Однако к его безупречной красоте примешивалось что-то еще – необъяснимая внутренняя уверенность, что он бывает совсем иным и весьма опасным. Он напоминал змею, способную заморозить своей грациозностью и необычной окраской, но тем не менее злобную и ядовитую.

Ангел, истинный ангел. И имя ему – Люцифер.

– Ваше сиятельство, – прошептал мой похититель.

Он тут же опустил руку с револьвером и поклонился. Другой рукой он указал на меня. Во всем этом рабском благоговении ощущался непонятный мне страх.

– Как видите, я в точности исполнил все, что вы велели. Нужный вам человек ничуть не пострадал. Правда, я не ожидал увидеть вас раньше...

Жестом руки, такой же белой и так же таинственно мерцающей, как и лицо, граф прервал француза.

– Меня совершенно не интересуют ваши ожидания.

Затем он повернулся ко мне и окинул меня долгим, изучающим взглядом.

Поняв, что граф является главным виновником моего нелепого похищения, я тоже поглядел на него, но с нескры-

ваемой ненавистью. Это его ничуть не задело. Граф продолжал разглядывать меня с непонятым восхищением и оттенком столь же непонятной мне грусти. Потом он вздохнул и произнес только одно слово, прозвучавшее в его устах как горячая молитва:

– Стефан.

Выходит, граф меня знал, более того, он меня любил. Но меня все равно что-то настораживало.

С явной неохотой граф вновь повернулся к моему похитителю.

– Мне осталось лишь заплатить вам за услуги.

Он вынул из кармана плаща черный бархатный мешочек.

Женоподобный француз недовольно сморщил лицо и попытался назад. Голос его слегка дрожал, но поза говорила о твердой решимости.

– Ваше сиятельство, не обижайте меня, предлагая золото. Вы же знаете мою цену.

Граф наклонил голову и устремил на него свои изумрудные глаза. У меня вновь мелькнула мысль об ослепительно прекрасной змее, приготовившейся к смертельному броску. Я напрягся (насколько это позволяли наручники), предчувствуя неминуемую трагедию.

Мне подумалось, что француз сейчас выстрелит в графа из револьвера, но произошло то, чего я никак не мог предположить. Он сорвал крахмальный воротничок, расстегнул на себе рубашку и обнажил шею, белизной кожи и отсутствием

кадыка напоминавшую женскую. Единственным недостатком была красная ранка. Поскольку я сидел, то, естественно, смотрел на француза снизу вверх. К тому же свет в купе был достаточно тусклым, поэтому повреждение на его коже я принял за порез при бритье. Правда, по внешнему виду этого странного мужчины я бы не сказал, что ему когда-либо доводилось пользоваться бритвой.

– Я говорю об этом, – продолжал мой похититель. – Я прошу, чтобы вы закончили начатое и даровали мне бессмертие.

С этими словами он запрокинул голову. У графа заблестели и налились кровью глаза, он изогнулся и с быстротой атакующей змеи припал к подставленной белой шее. Француз тихо и сердито вскрикнул и попытался вырваться, но граф крепко держал его. Вскоре мой похититель перестал сопротивляться. Его дыхание замедлилось, глаза остекленели, и он погрузился в транс.

Может, я еще не окончательно пришел в себя после хлороформа? Или стал жертвой воспаления мозга, сопровождающегося чудовищными видениями? Эти вопросы я мысленно задавал себе, наблюдая нечто невообразимое. Склонившись над французом, граф сосал из его раны кровь. Так продолжалось, пока бледные щеки этого исчадия ада не порозовели, а лицо моего похитителя, наоборот, не сделалось блее мела. Потом француз потерял сознание и начал падать, но граф тут же подхватил его и продолжил свое ужасное пиршество.

Наконец граф (его лицо покраснелось) оторвался от безжизненно повисшего тела, осторожно усадил покойника на сиденье и повернулся ко мне. Неужели я стану его второй жертвой? Шансы были явно не в мою пользу: с затуманенной хлороформом головой и в наручниках не больно-то повоюешь.

Вместо этого граф опустил передо мной на колени. Его лицо находилось совсем рядом, я ощущал его теплое, пахнущее кровью дыхание.

– Повернись, Стефан, – велел мне граф. – Я хочу снять с тебя наручники.

Я не стал противиться, послушно повернулся и ощутил прикосновение холодных как лед пальцев. Почти одновременно раздались два громких щелчка. Мои руки были свободны, а на сиденье валялись наручники, каждый из которых граф переломил пополам.

– Что вам от меня надо? – сердито спросил я, растирая затекшие запястья.

– Только это, – прошептал граф.

Потом опять произошло нечто странное: глаза графа начали увеличиваться, пока не заняли собой все пространство. Я видел только их; весь мир стал его глазами. В этом изменившемся мире что-то блеснуло. Нож! Приподняв мою руку, граф занес над нею острый нож. Прошла целая вечность, прежде чем лезвие ножа полоснуло мне по пальцу. Граф сжал его. Из ранки брызнули алые капли, и граф тут

же подставил свою ладонь.

Он слизывал мою кровь! Нет, "слизывал" – неподходящее слово. Граф вкушал мою кровь, словно принимал святое причастие. А что творилось с его лицом! Это выражение, где слились бесконечное блаженство, любовь и страдание, я запомню навсегда. Потом граф закрыл глаза, и по его щеке скатилась блестящая слезинка.

Лезвие ножа мелькнуло снова, но теперь он выдавливал мне на ладонь капли своей крови, и – Боже милосердный! – подчиняясь его взгляду, я слизнул их. Кровь графа была горько-соленой, с привкусом смерти. Но в этой горечи таилось нечто сладостное и невыразимо пьянящее.

Я во все глаза смотрел на своего неведомого спасителя, ошеломленный тем, что кто-то способен любить меня столь горячо.

– Отныне, Стефан, мы связаны друг с другом, – ласково и нежно произнес граф. – Стоит тебе мысленно позвать меня, и я приду. В любое время дня и ночи, во сне или наяву – если только тебе будет угрожать опасность, я явлюсь на твой зов. Если кто-нибудь осмелится причинить тебе вред, я сразу же узнаю об этом. Но клянусь тебе: ты и впредь останешься хозяином своего разума. Я на себе познал весь ужас подчинения рассудка чужой воле и потому никогда не потревожу тебя без твоего зова.

Пока граф говорил, его облик несколько изменился: лицо помолодело и стало менее суровым, в изумрудных глазах

появились коричневые крапинки, а из волос исчезла седина.

– Кто вы? – тихо спросил я.

Его лицо исказилось гримасой боли. Мне показалось, что граф не выдержит и заплачет. Но он совладал с собой и тем же нежным голосом ответил:

– Я – твой отец.

Глава 6

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Я и раньше знал, что Ян Ван-Хельсинг мне не родной отец. Он забрал меня из приюта и усыновил, когда я был еще совсем маленьким, – так мне всегда говорили. Но относился он ко мне, как к родному сыну, не делая различий между мной и Абрахамом. Далеко не у всех бывает такое счастливое детство, какое выпало мне. И все же мальчишкой я часто думал о своих настоящих родителях. Я мечтал, что однажды ко мне подойдет добрый мужчина, темноволосый и темноглазый, и скажет: "Здравствуй, Стефан. Я – твой отец".

Но услышать эти слова от внушающего страх незнакомца (да еще после всего, что произошло за последние полчаса) – такое было выше моих сил.

И все-таки я поверил ему. Вкусив его крови, я почувствовал, что он по-настоящему любит меня. Поверил, невзирая на странное убийство француза и совершенно фантастическую историю, которую он мне поведал.

По словам графа, мы – потомки чудовища в человеческом обличье, которому несколько сотен лет. Он обитает в стране со странным названием Трансильвания – глухой и дикой. Теперь это чудовище усиленно ищет меня, чтобы забрать мою душу. Если он завладеет ею, то в очередной раз продлит свою

жизнь. Я вспомнил слова своего похитителя и понял: вот кому, оказывается, не терпелось меня обнять! Граф рассказал мне, что, будучи в моем возрасте, он добровольно согласился на смерть, только бы уничтожить злодея, но у него ничего не вышло. Тот успел его укусить, превратив в подобного себе.

Я пишу эти строки, и какая-то часть меня по-прежнему упорно отказывается верить. Но потом на меня накатывает волна любви – той любви, что я испытал, когда мы вкушали кровь друг друга, и все сомнения исчезают.

Возможно, меня околдовали.

Возможно. Отец предупреждал: Влад (так зовут это чудовище) через кровавый ритуал попытается привязать меня к себе, чтобы сделать послушной марионеткой... В таком случае не стал ли я уже марионеткой в руках своего отца? (С какой легкостью моя рука выводит это слово, а ведь совсем недавно я похоронил человека, к которому обращался так всю свою сознательную жизнь!)

Правда, отец поклялся, что никогда этого не сделает, никогда не позволит себе вторгнуться в святилище моего разума. Если мне понадобится его помощь, я должен сам его позвать.

Но насколько это правда? Пока не знаю. Во всяком случае, за время нашего путешествия в поезде у меня не было оснований усомниться в искренности отца. Хотя кое-что показалось мне странным. Отец бесцеремонно открыл вместительный чемодан моего похитителя и стал вытаскивать отту-

да содержимое: несколько изысканных мужских костюмов, дорогие женские платья из шелка, атласа и парчи, большую коллекцию мужских и женских париков, включая и парик с длинными рыжими локонами. Все эти вещи он, не колеблясь, выбросил в окно. Когда чемодан почти опустел, отец уложил туда обескровленное тело француза и прикрыл его подобием савана из атласных и кружевных юбок. Потом он закрыл крышку и сказал мне:

– В свое время Влад укусил этого человека и пообещал сделать его бессмертным. Поскольку мы с Владом внешне достаточно похожи, твой похититель путал меня с ним. Хуже всего то, что Влад теперь узнает о моем вмешательстве. И конечно же, его подручный наверняка уже сообщил ему твой амстердамский адрес. Тебе никак нельзя возвращаться домой.

Эти слова мгновенно выбили меня из состояния приятной полудремы.

– Нет, я должен вернуться домой! Я не могу исчезнуть, ничего не объяснив ни матери, ни брату...

У меня едва не сорвалось с языка: "жене брата", но я вовремя спохватился.

Поезд стал замедлять ход, а впереди показались огни большого вокзала. Отец думал, постукивая пальцами по крышке чемодана, в котором лежал мой незадачливый похититель.

– Наверное, ты прав, – наконец сказал он. – Твоя мать... –

Эти слова он произнес с непонятной для меня грустью и запнулся. – Всей вашей семье угрожает смертельная опасность. Влад не остановится ни перед чем, только бы тебя найти, ради этого он не пощадит и твоих близких. Но он потерял своего лучшего подручного, верную и беспринципную двуногую ищейку, и, чтобы найти другого, ему понадобится некоторое время. У тебя и твоих родных есть в запасе не больше недели. Ты должен убедить их скрыться.

Я не очень представлял, как я это сделаю, но, когда поезд остановился у перрона брюссельского вокзала, задача уже не казалась мне невыполнимой.

Забыл написать: я узнал, что моего настоящего отца зовут Аркадий Дракул. Позвав в купе проводника, он попросил отправить чемодан утренним поездом в Амстердам, где груз встретит его доверенный человек (не хочу даже гадать, зачем отцу понадобился мертвец), и щедро расплатился золотом "за доставленные хлопоты". Я стоял и недоуменно наблюдал эту сцену. Проводник даже не спросил, куда исчез пассажир, садившийся в поезд вместе со мной. Окно в купе было плотно закрыто, а от коллекции одежды не осталось и следа (отец, конечно же, выбросил и сломанные наручники). Пассажиры торопились покинуть вагон, и никто не обратил внимания на мой всклокоченный вид и нетвердую походку. С удивлением я заметил, что облик отца сильно изменился. Сейчас его можно было бы назвать элегантным, но вполне обыкновенным человеком. Мы беспрепятственно покинули

вагон и смешались с толпой на перроне.

Я не понимал, почему отец не купил и нам билеты на утренний поезд. На мой вопрос он как-то странно улыбнулся и ответил:

– Мне нужно вернуться в Амстердам еще до рассвета. Один я бы это сделал намного быстрее. Но я поеду вместе с тобой. Я хочу убедиться в том, что ты благополучно добрался до дома, поэтому мы поедem вместе почти до самого Амстердама.

На привокзальной площади, после недолгих переговоров и внушительной суммы, уплаченной опять-таки золотом, отец купил для нас легкую коляску, запряженную парой быстрых лошадей. Сев в нее, мы покатали в направлении Амстердама. Вскоре Брюссель остался позади. Нас окружала сырая и холодная осенняя ночь.

Эмоциональное перенапряжение и последствия одурманивания хлороформом стали причиной того, что я почти сразу погрузился в тяжелое забытие. Я видел какие-то отрывки снов – беспокойных и фантастических, но их содержание не могло сравниться с тем, что я пережил наяву. Из самого путешествия я почти ничего не помню. Иногда, открывая глаза, я видел мягко сияющие дивным светом лицо и руки отца. Ветер играл его черным плащом. Он что-то шептал быстро несущимся лошадям, которые при этом начинали дрожать и неслись еще быстрее.

Спустя несколько часов он меня разбудил. Мы уже до-

брались до городка Гетрейдинберг, где нашу дорогу пересекал Бергсе-Маас – один из рукавов весьма полноводной реки Маас. Виновато улыбаясь, отец передал мне поводья и сказал:

– Сейчас прилив. Вода стоит высоко, и на мосту мне будет не справиться с лошадьми.

Я ничего не понял из его объяснений, но послушно взял вожжи, и мы медленно поехали по узкому и длинному мосту. Потом дорогу еще дважды пересекали крупные реки: сначала Ваал¹¹, затем – Нижний Рейн, и каждый раз отец почему-то отдавал поводья мне.

Когда мы миновали Утрехт и ехали уже по Северной Голландии, примерно в пятнадцати километрах от Амстердама, Аркадий окончательно передал мне вожжи.

– Передай матери, что мой помощник весь день будет следить за вашим домом и охранять вас. А вечером я вас навещу.

Сказав это, Аркадий буквально растворился в тумане.

К дому я подъехал ранним утром. Солнце только-только позолотило края багровых облаков. Воздух был прозрачным и холодным. Когда я остановился и привязал лошадей к ограде нашего дома, от них валил густой белый пар. Не успел я сделать и шагу, как входная дверь резко распахнулась.

Звук этот был похож на выстрел из ружья. Я поднял голову. На пороге стояла мама: босая, в домашнем халате. Ни

¹¹ Ваал – один из рукавов Рейна, протекающий по территории Голландии.

слова не говоря, она бросилась ко мне и крепко прижала меня к груди. Только тогда она громко всхлипнула, веря и не веря в мое возвращение.

Больше минуты мы так и стояли обнявшись, потом мама отстранилась и, по-прежнему молча, стала внимательно меня разглядывать: глаза, лицо, все тело и, наконец, руки. Она долго смотрела на них, после чего медленно, словно неохотно, повернула их ладонями вверх. Заметив порез на кончике левого указательного пальца, мама не то застонала, не то вскрикнула, и у нее подкосились ноги.

Я успел подхватить ее, не дав упасть на раскисшую землю.

– Не бойся, мама. Все хорошо, – тихо проговорил я. – Меня спас мой отец.

– Твой отец?

Ее лицо напряглось и исказилось гримасой ужаса и боли.

– Аркадий? – спросила она.

Я кивнул.

Мама взяла меня за руку и твердо сказала:

– Пойдем в дом. Нам надо поговорить.

Я обнял ее за талию, и мы двинулись к крыльцу. На пороге я увидел полностью одетого Абрахама, а позади – Герду. Ее темные волосы ниспадали все на ту же шелковую ночную сорочку, сразу напомнившую мне о нашем полночном свидании.

Герда не сказала мне ни слова. Ее большие глаза были полны радости и слез. Я чувствовал: она едва сдерживалась, что-

бы не броситься мне на шею. Это не укрылось от Брама, и лицо брата мгновенно помрачнело.

Мы посмотрели друг на друга. Глаза брата были полны боли, а еще я прочел в них упрек. Теперь я не сомневался: он все знает!

Но потом лицо Брама смягчилось, став таким же, как всегда. Передо мною опять был мой надежный и любящий брат. Он сорвался с места, подбежал и обнял меня.

Не знаю почему, но страдания матери я перенес спокойнее, чем его объятия. Здесь я не выдержал и заплакал. Слезы текли у меня по щекам, а я смотрел через плечо Брама на обычно бледное лицо Герды, сейчас порозовевшее от стыда и радости. Я не смел встретиться с нею глазами.

Как и мама, Брам внимательно оглядел меня с головы до пят. Увидев коляску и двух ладных лошадей, он покачал головой и прошептал:

– Откуда все это? И вообще, что с тобой приключилось, Стефан?

В его голосе не было ни осуждения, ни раздражения, только забота и обычное спокойное любопытство.

Одной рукой я обнял его (я радовался, что между нами не возникло отчуждения), другой – маму, и мы втроем поднялись на крыльцо.

– Думаю, вы сочтете меня сумасшедшим, – предупредил я.

– В таком случае ты будешь не первым, – тихо ответил

мне Брам и выразительно кивнул в мамину сторону.

Наверное, он хотел пошутить, однако мама не улыбнулась.

– Я была бы только рада, если бы *эту* правду можно было объяснить с позиций здравого смысла, но, к моему величайшему сожалению, Брам, это не так.

Мне было нечего добавить, и я молча чмокнул Герду в щеку – таким невинным приветствием мы обменивались всегда. Но сейчас оно лишь добавило мне душевных терзаний. Ну почему мы должны таиться? Почему этот короткий и вполне благопристойный поцелуй лишь разжигает воспоминания о той ночи? Я опустил глаза, иначе и Герде, и Брам у они сказали бы слишком много.

Мы прошли в кухню. Герда поднялась наверх, сказав, что ей нужно поведать малыша. Естественно, то был просто удобный предлог. По правде говоря, мне не хотелось, чтобы Герда слышала мой рассказ, ведь я и так уже доставил ей немало бед. К тому же у нее чрезвычайно восприимчивая натура, и я опасался, что нарушу хрупкое эмоциональное равновесие, в котором она пребывала последние четыре года.

Выпив несколько чашек крепкого кофе, я поведал маме и Брам у о своем странном путешествии в Брюссель и обратно. Правда, материалистические воззрения, привитые мне с детства, возобладали, и я не стал упоминать ни о чем сверхъестественном. В моем изложении это происшествие выглядело так: мой спаситель, который оказался сильнее похитителя, оглушил последнего и в бессознательном состоянии за-

толкал его в чемодан, предварительно выбросив оттуда содержимое. Я ни словом не обмолвился ни о ритуале, ни о том, что таинственный незнакомец назвался моим отцом. Мне вообще не хотелось вдаваться в подробности, все эти события вполне закономерно начали обретать черты кошмарного сна, вызванного изрядной дозой хлороформа.

Но едва я назвал имя своего спасителя – Аркадий Дракул, – Брам порывисто вскочил, чуть не выронив чашку. Половина кофе выплеснулась на белую скатерть. Брат и мама переглянулись, потом она обратилась ко мне:

– Стефан, не надо ничего умалчивать. Этим ты не защитишь ни нас, ни себя. Все, о чем тебе поведал Аркадий, – правда. Я давно знала и о существовании Влада, и о договоре. Пока ты отсутствовал, я попыталась обо всем рассказать Брам, но, похоже, он до сих пор не верит. Стефан, прошу тебя, опиши еще раз, что случилось с тобой, и ничего не утаивай. Это очень важно.

Нехотя я исполнил мамину просьбу. Брам слушал очень внимательно. Он ни разу не перебил меня, на его лице не мелькнуло даже тени недоверия. Но, хорошо зная брата, я представлял, какая яростная борьба происходит сейчас у него внутри. Такова уж особенность Брама: чем сильнее он встревожен, тем спокойнее держится.

Закончив рассказ, я тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула. Только сейчас я почувствовал, насколько устал. Брам еще какое-то время сидел неподвижно, затем,

обратившись к нам обоим, спросил:

– И что нам теперь делать?

– Скрыться!

Мама произнесла это слово непререкаемым тоном. Ее отливающие серебром волосы разметались по плечам, лицо пылало, озаренное пламенем, полыхавшим у нее в душе. Передо мною была не пожилая, измученная женщина, а та юная и прекрасная, которую когда-то любил порывистый и страстный Аркадий Дракул.

– Мы должны покинуть дом и разъехаться в разные стороны. Только это нас спасет. Если же мы останемся здесь, Влад превратит каждого из нас в орудие расправы над остальными.

Брам тяжело встал и воззрился на нас с мамой возмущенным взглядом. Долго сдерживаемое раздражение наконец прорвалось наружу.

– Ты предлагаешь совершенно дикие вещи. Я не собираюсь из-за какого-то бреда бросать работу, дом и расставаться с близкими мне людьми. Не знаю, что за помутнение нашло на вас обоих. Остается лишь надеяться, что оно не окажется затяжным!

Он повернулся и вышел, и коридор наполнился эхом твердых, решительных шагов. Потом громко хлопнула входная дверь.

Я не знал, кто из них прав и как нам быть дальше. Я уронил голову на ладони, чувствуя, что сейчас усну прямо за

кухонным столом. Мама за руку, как малыша, отвела меня в мою комнату. Словно заболевший ребенок, я позволил себя раздеть и уложить в постель. Мама села рядом. Ее нежные пальцы приятно охладили мой пылающий лоб.

– Я поступала гадко, скрывая от вас с Брамом правду. Ты вправе ненавидеть меня за то, как с тобой обошлись. Но только я одна могу поведать тебе *всю* правду. Слушай...

Она рассказала мне такое, чего я себе и вообразить не мог и о чем по соображениям безопасности не рискнул писать на страницах дневника. Мамина исповедь поставила меня перед выбором, и, когда я его сделал, мы оба заплакали, объединенные общей бедой.

Потом мама ушла, но я не мог спать. Я должен был облегчить свое истерзанное сердце и записать хотя бы то, что можно доверить бумаге. Когда я закончил, солнце уже вовсю сияло на небе.

Молю только об одном: чтобы помощник Аркадия действительно охранял наш дом в эти часы. Мои силы на исходе. Теперь спать. Спать...

Глава 7

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

22 ноября 1871 года

Неужели ужасные потрясения еще не закончились и нужно ожидать новых? Если вдуматься, не прошло и недели, как умер мой отец. Только три дня назад мы его похоронили. За эти дни распалась моя семья, и каждый из моих близких так или иначе оказался для меня потерян.

После фантастического исчезновения Стефана и не менее фантастического его возвращения, а также после маминых рассказов (даже не знаю, какое определение им подобрать) о дьявольском проклятии, тяготеющем над нашей семьей, мой рассудок попал в ловушку. Что-то мешает мне безоговорочно поверить во все это или столь же безоговорочно отмести. Знания, логика, наконец, собственный опыт убеждают меня, что безумие не является заразным. Тогда почему же мама и Стефан пали жертвами одинаковой формы помрачения рассудка?

Я еще мог заставить себя спокойно выслушать рассказ Стефана. Но мамино предложение... Почему мы должны расколоть семью – наше главное достояние и, повинуясь неведомо чьим предостережениям, куда-то бежать? Меня взбесила эта нелепая идея. И не только она. Я не понимал: почему именно сейчас на самых близких мне людей нашло

какое-то непонятное помрачение? Разве смерть отца принесла нам мало страданий?

Мне не хотелось признаваться, но, если быть с собой честным, у меня имелась еще одна причина для горечи и раздражения. Я видел, *как* вернувшийся Стефан посмотрел на Герду и *каким* взглядом ответила она.

Ну и утро! Сначала невыносимые рассказы Стефана, потом настойчивые мамины призывы бежать из Амстердама... Почувствовав, что сейчас сорвусь и наговорю им обоим резкостей, я отправился в больницу раньше обычного. Дежурство с его заботами принесло некоторое облегчение, но желаемого успокоения так и не наступило. Более того, я был настолько рассержен, что впервые не пошел домой обедать. Частных пациентов я сегодня не ждал, поскольку никого не записывал на этот день, а из тех, кто может прийти без записи... Если Стефан выспится, он их примет, или пусть обращаются завтра. Почему это всегда должно волновать только меня?

Впервые в жизни я вдруг почувствовал, как меня захлестывает волна жалости к самому себе. "Пусть-ка теперь поволнуются, где я и что со мной!" – совсем по-мальчишески подумал я и решил вообще не обедать, словно забыв, что своим упрямством делаю хуже только себе. Скажу больше: мне нравилось себя жалеть. Я получал какое-то извращенное наслаждение. Откуда-то полезли детские обиды. Я вспоминал, как родители баловали Стефана и спрашивали с него

меньше, чем с меня. Зато от меня – старшего брата – всегда требовали понимания, терпения и уступчивости.

Ах, Стефан, Стефан! Если бы я преодолел свой дурацкий эгоизм и прислушался к твоим словам!

Я провел в больнице еще несколько часов (крайне разозленный, что никто из близких не хватился меня и не попросил кого-нибудь из соседских мальчишек сбегать узнать, в чем дело), а под вечер отправился навещать пациентов на дому.

Свои визиты я опять начал с Лилли. Я уже упоминал, что у этой старухи нет никого и по вечерам ей бывает особенно одиноко. Я направился к ее дешевому пансиону, находящемуся на другом конце города. Солнце уже село, однако я не испытывал ни малейшего желания возвращаться домой. Наверное, не побывай я у Лилли (сейчас я склонен считать увиденное там знаком), я бы вообще не пошел домой и провел ночь в какой-нибудь гостинице.

Хозяйка пансиона сообщила мне, что со вчерашнего вечера Лилли стало хуже. Она ничего не ела и весь день проспала. Должно быть, она и сейчас спит. Я постучал в дверь, но ответа не последовало. Я на цыпочках вошел в комнату и практически сразу же понял, что Лилли не разбудил бы даже пушечный выстрел. Скорее всего, она умерла еще утром и лежала в такой позе, будто спала, что и ввело хозяйку в заблуждение. Теперь и она убедилась, что ее постоялица мертва. Лицо Лилли успело приобрести восковую бледность, а

тело окоченело.

Это был знак. Я, как обычно, присел на стул возле постели старухи и заплакал. Не знаю, действительно ли я оплакивал смерть одинокой предсказательницы, или просто мое внутреннее напряжение наконец нашло выход и выплеснулось наружу. Потом я оформил все необходимые документы и сказал хозяйке, что она может звать гробовщика. В иное время я бы сам взял на себя эти печальные хлопоты, но меня вдруг неодолимо потянуло вернуться домой.

Быстро темнело. Извозчиков, как назло, не было. Я зашагал к дому, чувствуя, как бешено колотится сердце, внезапно наполнившееся непонятным ужасом.

Вид родного дома не унял моего беспокойства, а лишь усилил его. Я содрогнулся, глядя на темные окна. Света не было нигде. Глянув в узкое окошко передней, я не увидел даже привычного тусклого огонька лампы, которую мама всегда оставляла для меня, когда я задерживался. Мне стало страшно.

Я взбежал по ступеням крыльца, на ходу вынимая ключ. В доме было темно и холодно. Сколько я себя помню, в это время у нас в гостиной всегда пылал камин. Похоже, сегодня его вообще не растапливали.

Сначала мне показалось, что дом вымер. Но нет: сверху доносился тихий не то плач, не то вой. Он звучал на высокой ноте, нечеловеческий и полный беспредельного отчаяния. Я мигом помчался на второй этаж.

Дверь в нашу спальню была распахнута настежь, а внутри царил пронизывающий холод – половина окна оказалась открыта, и ветер раздувал белые портьеры, словно морские паруса. Я торопливо закрыл окно, ощупью нашел спички и зажег лампу.

Рядом с кроватью, на полу, сидела Герда. Воротник ее кофты был расстегнут, спутанные волосы обрамляли абсолютно белое лицо, на котором темнели три бездонных колодца – глаза и рот. Увидев жену, продолжавшую издавать эти леденящие кровь звуки, я опустился рядом с ней. С ужасом и состраданием глядел я на свою дорогую Герду. Что, какое потрясение вновь ввергло ее в омут безумия? Такой я увидел ее четыре года назад, в больничной палате.

Глаза Герды смотрели и не видели, словно взор ей застилала пелена невыразимой душевной боли или она глядела в иной, неизвестный и мрачный мир. Я осторожно обнял жену за плечи и позвал по имени. Она меня не услышала, продолжая тихо выть на высокой, душераздирающей ноте. Мне было жутко видеть ее лицо, искаженное отчаянием.

Все мои попытки успокоить ее окончились ничем. Герда не отвечала на мои вопросы. Мне не оставалось ничего иного, как встать и начать самому доискиваться причин, вновь вогнавших ее в ступор.

Я окинул взглядом комнату, и то, что я увидел, поразило меня в самое сердце. Герда почему-то не заправила постель, чего раньше никогда себе не позволяла. Одеяло было

сброшено на пол, простыни скомканы, а подушки еще хранили вмятины от голов. Совершенно очевидно, что занимались любовью здесь уже после моего раннего ухода.

Вид оскверненного супружеского ложа глубоко потряс меня. И сразу же возникла мысль: неужели и мой малыш был невольным свидетелем падения собственной матери? Неужели он видел все, что здесь происходило?

Я торопливо перевел взгляд на кроватку Яна-младшего и остолбенел. Вот когда меня охватил настоящий ужас! Кроватка была пуста. Боже милостивый, пуста!

Разум тут же подсказал вполне логичное объяснение: малыш где-нибудь в другой комнате. Как это – в другой комнате? Он еще слишком мал и не отваживается отходить от матери. Я опустился на пол рядом с Гердой, схватил ее за руку, встряхнул.

– Где наш ребенок? Где? С бабушкой?

И снова я наткнулся на глухую стену, окружившую, как и четыре года назад, мою жену. Я вскочил и стал громко звать малыша. Я вел себя на редкость глупо: заглянул под его кроватку, под столик, разворошил его игрушки, как будто Ян спрятался и уснул среди них.

Убедившись, что в нашей спальне его нет, я выскочил в коридор и постучался в закрытую дверь комнаты Стефана. Мне никто не ответил. Я распахнул дверь – в комнате было темно и пусто. В ужасе я кинулся в спальню матери. Мама тоже не отозвалась на мой стук, и тогда я открыл дверь.

Боже, хоть она не исчезла! Мама лежала на кровати и крепко спала. Я зажег лампу, взял маму за руку и попытался разбудить. Тщетно: ни мои похлопывания, ни даже щипки не нарушили ее сна. Я оглядел мамину спальню, но и здесь не обнаружил никаких следов сынишки. Тогда я сбежал по лестнице вниз и начал обследовать комнату за комнатой, за чем-то распахивая дверцы шкафов и кладовок, которые малышу еще было не под силу открыть самому. Я искал Яна в самых невероятных местах – и не находил.

Кончилось тем, что я выскочил на улицу и стал выкрикивать его имя. Ответом мне было лишь эхо. Ребенок исчез. Когда в моем сознании утвердилась эта ужасающая мысль, мне отчаянно захотелось, подобно Герде, нырнуть в пропасть безумия.

Не знаю, сколько бы еще я простоял на пустой и холодной улице, если бы не надрывный вой жены, вновь донесшийся из глубины дома. Я с трудом осознал, что означают эти звуки, ибо мое сознание на тот момент полностью утратило чувствительность, погружившись в спасительное отупение, где нет ни страха, ни боли.

Спокойно, будто меня звали на ужин, я вернулся в дом, столь же спокойно налил жене бокал отцовского портвейна и понес наверх. Герда даже не повернула головы. Мне пришлось почти насильно вливать вино ей в рот.

Она с трудом пила, а я гладил ее пылающий лоб и шептал ласковые слова, как маленькой раскапризничавшейся девоч-

ке. Думаю, Герда по-прежнему не видела меня; в ее взгляде застыла беспредельная тоска. Наверное, она снова и снова переживала кошмар, обрушившийся на нее совсем недавно. Вино несколько успокоило Герду, и я, набравшись смелости, вновь спросил у нее:

– Что случилось? Где малыш? Где Стефан?

Ее губы шевельнулись. Надеюсь услышать ответ, я отодвинул бокал, но Герда неожиданно резко потянулась к нему, и он опрокинулся. Портвейн выплеснулся ей на лицо, залил белоснежную кофточку. Винные пятна были похожи на подсыхающую кровь. Махнув в сторону окна, Герда выкрикнула:

– Их нет! Она... она забрала их обоих!

Повернувшись к окну, я увидел довольно жуткую картину: за стеклом неподвижно, будто гипсовая маска, застыло белое лицо абсолютно незнакомого мужчины (в тот момент я не обратил внимания, что жена говорила о какой-то женщине), и меня снова охватил непонятный, сверхъестественный ужас, однако здравый смысл тут же подsunул свое простое и ясное объяснение. К нам в дом проник злоумышленник. Он забрался по приставной лестнице и похитил бедного малютку, рассчитывая получить солидный выкуп (про Стефана я в тот момент начисто забыл). Видимо, этого ему показалось мало, и теперь он явился за моей женой.

В ярости я кинулся к окну и дернул шпингалет, намереваясь опрокинуть лестницу вместе с преступником. Пока он

будет приходиться в себя после падения со второго этажа, я успею выбежать и схватить негодяя.

Но за распахнутым окном я обнаружил лишь темноту и холодный ноябрьский ветер. Не понимая, куда мог исчезнуть преступник, я закрыл раму и снова повернулся к Герде, надеясь узнать от нее хоть что-нибудь еще... Между мной и моей несчастной женой стоял тот самый человек с белым, сияющим таинственным нежным светом лицом и такими же руками.

Увидев его, Герда опять закричала, ее стала бить крупная дрожь. Я обнял жену, прикрыл ей плечи одеялом и загородил собой от незнакомца. Он не делал попыток приблизиться к нам. Вскоре раздался его тихий голос, удивительным образом заглушивший крики Герды:

– Боюсь, Абрахам, я сильно опоздал.

Передо мной стоял элегантный и обаятельный мужчина неопределенного возраста. Его волосы цвета воронова крыла, такие же черные брови да и черты лица показались мне на удивление знакомыми. Кто он такой? Как и зачем здесь оказался? Причастен ли он к похищению моих сына и брата? Я уже приготовился обрушить на него эти вопросы, но мои губы почему-то произнесли совсем другое:

– Я вас знаю?

– Возможно, – ответил незнакомец. – Но сейчас это не главное. Стефана вновь похитили. Где он – не знаю. Мне известно лишь, что в данный момент он спит. Расскажите мне,

что здесь произошло.

Меня опередил крик Герды:

– Это один из них! Он – как она! Она, это она забрала Стефана и Яна!

Герда вырвалась из моих рук и начала молотить незнакомца кулаками по груди. Одеяло свалилось с ее плеч, блузка растянулась, но моей жене было не до приличий.

Незнакомец даже не пытался загородиться от ее ударов. Как ни странно, его куда сильнее испугали бессвязные слова Герды. Он закрыл глаза и с ужасом прошептал:

– Она? В таком случае их обоих похитила Жужанна.

Я оторвал Герду от незнакомца и вновь закутал в одеяло.

– Так вы знаете эту Жужанну? – набросился я на него с расспросами. – А может, вы – ее пособник? Отвечайте, что вы сделали с Яном и Стефаном?

Но он как будто бы и вовсе забыл обо мне – повернувшись к нам с Гердой спиной, он пристально вглядывался во тьму коридора.

– Что с вашей матерью? – вдруг повернулся ко мне незнакомец, и я с удивлением обнаружил, что глаза его полны безумного страха.

– Спит, и мне никак ее не разбудить, – буркнул я, удивляясь, что какая-то сила заставляет меня отвечать на его вопросы.

Незнакомец бесшумно проскользнул мимо нас и скрылся в темноте. Прошло не более десяти секунд, как он вернулся,

держала на руках крепко спящую маму.

Увидев ее, Герда затихла. Мне удалось заставить жену сделать еще несколько глотков портвейна. Потом, смочив водой полотенце, я приложил его к пылающему жаром лбу Герды.

Мужчина с необычайной осторожностью положил маму на нашу постель, сам опустился на колени и удивительно ласково прошептал:

– Мери...

Открыв глаза и увидев этого человека, мама облегченно вздохнула. Главное, она его не испугалась. Ну конечно же, это о нем я читал в ее дневнике!

– Аркадий, – с улыбкой прошептала она. – Слава Богу, ты с нами.

Неожиданно она приподнялась и схватила его за руки.

– А где Стефан? Что с ним? – вдруг встрепенулась мама.

– Исчез, – молвил Аркадий. – Он жив, но сейчас спит.

Когда проснется, я смогу узнать больше. Пока не станет ясно, куда его везут, бесполезно что-либо предпринимать. Лучше расскажи мне обо всем, что помнишь.

Мама спрятала лицо в ладонях и громко застонала. Я думал, она разрыдается, но недаром выдержкой своей она превосходит всех нас. Взяв себя в руки, она почти твердым голосом принялась рассказывать:

– Здесь побывала Жужанна. Это было днем.

Я сильно устала, и, как я ни противилась, меня клонило в сон. Я уснула и сразу увидела во сне глаза Жужанны: огром-

ные, карие, с золотистыми искрами, будто в них добавили немного солнца. Я чувствовала, что это не просто сон. Жужанна пыталась проникнуть в наш дом, чтобы похитить Стефана. Я силилась проснуться и встать, но не могла – она как будто парализовала меня: мне было не открыть глаз, не закричать.

Слезы помешали ей продолжить. Аркадий хотел обнять маму, но она оттолкнула его, давая понять, что не заслуживает утешения. Отвернувшись от нас, она, всхлипывая, прошептала:

– Это я во всем виновата!

"Нет, – хотелось крикнуть мне, – это целиком моя вина. Если бы я не поддался своему дурацкому эгоизму и вернулся домой к обеду, ничего бы не случилось".

Аркадий опередил нас обоих. С непередаваемой нежностью он коснулся кончиками пальцев маминой щеки и едва слышно произнес:

– Я более, чем кто-либо из вас, заслуживаю осуждения. Мне ли не знать о коварстве сестры? Мог, ведь мог я предположить, что она отважится на этот шаг!

Бледное лицо Аркадия вдруг вспыхнуло от гнева, и нам с мамой стало еще больше не по себе.

– Какой же я был глупец! Убаюкал сам себя: Влад далеко, заперт в Трансильвании, а Жужанна не решится предать собственного брата. А она заблаговременно все продумала и подготовила. Быть может, она гораздо раньше, чем я, узнала

о местонахождении Стефана!

Мама попыталась возразить, но Аркадий не дал ей вставить ни слова.

– Вы ничего не знали, а я предвидел, что так может случиться, только не хотел верить. Будь я осмотрительнее, подручный Влада ни за что не разыскал бы мое пристанище. Вчера я чуть не попался в его ловушку. Спасибо моему помощнику: все ограничилось тем, что я потерял время. Но и этого оказалось достаточно. Влад и Жужанна переиграли меня!

Аркадий вдруг резко повернулся к нам с Гердой, погружившейся в оцепенение. Мы оба сидели на полу. Глаза ее были закрыты, голова склонилась мне на плечо.

– Ваша жена должна все помнить, ведь похищение явно происходило при ней. Надо спросить у нее.

– Вы же видите, что она в кататоническом ступоре, – возразил я.

Я гладил Герду по волосам, как будто этим можно было исцелить возвратившееся безумие. Слова "кататонический ступор" ударили мне в сердце. Прежде я считал, что Герда потеряна для меня лишь на время, что я вновь сумею завоевать ее любовь и она забудет о чувстве, которое питала к Стефану. Теперь мне стало ясно: Герда потеряна не только для меня, но для всех нас.

– Значит, это с нею не впервые? – уточнил Аркадий.

– Похожее случалось и раньше. Она замыкалась и ни с кем

не разговаривала. Иногда по нескольку дней.

– Со мной она будет говорить, – пообещал Аркадий.

Он присел перед нами с Гердой на корточки и осторожно протянул к моей жене руку ладонью вверх, словно перед ним был не человек, а дикий зверек. Герда, словно ощутив его приближение, распахнула глаза и тут же, съежившись, попыталась отползти назад. Когда рука Аркадия слегка коснулась ее, моя жена вздрогнула, как от электрического разряда. Ее затрясло.

Нежный, мелодичный, успокаивающий голос Аркадия был прекраснее всех самых красивых мужских и женских голосов, какие мне доводилось слышать.

– Герда, я не причиню вам ни малейшего вреда. Но я в точности должен знать, что здесь произошло. Ради спасения Стефана, расскажите мне.

Жена подняла на Аркадия полные ужаса глаза, но едва они встретились взглядами, как она сразу же перестала дрожать. К моему изумлению, Герда смотрела на него не отрываясь, потом сомкнула веки и глуховатым, сонным голосом погруженного в транс человека произнесла:

– Она была здесь.

– Кто? – резко спросил Аркадий. – Женщина, похожая на меня?

– Да... – подтвердила моя жена. – Она пришла днем. Брама дома не было, а мама и Стефан спали. Мы с малышом находились в кухне, где я готовила обед. Тогда она и позво-

нила в дверь.

– И вы ей сразу же открыли?

– Нет. Я вообще не хотела подходить к двери, поскольку Брам велел мне никому не открывать, особенно после вчерашнего... Вчера какой-то мужчина, переодевшись женщиной, пришел, стал жаловаться на боль в горле, а потом похитил Стефана.

– Значит, вы ей не открыли? – продолжал допытываться Аркадий. – Вы так и оставались на кухне?

– Сначала да. Но она стояла на крыльце и продолжала звонить. Тогда я подошла к двери и спросила, что ей надо. Она хотела видеть доктора Стефана Ван-Хельсинга и объяснила, что в больнице ей посоветовали обратиться именно к нему. Я ей ответила, что сегодня он не принимает.

"Какая досада", – сказала женщина.

– Она очень огорчилась. У нее было такое красивое лицо и она была с таким вкусом одета. Мне... мне почему-то стало ее жаль.

– А раньше вам не приходилось отказывать пациентам? – снова спросил Аркадий. – Говорить им, что приема не будет?

– Приходилось... но с ней все было как-то не так.

– Она требовала впустить ее в дом? Как она оказалась внутри? Прошла сквозь стену?

– Она ничего не требовала. Она...

Герда замолчала.

– Герда, мне нужно знать абсолютно все об этой женщи-

не, – мягко, но настойчиво произнес Аркадий. – Я вас ни в чем не упрекаю. Скажите, она вам угрожала?

– Нет. Она повернулась и собралась уйти, а мне... мне очень понравился ее наряд. Я захотела получше его рассмотреть и открыла дверь. Женщина увидела нашего малыша и спросила:

"А это ваш ребенок?"

В ее голосе было столько тоски, что я даже не сразу смогла ответить. И еще я забыла про ее чудесный туалет и просто любовалась ею. Мне хотелось стоять и смотреть на нее. А потом я вспомнила, что она ждет ответа, и пробормотала:

"Да, это наш ангелочек. Только сейчас он не в ангельском настроении, поскольку устал и хочет спать".

Ян и в самом деле хотел спать и начал хныкать. Тогда я взяла его на руки и стала успокаивать. Но когда малыш увидел эту красавицу, он сразу же замолчал и только, не отрываясь, глядел на нее. И глазенки у него становились все больше и больше.

"Какой замечательный малютка! – воскликнула женщина и ласково улыbnулась. – Просто очарование! Это сын доктора Стефана?"

"Нет, – покачала я головой, – это его племянник, сын его брата Абрахама".

"Какое счастье, что у вас есть крепкий и здоровый малыш", – вздохнула женщина.

Она снова повернулась, чтобы уйти. Лицо ее стало со-

всем печальным. Кажется, я даже видела слезы. Мне тоже стало грустно, что сейчас она уйдет и я ее больше не увижу. Чтобы ее задержать, я спросила, почему ей посоветовали пойти к доктору Стефану. Она повернулась. Наверное, это невозможно, но она еще больше похорошела. Женщина очень внимательно на меня посмотрела и вздохнула:

"Все мои попытки стать матерью кончались неудачно. Я побывала у многих врачей, и все напрасно. Вот я и пришла сюда в надежде: вдруг ваш деверь сотворит чудо?"

Герда замолчала. Аркадий больше не задавал ей вопросов, а терпеливо ждал, когда она заговорит снова.

– Меня очень тронули ее слова. Я подумала о безжалостности судьбы: такая красивая женщина – и лишена материнского счастья. В тот момент я была готова выполнить любую ее просьбу, даже в ущерб себе и ребенку. Но она всего лишь спросила:

"Можно мне войти?"

Я распахнула дверь, и она вошла. Женщина сразу повеселела, и на ее губах опять появилась улыбка. Я была на вершине блаженства, радуясь одному ее присутствию. Каждую секунду я хотела видеть ее и поворачивалась к ней, как цветок к солнцу. Потом она попросила:

"Можно мне подержать вашего малыша?"

Я не возражала. Меня удивило, как потянулся к ней Ян, ведь он у нас неохотно шел на руки даже к знакомым, а здесь – совершенно чужая женщина.

Я не отваживался поднять глаза на маму. Это счастье, что Герда находилась сейчас в трансе и не слышала своих слов – они бы разорвали ей сердце.

– Она взяла Яна. Я находилась в каком-то полусне и с наслаждением смотрела, как она качает, гладит и целует моего малыша. Она целовала его губки, щечки, лобик, но в моей душе не мелькнуло и тени тревоги. Потом она наклонилась к его шейке и провела губами по нежной коже сынишки. Я завидовала малышу и даже ревновала, что ему достается столько внимания, и мечтала, чтобы ее губы коснулись моих, чтобы она с такой же нежностью провела ими по моей коже. Я уже была готова потребовать этого от нее, но мне было так невыразимо хорошо, что не хотелось ни двигаться, ни говорить. А она качала ребенка и что-то напевала ему. Глаза Яна осоловели. Я и не заметила, как малыш уже крепко спал.

Она положила Яна на кухонный стол и повернулась ко мне. Я глядела на нее, боясь и желая ее ласк. Она обняла меня за талию. Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги. Я таяла... ну совсем как тогда, от поцелуя Стефана. Вскоре я уже лежала на полу. Она опустилась передо мной на колени. Я сразу вспомнила, как в детстве вот так же становилась на коврик возле кровати, чтобы помолиться перед сном. Она наклонилась к самому моему уху и шепнула:

"Он еще такой малютка. Я не решаюсь его тронуть, хотя очень голодна! Как же я пойду к Стефану..."

Говоря это, она расстегнула воротник моей кофточки и

нежно погладила шею. Ее рука была совсем холодной, как будто перед тем она подержала в ладони льдинку. Потом она коснулась моей шеи губами... вот тут, чуть выше ключицы. Я страшилась и в то же время ждала ее поцелуя. Она раскрыла рот и медленно провела языком по моей коже.

А потом... потом вдруг стало очень больно. Я почувствовала, как кожу в двух местах проткнули чем-то острым. Боль была странная: холодная и пульсирующая. Я тихо вскрикнула и попыталась вырваться, но она держала меня очень крепко. И тут меня окутало дурманящим теплом. Я затихла. Боль сменилась наслаждением. Оно нарастало и все больше напоминало любовный экстаз. Я куда-то уплывала... прочь от своего тела. Я желала только одного: чтобы это блаженство никогда не кончалось.

Должно быть, Аркадий каким-то образом загипнотизировал и нас с мамой. У меня даже сейчас при воспоминании об этой сцене по телу пробегают мурашки. А тогда я спокойно сидел и слушал кошмарную исповедь моей потерявшей рассудок жены.

– Я услышала ее шепот:

"Что же мне с тобой делать? Перенести через бездонную пропасть?"

Я понимала, что она говорит о моей смерти. Я хотела умереть. Жаждала смерти, как жаждут удовлетворения любовной страсти. Нет, даже сильнее. Но она не захотела подарить мне смерть. Я помню ее смех: звонкий, переливчатый.

"Нет, ты не умрешь. Ты будешь гораздо полезнее в качестве моих глаз и ушей в этом доме".

Я провалилась в крошечную тьму, а когда очнулась, то с ужасом поняла, что осталась в этом мире.

Я снова закрыла глаза. Не помню, как мы с Яном из кухни попали в нашу спальню. Просто я вдруг увидела, что лежу на полу возле нашей постели и смотрю на нас со Стефаном со стороны, словно бы мне удалось выйти из собственного тела. Ян тихо спал в своей кровати... может, и не спал, а был околдован *ею*.

Я понимала, что там, со Стефаном, находится другая женщина, прекрасная незнакомка, которую я днем впустила в наш дом и которая сейчас зачем-то приняла мой облик. Стоило мне повнимательнее приглядеться, и под "моим" лицом я видела ее черты. А Стефан даже не подозревал о моем присутствии, вернее, он считал, что это я нахожусь рядом с ним и между нами происходит ожесточенный спор. Я не могла ни крикнуть, ни как-то иначе привлечь его внимание. Мне оставалось лишь смотреть на них.

Стефан и эта женщина стояли возле постели, нежно держась за руки. Его глаза были полны любви, предназначавшейся не ей, а мне. Он говорил ей, что уезжает навсегда, поскольку хочет отвести беду от своих близких.

Незнакомка отвечала ему так, как ответила бы я, – что не понимает, почему опасность, какой бы серьезной она ни была, должна их разлучить. Женщина заплакала, а Стефан –

он такой добрый, такой мягкосердечный...

Герда произнесла эти слова с печальной улыбкой. Они, словно отравленные стрелы, вонзились мне прямо в сердце. Я отвернулся, чтобы не встречаться глазами ни с мамой, ни с Аркадием.

– Он не выдержал ее слез и тоже заплакал. Она умоляла взять ее с собой, но он противился, поскольку не хотел, чтобы ее жизнь оказалась под угрозой. И еще он говорил, что не смеет разлучать ее с мужем и сыном. Оказывается, вначале Стефан хотел незаметно исчезнуть, не оставив даже записки. Но тогда все опять могли бы подумать, будто его похитили, и начать поиски, а этого следовало избежать любой ценой. Поэтому он написал письмо, адресованное всем нам, но не смог покинуть дом, не попрощавшись с нею... со мной.

Мне подумалось: вдруг от угрызений совести я сошла с ума и, непостижимым образом покинув свое тело, теперь смотрю на себя со стороны? Передо мной разыгрывалась пьеса, где я была и актрисой, и зрительницей... Нет, не совсем так. Мою роль отдали другой актрисе. Она говорила, что не позволит ему просто так уйти. Она обнимала Стефана, осыпала его мольбами и поцелуями. Он пытался вырваться, говоря, что однажды допустил ошибку, которой больше не повторит. Но та женщина вела себя очень упрямо и решительно. Наконец Стефан стал отвечать на ее поцелуй и не заметил, как она оказалась в его объятиях.

На моих глазах они опустились на постель, а я не могла ни

помешать ей, ни даже отвести взгляд. Что ж, постыдно обманывая своего доброго, заботливого мужа, я заслужила такую участь. Это были самые тягостные минуты в моей жизни: молча смотреть на то, как Стефан и другая женщина слились в страстном поцелуе. Его прощальные слова, прощальные ласки достались не мне, а ей. Она заворожила Стефана, и он не видел, кто на самом деле лежит рядом с ним.

Пытка продолжалась. Стефан раздевал новоявленную "Герду", словно невесту в первую брачную ночь. Он шептал ей, что она еще никогда не была так прекрасна. "Герда" улыбалась и расстегивала на нем одежду. Кожа этой женщины странно сияла в сумерках. Их тела переплелись. Страсть, переполнявшая Стефана, была горячей, настоящей, как в тот вечер, когда мы с ним...

Я закрыл глаза. Умом я все понимал: Аркадию важна каждая мелочь, но выслушивать столь откровенные признания из уст своей жены, да еще в присутствии матери и чужого человека...

– Я чувствовала нарастающее желание Стефана, как будто это я лежала в его объятиях. Он застонал, достигнув пика блаженства, и тут же закричал от ужаса. Женщина сбросила маску и показала свое настоящее лицо. Она была поистине прекрасна, но он почувствовал холод и зло, исходившее от нее.

Стефан пробовал вырваться, но она крепко обвила его руками и ногами. Я с удивлением обнаружила, что она гораздо

сильнее Стефана. Но дело было не только в физическом превосходстве: она удерживала моего несчастного возлюбленного силой взгляда. Постепенно его сопротивление ослабело. Стефан замер, зачарованно глядя на незнакомку. Вскоре он оказался в том же состоянии, что и мы с малышом. Потом женщина выскочила из постели и сказала ему:

"Пора, Стефан! Вставай и одевайся".

Стефан повиновался ей, как лунатик. Сама она собралась с головокружительной быстротой: передо мной мелькнула серебристая пелена, а в следующее мгновение женщина уже стояла полностью одетой. Потом она наклонилась над кроватью и извлекла оттуда спящего малыша.

"Идем", – велела она Стефану.

Я оцепенела от ужаса, но это все, на что я была способна. Тело и голос по-прежнему не подчинялись мне. Я лежала на холодном полу. Стефан, мой Стефан прошел мимо меня и даже не заметил. Она похитила их обоих: Стефана и моего сына.

Герда сжала голову руками и вновь застонала.

До недавнего времени я никогда не видел маму плачущей, а сейчас она горько рыдала в объятиях незнакомца, шепчущего ей слова утешения. Я понимал, каково ей потерять единственного внука. Но если я начну думать, каково мне потерять единственного сына... Нет, я не имел права предаваться отчаянию и пытаться облегчить его стонами и всхлипываниями, ибо отчетливо сознавал, что никакие слезы и

причитания не помогут сейчас маленькому Яну.

Заметив, что я смотрю на нее, мама перестала плакать и отстранилась от Аркадия.

– К сожалению, я не могу вернуть вашей жене разум. – Он поднял на меня полный сочувствия взгляд.

– Нужно немедленно заявить в полицию. – Я обращался не столько к нему, сколько к маме. – Я пойду туда немедленно.

– Нет! – крикнула мама. – Брам, ну как мне заставить тебя прислушаться к моим словам? Вчера ты был в полиции, и там тебе ничем не помогли. Зато этот человек, – она указала на Аркадия, – однажды уже спас Стефана. Я уверена: Аркадий вернет их обоих.

Тот, о ком говорила мама, встал и приблизился ко мне. Нас разделяло не более фута. Черный плащ еще сильнее подчеркивал неестественную бледность его кожи.

– Ваша мать рассказала вам всю правду, однако это вас не убедило. А мне необходимо, чтобы вы не сомневались в истинности того, о чем узнали, а потому испытывали ко мне полное доверие.

– Не много ли вы от меня хотите, господин Аркадий? – осведомился я. Сейчас мне было не до учтивости. – С какой стати я обязан вам доверять?

Аркадий молча сбросил на кровать плащ, затем жилетку, оставшись в одной рубашке. Он вновь повернулся ко мне и попросил:

– Доктор Ван-Хельсинг, не будете ли вы столь любезны прослушать мое сердце?

– Вы не могли выбрать еще менее подходящее для медицинского осмотра время? – проговорил я срывающимся от горя и гнева голосом. – Мы должны разыскать эту женщину и ее возможных сообщников, пока они...

Конец фразы повис в воздухе – своим взглядом Аркадий заставил меня умолкнуть. В его холодных глазах помимо решимости я увидел искреннее сопереживание нашему горю.

– Я ведь тоже отец, – тихо произнес Аркадий. – Я знаю, каково терять близких, поскольку сам потерял отца, брата и сына. Я понимаю всю глубину вашего отчаяния. Обещаю вам: мы найдем Яна и Стефана. Но для этого мне крайне необходима ваша помощь.

– Нет! – вдруг перебила его мама. Мы оба повернулись к ней. – Не трогай Брама, Аркадий! У меня уже и так один сын в беде. Я не хочу потерять второго!

Мамина порывистость не поколебала спокойствия Аркадия:

– Ты предлагаешь оставить Брама здесь, рядом с Гердой, которая теперь стала невольной шпионкой Влада? Пойми, Мери, опасность будет подстерегать вас везде и всюду. Мне страшно оставлять тебя и эту бедняжку без должной защиты. Но Брам моложе и если не духом, то телом все же сильнее, чем ты. Я надеюсь, что он будет надежным помощником.

Мама ничего не ответила. Я еще никогда не видел ее такой

растерянной и надломленной. Аркадий понимающе вздохнул.

– Я сделаю все, что в моих силах, но без доверия Брама я едва ли сумею справиться.

Он опять подошел ко мне.

– Доктор Ван-Хельсинг, как врач, вы не можете игнорировать факты. Вас удивила моя просьба, но я все равно прошу вас прослушать мое сердце.

Мое состояние было близко к истерике, однако что-то в интонациях Аркадия убедило меня выполнить его странную просьбу. Удивляясь себе, я приложил ухо к его груди... С таким же успехом я мог бы прослушивать сердце у статуи или трупа.

Я в изумлении поднял на него глаза, затем прижал указательный и средний пальцы к его сонной артерии. Пульс не прощупывался, а его кожа была не теплее, чем у скончавшейся Лилли.

Я растерянно опустил руку.

– Вам нужны еще доказательства? – тихо, без оттенка иронии спросил Аркадий. – Может, мне немного полетать? Это вы уже видели. Помните лицо за окном? Хотите, исчезну у вас на глазах? Или превращусь в туман?

– Нет, – сокрушенно ответил я. – Это излишне.

Я не знаю, как назвать состояние, в которое я погрузился. Беды сыпались на меня со всех сторон. Похищение сына и измена жены – этого было достаточно, чтобы сломать

мне жизнь. Но сейчас я думал не об этом. Каким странным, непостижимым образом отдельные трагедии сливались в одно целое, и как плотно переплетались в нем реальность и... Я не мог подыскать подходящего слова, чтобы обозначить им услышанное от Стефана, прочитанное в мамином дневнике и то, что обнаружил в результате обследования Аркадия. Или все мы без исключения сошли с ума? Что-то не позволяло мне ухватиться за спасительную мысль о коллективном помешательстве. Оставалось единственное, чего мне совсем не хотелось, – поверить Аркадию.

Я опустил рядом с Гердой на пол, а тем временем Аркадий давал нам с мамой странные наставления. Он рассказал, как мы должны себя вести, чтобы уберечься от, как он ее назвал, "угрозы из запредельного мира". Аркадий обещал, что мы обязательно разыщем Стефана, как только узнаем, в каком направлении его увезли. Он снова повторил, что сейчас Стефан спит. Нам нужно терпеливо ждать, и будет лучше, если мы тоже отдохнем.

Аркадий взял с мамы клятвенное обещание, что она останется в Амстердаме с Гердой и не будет даже пытаться отправиться вместе с нами, иначе она сделает хуже и Стефану, и всем нам. К тому же моя бедная жена должна быть постоянно под присмотром.

– Вместе с тобой должна ехать я! – заявила мама. – Помимо того что Брам будет лучше ухаживать за Гердой, ему просто не понять, насколько опасен Влад, ведь он в отличие

от меня не видел это чудовище.

– Об этом мы поговорим позже, – только и ответил ей Аркадий. – А сейчас всем вам надо отдохнуть.

Видя, что Аркадия не переупрямить, мама замолчала. Когда он ушел, я отвел и ее, и несчастную Герду вниз, в гостиную. Там я растопил камин и постелил Герде на диване, а маме на полу. Мама сразу же легла. Герду опять начало трясти. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, в которых не было ничего, кроме ужаса. Пришлось дать ей настойку опиума, которую она послушно выпила. Мама от снотворного отказалась и добавила, что предпочитает не очень хорошо отдохнуть, нежели иметь потом затуманенную лекарством голову. Я уселся в папино кресло. Интересно, как бы он отреагировал на череду кошмарных событий, обрушившихся на его семью?

Вскоре Герда уснула. Мама лежала с закрытыми глазами. Я тихо встал и пошел на кухню, чтобы заварить себе кофе. Я знал, что не засну ни в эту ночь, ни в последующие. Слишком много пищи для размышлений. В несколько глотков выпив обжигающую жидкость, я сжал ладонями виски и погрузился в раздумья. Так прошел час, может, больше. В какой-то момент я почувствовал чужое присутствие и, подняв голову, увидел Аркадия, неподвижно сидящего напротив.

– Простите, если помешал вам, – проговорил он, не обращая внимания на мой ошеломленный взгляд. – Мне нужно было поговорить с вами наедине. Надеюсь, ваша мама нас от-

сюда не услышит. Я с самого начала знал, куда повезут Стефана и малыша. Я могу отправиться туда и попытаться освободить их, но, даже если у меня все получится, это ничего не даст – Влад снова выследит вашего брата. Пока Стефан жив, над ним постоянно будет висеть эта угроза.

– И что же нам делать? – спросил я.

– Нужно уничтожить Влада. – Аркадий выразительно посмотрел на меня. – Ни Влад, ни я не можем причинить друг другу вреда, отправить нас в преисподнюю под силу лишь живому человеку. Он должен быть мужественным и решительным и думать не о вознаграждении, а от всей души стремиться избавить мир от нечисти. Я долго искал такого человека, но так и не сумел найти.

– Так вы хотите, чтобы я для этого отправился вместе с вами? Чтобы помог расправиться с этой... Жужанной и с самим Владом?

– Да. Я знаю характер Мери. Она ни за что не отпустит вас со мной. Не удивляйтесь, она действительно задумала ехать. К сожалению, она переоценивает свои возможности. Нам не остается иного, как прибегнуть к спасительному обману.

Даже в эту минуту, говоря с Аркадием, я сомневался, так ли уж могущественны Жужанна и Влад и действительно ли они являются угрозой для всего человечества. Я не принадлежу к искателям приключений, и перспектива ехать в какую-то глушь, чтобы уничтожить этих чудовищ, меня совсем не вдохновляла. Но меня волновала участь моего малыша и

Стефана, и потому я без колебаний сказал:

– Хорошо, я поеду вместе с вами. Когда мы отправимся?

– Прямо сейчас, – ответил Аркадий.

* * *

Все это я пишу, сидя в купе поезда. Время от времени я посматриваю в окно и вижу берег Рейна, вдоль которого мы едем. Вода в реке темная и довольно мутная от бесконечных осенних дождей. Уже давно наступил день, но я нахожусь в одиночестве, поскольку Аркадий, едва начало светать, ушел в свое купе и велел не беспокоить его до вечера.

Я подробно описал вчерашние события, но мне до сих пор трудно поверить в то, что они произошли на самом деле. Наоборот, чем ярче разгорается день, тем все более дикими и безумными кажутся мне они. Но я должен чем-то занять себя, иначе беспокойство за судьбу сына попросту выжжет мне душу.

Жаль, что я не могу сойти с ума, – безумие подарило бы мне покой. Но у меня слишком здравый рассудок.

Моя прежняя жизнь разбилась вдребезги. Герда от всего случившегося вновь стала такой, как четыре года назад, когда ее поместили в больницу. Но, боюсь, теперь мне уже не вывести ее из ступора.

В считанные дни я потерял отца, брата, жену и сына.

Купе заливают солнечный свет, и, глядя на его теплые, жи-

вые лучи, я уже больше не сомневаюсь в том, что совершенно определенно сошел с ума. Отныне меня окружает иллюзорный мир, в котором, не стихая, идет грандиозная битва добра со злом и в котором не только я сам, но и мои близкие подвергаются смертельной опасности.

И этот иллюзорный мир полностью заменил собою реальность, теперь я вынужден подчиняться его законам, иначе меня ждут новые страдания. В его недрах сгинули мои сын и брат, а это уже никак не назовешь иллюзией.

Господи, в которого я не верю, помоги мне!

Глава 8

ДНЕВНИК МЕРИ ЦЕПЕШ-ВАН-ХЕЛЬСИНГ

22 ноября 1871 года

Вот она – расплата за все годы, когда я скрывала правду от своих сыновей. Бедный мой Стефан, тебя вновь похитили, а я не в состоянии что-либо сделать. Любое зло, причиненное тебе, ляжет на мои плечи тяжким грузом, который я буду нести до самой могилы.

И ты, Брам, прости меня! Я хотела лишь одного – спасти тебя, а вышло так, что по моей вине и ты все потерял...

Но я признаю свою вину не только перед сыновьями. Я виновата и перед тобой, мой дорогой Аркадий. Не сделай я тогда рокового выстрела (я думала, что ты отправишься на небеса), с тобой не произошло бы страшного превращения и ты не провел бы последние двадцать шесть лет в этом ужасающем чистилище.

Я думала, что больше не увижу Аркадия сегодня, но он вновь появился в гостиной, где Брам устроил нас с Гердой на ночлег. Настойка опия подействовала на бедняжку, и она крепко заснула, свернувшись калачиком на диване. Я выбрала место на полу поближе к камину. Возможно, от его тепла меня разморило. Уснуть я не смогла, но впала в тревожное забытие.

Холодные пальцы коснулись моих губ, и я сразу же оч-

нулась. Первой мыслью было: "Неужели Влад пробрался в наш дом?" Нет, я смотрела в знакомые карие глаза, имеющие лишь легкий зеленоватый оттенок. Аркадий.

– Тс-с, – прошептал он, глядя меня по волосам.

Я успокоилась и села на постели, однако мой мозг пронзила новая тревожная мысль: где Брам?

– Ему никак не уснуть, – сказал по-английски Аркадий, почувствовав мою тревогу. – Он сейчас на кухне. А я ждал, когда смогу остаться с тобой наедине.

Я повернулась в сторону кухни: и в самом деле, из-под двери выбивалась полоска света. Аркадий взял мою руку и прижал к своей груди. Кажется, мне удалось научиться не вздрагивать от его прикосновений.

– Мери, дорогая моя... Я пришел попрощаться, ибо это наша последняя встреча.

– Нет, нам еще обязательно предстоит увидеться, – прошептала я.

У меня забило сердце. Вид Аркадия пугал меня, и я сразу вспоминала о множестве людей, погубленных им. Их кровь навсегда осталась на его губах. И в то же время он по-прежнему был моим любимым мужем, молодым и красивым, чудесным образом вернувшимся ко мне через столько лет.

– Нам предстоит увидеться, – повторила я. – Когда ты привезешь сюда Стефана...

Аркадий не отвел глаз. По его лицу скользили оранжевые отблески пламени.

– Стефан вернется сам, когда Влад и я будем уничтожены. Я тебе это обещаю. – Он болезненно поморщился. – Прости меня, Мери. Я веду себя как последний эгоист. Я не имел права нарушать твой сон и снова вторгаться в твою жизнь. Ты и твои близкие и так достаточно пострадали, чтобы теперь лишний раз навязывать тебе свое общество. Но я не мог уйти, не повидавшись с тобой.

Он печально улыбнулся и провел рукой по моей щеке.

– Один взгляд – и я без страха и сожаления уйду в вечность.

Вечность в аду. Подумав так, я не смогла сдержать стона. Герда даже не шевельнулась.

Мне не привыкать к потрясениям. Первое из них, разбившее мое сердце, я испытала двадцать шесть лет назад. Время залечило душевные раны, и выпавшие на мою долю страдания только закалили характер. Я была уверена, что уже больше никогда мне не придется собирать осколки собственного сердца. Но сейчас, глядя на Аркадия и зная, что он уходит навсегда, не только за пределы жизни, а и за пределы смерти, я почувствовала, как оно вновь рвется на куски.

Я потянулась к Аркадию – не к вампиру, пьющему кровь, но к человеку, которого знала и которого любила до сих пор. Я сняла с него плащ, жилетку, расстегнула тугой крахмальный воротничок и пуговицы рубашки. Мои губы нашли на его мерцающей шее впадинку чуть повыше ключицы. Я целовала эту впадинку, которую однажды осквернили зубы от-

вратительного чудовища, мучаясь оттого, что не могу ни повернуть время вспять, ни исправить последствия того злодейского укуса. Выход был лишь один – фатальный для Аркадия.

Я прижалась щекой к его груди. Холодное тело (каким теплым оно было когда-то!) и молчащее сердце уже не пугали и не вызывали отвращения. Ощутив на себе его взгляд, я подняла голову. В глазах Аркадия блестели слезы, прозрачные, как хрусталь.

Мы не сказали друг другу ни слова. Нас переполняли чувства, однако наши ласки и поцелуи не сопровождались нежным воркованием. Не знаю, согрешила ли я и предадут ли меня проклятию за любовную страсть к вампиру.

В те минуты он не был для меня вампиром, существом, чья душа обречена на скитания между землей и небесами. Он был моим Аркадием, живым, страстным и щедрым в любви. А я – его молодой женой, у которой еще нет седых волос, а гибкое тело не одряхлело. Годы и беды растворились, как призрачный сон. Мы были одни.

Я лежала с ним на полу, возле очага, позабыв про Герду, Брама и про все на свете. В эти минуты для меня существовало только его холодное тело, слившееся с моим. Мое сердце замирало от любви и разрывалось от страдания. Теперь я знала, каким адом была жизнь (правильнее написать, прозябание) Аркадия все эти двадцать шесть лет. Став вампиром, он сохранил способность любить душой и телом. Бессмер-

тие не освободило его от плотских желаний и не избавило от мук одиночества. Все годы, когда я считала, что его душа счастливо и безмятежно парит в райских кущах, Аркадий, как и я, страдал от нашей разлуки. Только его страдания были горше моих.

Наше любовное слияние – молчаливое, пронизанное отчаянием... Мы с неистовством обнимали друг друга, словно каждое из этих мгновений можно было остановить, спасти от неумолимого времени. Яркая вспышка давно забытого наслаждения, и мир стал погружаться в темноту. Я засыпала, как когда-то, полная любовного изнеможения. Нет, я погружалась не в темноту, а в океан его глаз.

В океан его глаз...

Я проснулась в пустом доме. Пустом, хотя Герда лежит рядом. Ее глаза бездумно блуждают по потолку, а душа – в каких-то неведомых далях.

Аркадий исчез и увел с собой Брама. Любовь моя! Твоя страсть была настоящей, но ты намеренно окутал меня ею и усыпил. Ты обманул меня... а я тебя.

За этот обман придется платить, и не только нам с тобой.

Глава 9

ДНЕВНИК СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

23 ноября 1871 года

Меня разбудило мерное покачивание и чарующие звуки колыбельной песни. Может, я опять стал маленьким, и мама, напевая, качает меня на коленях, сидя в своем любимом кресле?

Я открыл глаза. Тусклый свет говорил о том, что скоро наступит вечер. Напротив меня сидела удивительно красивая женщина. Ее кожа была молочно-белого цвета, темные волосы отливали странной, мерцающей синевой. Она качала ребенка, завернутого в одеяло. Мадонна, настоящая мадонна. Сама она была одета в облегающее бархатное платье ярко-ультрамаринового цвета с атласным лифом, обшитым жемчугом и имеющим весьма смелый вырез. На голове у женщины красовалась бархатная шляпка с вуалью, которая не помешала мне разглядеть совершенные черты ее лица: крупные, выразительные глаза с длинными черными ресницами, изогнутые брови. А губы! Алые, чувственные...

Мне сразу же захотелось оказаться на месте ребенка, которого она нежно прижимала к своей груди. Как зачарованный я слушал ее мелодичный голос. Она пела на незнакомом языке. Вначале он показался мне итальянским, однако, прислушавшись, я различил в нем шипящие звуки явно славян-

ского происхождения.

Я спустил ноги на пол и сел. Мы находились в роскошном двухместном купе первого класса. Пейзаж за окном быстро идущего поезда заметно отличался от голландского с его равнинами, польдерами¹², дамбами, мельницами и непременно морем. Мы ехали сквозь слегка припорошенный снегом хвойный лес, за которым виднелись белые вершины далеких гор.

Мне сделалось страшно. Я сразу же вспомнил события вчерашнего дня. Я уже видел эту женщину, когда лежал с Гердой, внезапно превратившейся в эту оборотисто-прекрасную незнакомку. Герда, милая моя Герда! Что случилось с тобой?

Увидев или почувствовав мое состояние, очаровательная сирена оборвала свою песню и сказала на безупречном немецком языке:

– Добрый вечер, Стефан. Ты хорошо выспался?

– Кто вы? – спросил я, пытаюсь скрыть охвативший меня стыд.

Мой тон был резким, в вопросе слышался упрек, однако женщина засмеялась, словно услышала остроумную шутку.

– Я – твоя тетка Жужанна, – промурлыкала она, разглядывая меня с откровенным сладострастием, от которого мне стало не по себе. – Как жаль, что теперь у тебя вряд ли хва-

¹² Польдеры – участки суши, отвоеванные у моря и защищенные специальными дамбами от затопления морскими водами.

тит духу повторить вчерашние шалости. Но вне зависимости от нашего родства должна тебе сказать, что ты – очень приятный молодой человек.

Я почувствовал, как у меня запылали щеки.

– Куда мы едем? – сердито поинтересовался я, маскируя свое смущение.

– Рада с тобой познакомиться, племянничек. И, дорогой мой, неужели ты думаешь, что я отвечу тебе после жуткого открытия, которое сделала вчера?

– Открытия? – оцепенело повторил я.

– Ты всегда разговариваешь вопросами? Да, мой милый, открытия. Я узнала, что ты связан с моим братом Аркадием. Я очень люблю его, но это дела не меняет. Вчера я увидела на твоём пальце след от пореза и по здравом размышлении решила, что это не просто так. Аркадий привязал тебя к себе. А посему я не собираюсь сообщать твоему отцу, где мы сейчас находимся. Думаю, он и так прекрасно знает, куда мы едем.

– И куда же?

Жужанна улыбнулась, обнажив блестящие острые зубы.

– В далекую страну за лесом.

Ребенок шевельнулся и негромко захныкал. Жужанна погладила его тонкой рукой, затянутой в кружевную перчатку. Я сразу же узнал этот детский голосок и похолодел от ужаса.

– Маленький Ян! Боже милостивый, вы похитили малыша?

Жужанна выразительно поглядела на меня.

– Но ведь это же не твой ребенок, правда?

Я напрягся, чувствуя, что теперь у меня пылают не только щеки, но и все лицо.

– Какая разница? Это ребенок моего брата!

– Успокойся, милый племянничек.

Она вздохнула, потом наклонилась к ребенку и заворковала:

– Ян. Вот, значит, как тебя зовут, мой дорогой малютка Красавец Ян, мой маленький голландский мальчик.

– Почему вы его похитили? Зачем вы причинили такую боль моему брату и его жене?

Кажется, мои вопросы обидели Жужанну.

– Я буду ему лучше родной матери. Моя забота о малютке не сравнится с тем, что он получал от родителей.

В доказательство своих слов Жужанна подняла вуаль и склонилась над малышом, чтобы поцеловать его. Одеяло наполовину скрывало от меня ее лицо, но по характерному движению скул я догадался, каким будет этот "поцелуй". Я вскочил и схватил Яна, намереваясь силой вырвать ребенка из ее рук.

Жужанна оказалась вдвое, если не втрое сильнее меня. Ребенок остался у нее, но одеяло развернулось и упало. Человек, далекий от медицины, сказал бы, что малыш спит. На самом деле Ян находился в критическом состоянии. Его круглое личико было землистого цвета, пухлые ангельские

губки приобрели синюшно-серый оттенок. Вокруг закрытых глаз залегли глубокие тени. Дыхание малыша было частым и неглубоким.

Он умирал.

Страшное зрелище заставило меня позабыть про рыцарское отношение к женщине. Собрав все силы, я вновь попытался вырвать у Жужанны ребенка. Разгоряченный гневом и стремлением спасти малыша, я без колебаний ударил ее кулаком по голове.

Думаю, такой удар повалил бы с ног и крепкого мужчину. Мне же удалось лишь сбить ее шляпку, отчего черные кудри Жужанны рассыпались по ее плечам и груди.

Она даже не шелохнулась. Мой удар не причинил ей ни малейшей боли, зато страшно разъярил ее. Жужанна встала. Ребенок повис у нее на руке, словно полотенце или салфетка. Она зарычала: дико, по-звериному. Лицо, еще мгновение назад такое прекрасное, превратилось в маску Медузы¹³. Рот оскалился, а золотистые искорки в карих глазах превратились в гневное зарево.

Жужанна ответила молниеносным ударом. Меня отбросило назад, и я, стукнувшись о стенку купе, сполз на пол. У меня перехватило дыхание. Опершись локтями на мягкое сиденье, я хватал ртом воздух. На моих глазах Жужанна вернула себе облик умопомрачительно прекрасной женщины.

¹³ Медуза – в греческой мифологии одна из трех горгон – крылатых женщин со змеями вместо волос. Их взгляд обращал все живое в камень.

Она, ласково улыбаясь полуживому ребенку, осторожно убирала волосы с его бледного лобика.

– Дитя мое, да разве я могу сделать тебе больной? Ни за что. Я тебя только... поцелую, сладко-пресладко, и ты навсегда останешься моим малюткой.

Она подняла ребенка повыше и припала к его шее.

Кое-как справившись с дыханием, я вновь ринулся на Жужанну. И опять ее изящная рука ударила меня с невероятной силой. Женщина даже не повернулась в мою сторону. Ее второй удар, вновь отбросивший меня на стенку, был еще мощнее первого и сопровождался громким треском. Возможно, что-то надломилось в деревянной перегородке между купе, а может, я слышал треск собственного черепа.

Я повалился на пол. Перед глазами замелькали разноцветные круги. На какое-то время я даже потерял сознание. Когда я пришел в себя, несчастный малыш тряпичной куклой лежал на руках у Жужанны, а она, припав к его шее, высасывала из него остатки крови. Я видел, как одна ярко-красная капелька, сорвавшись с ее губ, упала на грудь и скатилась в вырез платья.

Бедный Ян бился в предсмертных судорогах. Его мучительница, придерживая головку малыша, глядела ему в лицо с кровожадной улыбкой.

– Вот и все, мой дорогой, – нежнейшим голосом ворковала она. – А теперь спи, моя крошка. Спи, и когда проснешься, твоя новая мамочка позаботится, чтобы у тебя было все,

что ты только пожелаешь.

Жужанна завернула мертвого ребенка в одеяло и стала качать, как живого, напевая ему колыбельную.

Видеть это было выше моих сил. Я представил, что испытала Герда, обнаружив исчезновение сына. Выдержал ли ее рассудок? А теперь ее малыша убили на моих глазах, а я не смог остановить злодейство...

Я спрятал лицо в ладонях и громко разрыдался.

Почти сразу же я почувствовал ее холодную, легкую, будто перышко, руку у себя на плече. Наверное, Жужанну раздражали мои слезы, и она хотела очередным ударом заставить меня замолчать. Но горе приглушило инстинкт самосохранения, и я даже не пытался защищаться – мне было все равно. Если она собралась меня убить, пусть убивает.

Нет, она не собиралась причинять мне боль. Прикосновение Жужанны оставалось легким, едва ощутимым. И через некоторое время я осознал, что она гладит меня по волосам и шепчет слова утешения. Она меня успокаивала! Я поднял голову. Слезы мешали мне смотреть, но я сумел разглядеть, что мертвый Ян лежит на сиденье, а Жужанна стоит передо мной на коленях. Ее глаза были полны искреннего сострадания.

– Бедный мой Стефан, – произнесла она, вытирая своими холодными пальцами (она так и не сняла перчаток) мои мокрые от слез щеки.

Я чувствовал ее дыхание: сладостное и горькое одновре-

менно, со странным металлическим запахом.

– Я понимаю твои чувства и знаю, как тяжело тебе сейчас. Но не плачь по своему племяннику. Малыш умер легко, находясь на вершине блаженства. Можешь мне поверить, ибо я сама принесла ему эту смерть. Он не чувствовал ни боли, ни страха. Он вскоре проснется и в своей новой жизни никогда не узнает ни того ни другого и будет жить вечно! Я сама позабочусь, чтобы его всегда окружала любовь. Когда-то я была уродливой, обреченной на одиночество женщиной, не смевшей даже мечтать ни о мужской любви, ни о собственных детях. Пожалуйста, не отказывай мне в праве на это счастье.

В ответ я зарыдал еще сильнее. Жужанна обняла меня и стала укачивать, точно маленького. Меня целиком поглотило горе и чувство вины. Сколько я провел в таком состоянии, не знаю.

Постепенно я выплакал все слезы. Я по-прежнему находился в объятиях Жужанны, а моя голова покоилась у нее на груди. Медленно и неохотно я поднял голову. У меня колотилось сердце, но уже не от горя. Меня разжигала красота Жужанны. Вспоминая вчерашние любовные игры с нею, я жаждал повторения. Я впитывал сияние ее соблазнительных, смеющихся глаз и хотел только одного: обнять ее прекрасное холодное тело.

К моему величайшему сожалению, Жужанна лукаво усмехнулась и отстранила меня. Я подумал, что она хочет растянуть удовольствие и потому затеяла эту игру.

– Знаю, Стефан, что сейчас у тебя на уме, – сказала она. – Поверь, ты мне очень нравишься. Но если я поддамся одной страсти, мне будет очень трудно управлять другой. Для этого я недостаточно сыта и могу, забывшись, поцеловать тебя таким поцелуем, которого *он* мне не простит.

Жужанна медленно провела рукой по моей щеке, шее и, остановившись на груди, кокетливо пощекотала меня холодными пальцами.

– Возможно, позже, мой милый. Если же у тебя есть другие желания – естественно, в пределах разумного, – я готова с удовольствием их выполнить.

Я отвел глаза. Мне стало неодолимо стыдно. Как мысли о плотском наслаждении могли возыметь надо мною такую власть? И это сейчас, когда рядом лежит мертвый ребенок, сын горячо любимой Герды и моего брата!

Некоторое время я просидел молча. Я смотрел в окно, разрабатывая планы побега. Все они были обречены на неудачу: Жужанна бдительно следила за мной. Похоже, она вовсе не нуждалась в сне. Она качала труп малыша и вообще обращалась с ним, как с обычным спящим ребенком. Думая, что она не обращает на меня внимания, я попытался убежать из купе и прыгнуть с поезда (навстречу свободе или смерти), но Жужанна с легкостью остановила меня.

Мы с Яном оба – игрушки в ее руках. Вся разница лишь в том, что малыш мертв, а я пока еще жив.

Тогда я потребовал у Жужанны бумагу и карандаш, и мое

желание позабавило ее.

– Наследственная черта, – усмехнулась она. – Твои родители обожали вести дневники.

Однако я получил и то и другое и принялся описывать события минувших суток. Попутно я обдумывал новые возможности бежать. Оказалось, Жужанна все-таки нуждается в отдыхе и спит преимущественно днем. Это меня обрадовало, но по ее репликам я понял, что у нее есть сообщница – смертная женщина, вооруженная револьвером. Скорее всего, когда наступит день, сторожить меня будет она.

Аркадий, где ты? Ведь ты же говорил: "Стоит тебе мысленно позвать меня, и я приду".

Я зову тебя, хотя и не знаю, где сейчас нахожусь. Мне известно лишь, куда мы направляемся – в некую зловещую "страну за лесом". Становится совсем темно. Темнота будит во мне страх, но она же несет и надежду на спасение.

Я смотрю на остывающее тельце Яна, которое заботливо качает его страшная "нянька", и понимаю, что не заслуживаю спасения. Я даже рад, что не могу сообщить Аркадию наше местонахождение. Пусть темнота поглотит меня. Я разрушил семью Брама; вина за гибель их малыша целиком лежит на мне. Конечно, моя смерть не вернет им сына, но хоть в какой-то мере восстановит справедливость.

Глава 10

ДНЕВНИК АРКАДИЯ ДРАКУЛА

23 ноября 1871 года

Яуже не в силах сдерживать голод...

Как же теперь путешествовать? Лишившись своего амстердамского помощника, я потерял возможность питаться, не создавая при этом подобных себе. Я поклялся, что ни при каких обстоятельствах ни одна из моих жертв не превратится в еще одного нового вампира. Мир и так достаточно страдает от моего существования, чтобы наводнять его такими же чудовищами, как я.

Если бы я мог управлять собой, пить кровь понемногу, не лишая своих жертв жизни, если бы точно знал, что нас с Владом ожидает скорый конец... Боюсь, я слишком сильно изголодался и мне просто не хватит самообладания.

Я дошел до такого отчаяния, что уже собирался заговорить об этом с Абрахамом. Я поймал мысли Стефана и узнал о гибели малыша. У меня не хватает духу сообщить отцу о смерти его сына. Если бы Ян действительно погиб! Рано или поздно Брам узнает, в *кого* превратился его ангелочек. Так почему бы не рассказать ему об этом сейчас?

Рано. Пока еще рано.

Я верю Абрахаму, как всегда верил моей любимой Мери. Он во многом похож на нее, причем даже внешне. Конечно,

это лишь совпадение – как и у многих голландцев, у Брама голубые глаза и светлые волосы, хотя и с рыжеватым оттенком. Но их характеры настолько схожи, что невольно возникает мысль, будто Мери – родная мать Абрахама. Должен признаться, она выбрала себе достойного приемного сына. Повторяю, они очень похожи друг на друга своим спокойствием, силой духа, верностью и даже упрямством.

Его сила и решимость очень понадобятся мне, когда мы окажемся в Трансильвании. Но прежде ему нужно очень многому научиться. Ему понадобятся такие знания, которые значительно изменят его нынешнее мировоззрение. Но Брам по-прежнему относится ко мне настороженно и с недоверием.

Проснувшись под вечер, я подошел к двери купе Абрахама. Стенки не являются преградой для моего зрения. Брам сидел и рассеянно глядел в окно. На коленях у него лежал раскрытый блокнот, а сам он в задумчивости тербил рыжеватую бороду. Он не ощущал моего близкого присутствия. Я смотрел на бледный, наморщенный лоб Брама, на его голубые глаза за толстыми стеклами очков и видел такую тревогу за близких, такую любовь к ним, что мое холодное, неподвижное сердце было тронуту. Четверть века я прожил как хищник, и только надежда отомстить Владу и блекнувшие воспоминания о Мери и сыне помогли мне окончательно не утратить человеческий облик. Но жизнь убийцы сделала меня черствым.

Вчера любовь Мери и ее доброта растопили напластования душевного льда. (Я опасался, как бы соприкосновение сомной не причинило ей вред. К счастью, этого не произошло. Я убежден: вопреки тому жуткому и жалкому состоянию, в каком я сейчас пребываю, наше любовное слияние не могло осквернить ее светлую душу. Зато меня оно очистило и возвысило. Спустя двадцать шесть лет я вновь оказался в ее объятиях и ощутил теплую волну нежности, захлестнувшую все мое существо. Теперь я готов к любым ударам судьбы. Дорогая, прости меня, но я был вынужден погрузить тебя в сон. Я не в состоянии спасти одного твоего сына без помощи другого. А ты была полна решимости отправиться вместе с нами. И отправилась бы, не желая верить, что этим ты только помешала бы нам.)

Доброта Брама, словно зеркало, показывает мне, в какое чудовище я превратился. Я видел, как мучительно было ему выслушивать откровения несчастной Герды, да еще в нашем присутствии. Но сочувствие к ее невыносимым страданиям и беспокойство за Стефана заслоняли его собственные переживания. Брам не осудил жену ни словом, ни жестом, а произошедшее между нею и Стефаном он принял как трагическую данность, готовый простить их обоих.

Не открывая двери, я проник в купе и тихо позвал его:

– Доктор Ван-Хельсинг!

Я ожидал, что моевнезапное появление напугает его, однако Брам был слишком погружен в свои переживания да

и измотан физически. У него попросту не осталось сил на испуг. Он медленно оторвал взгляд от окна. Вряд ли созерцание унылого, сумрачного пейзажа приносило ему успокоение. Мыслями Брам был далеко отсюда: в спальне своего амстердамского дома, в который раз слушая рассказ жены о вторжении Жужанны. Понадобилось некоторое время, чтобы он вернулся в реальную действительность. Брам смотрел на меня и молча ждал.

Проклятый голод! Он накинулся на меня сразу же, как только я почувствовал запах Брама. Разум отказывался мне служить. В мозгу назойливо звенела только одна мысль: рядом со мной молодой, здоровый человек, полный свежей и сильной крови. Он слишком подавлен свалившимися на него бедами и утомлен бессонницей, поэтому вряд ли окажет серьезное сопротивление. Мы с ним одни, и никто нас не видит...

Моя слабость была минутной, и усилием воли я сумел ее подавить. Уверен, Брам ее заметил, но в его усталых глазах не появилось даже намека на страх.

Он глубоко вздохнул, будто надеясь вместе с воздухом исторгнуть из себя всю душевную боль, затем сказал:

– Мы сейчас не в той обстановке, чтобы соблюдать формальности, господин Дракул. Зовите меня Абрахам или Брам – так ко мне обращаются дома.

– Абрахам, я говорил вам, что тоже потерял сына и поэтому понимаю, насколько вам сейчас тяжело. Вы можете рас-

считывать на мою поддержку.

Он молча отвернулся к окну. Я продолжал:

– Прежде чем мы доберемся до места назначения, нам нужно кое о чем поговорить. Первое и самое главное: вы должны научиться защищаться от существ, подобных мне. Вы – врач, вы привыкли верить в науку, и поэтому многие способы защиты покажутся вам странными, фантастическими и совершенно нелепыми. Поверьте: когда-то и я был таким же скептиком и, подобно вам, признавал только науку и здравый смысл.

– Просто скажите, что от меня требуется, – буркнул Брам, так и не желая поворачиваться ко мне.

Я рассказал ему обо всем, что знал и чему научился, вначале будучи испуганным смертным человеком, а затем став неумершим и попав в Шоломанчу. Я начал с азов: рассказал о защите, которую дают нательные крестики, потом я перешел к простым способам самопогружения в транс, объяснил, как сосредоточиваться, как удерживать мысли. Дальше я упомянул о необходимости окружать мысленные образы особой защитной сферой, которая служит надежной преградой для противника. Наконец, я растолковал ему, как себя вести, если кто-то будет пытаться погрузить в транс его самого, и как распознавать такие попытки.

Брам ответил, что знаком с теориями Франца Месмера¹⁴,

¹⁴ Франц Месмер (1734 – 1815) – австрийский врач, основоположник теории «животного магнетизма» – особой силы, якобы исходящей от планет. Разрабо-

но они не вызывают у него доверия. По его мнению, они годятся для цирковых фокусников, и не более того. С безапелляционностью современного врача (увы, я не впервые столкнулся с представителем этого племени и уже в который раз поразился свойственному им всем презрительному отношению к тому, что выходит за рамки медицинских теорий) Брам заявил, что неподвластен гипнозу. Я не стал тратить время на пустые споры.

"Абрахам", – не разжимая губ, мысленно позвал я и он послушно повернулся ко мне. Я мгновенно подчинил его своей воле. С возбуждением охотника, знающего, что добыча в его власти, я почти вплотную наклонился к Браму. Его лицо было совершенно изможденным, а зрачки настолько расширились, что их окружала теперь лишь узкая голубая каемка. Его дыхание стало медленным, поверхностным Брам откинулся на спинку мягкого дивана, его руки буквально лежали на сиденье. Он ждал моих повелений.

"Сейчас твоя жизнь и смерть находятся в моих руках", – мысленно произнес я, и это были не пустые слова. Показав ему свою слабость, я допустил серьезнейшую ошибку, ведь я был столь же беспомощен, как и Брам, – меня терзал жуткий голод. Я чувствовал тепло его тела, ловил волшебный аромат его кожи, слышал ритмичное биение сердца и пульсацию крови.

танное на этой основе учение (месмеризм) способствовало формированию научных представлений о гипнозе.

"А теперь, Абрахам, расстегни рубашку".

Это приказание вырвалось, минуя мой разум. Я зачарованно следил, как Брам послушно развязал галстук, затем расстегнул и снял крахмальный воротничок.

Обнажилась его белая кожа, под которой столько крови, ярко-красной свежей крови... Я стал наклоняться к нему: ближе, еще ближе, пока тепло шеи не коснулось моих губ. Доего горла оставалось не больше дюйма.

Меня отвлек резкий гудок паровоза, и это мгновение спасло нас обоих. Я попятился назад и оттолкнул молодого мужчину от себя. Наверное, мой толчок был излишне сильным: Брам ударился об угол и повалился на пол. Очки сползли на нос. В его мозгу не укладывалось то, что произошло и что *могло* произойти.

– Мы поговорим об этом позже, – быстро произнес я и, пока хватало сил, покинул купе.

Вечером! Вечером это непременно случится, если только я не смогу себя сдержать.

* * *

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

23 ноября 1871 года

Становится все темнее и темнее. Мрачнее и мрачнее...

Я спал в своем одноместном купе, зная, что Аркадий ушел и до завтрашнего вечера я его не увижу. Правильнее будет

назвать мой сон дремотой, тяжелой и беспокойной, да и она наступила не сразу. Недавний инцидент с Аркадием меня насторожил. Я и сейчас толком не понимаю, как все произошло. Очевидно, я утратил контроль над своей волей, а потом... потом начались эти странности. Едва ли их можно считать галлюцинациями, вызванными переутомлением. Все было реальным. Даже слишком реальным.

Надо называть вещи своими именами: он едва меня не убил. Да, это так. И если Аркадий подвержен неуправляемым всплескам, каков же тогда Влад? Что ожидает Стефана и моего малыша? Хватит. Я опять измучаю себя мыслями и еще больше буду страдать от вынужденного бездействия.

Продолжаю. Итак, мне удалось заснуть. Не знаю, долго ли длилось это забытие, но в какой-то момент его прервал хриплый стон:

– Абрахам!

Я открыл глаза. Напротив меня, спрятав лицо в ладонях, сидел Аркадий. Он был в неопишемом отчаянии. С меня слетел весь сон. Я сел на постели. Сердце бешено заколотилось. Я не сомневался: он пришел сообщить мне страшную весть о гибели Яна или Стефана.

– Что? Что случилось?

Он отнял руки. Его лицо выражало крайнее смущение, даже стыд, но само оно заметно изменилось. Исчезла болезненная бледность. Щеки Аркадия покраснелись, как после изрядной дозы алкоголя, а губы сделались вишнево-красными.

– Мне нужна ваша помощь, – слегка запинаясь, произнес он. Это лишь усилило мои подозрения, что он пьян. – Там, в купе...

Он замолчал и только смотрел на меня умоляющими глазами. Наконец я не выдержал:

– Да выкладывайте же вы, что у вас случилось! Если уж вы сочли возможным нарушить мой сон, извольте говорить связно!

Несколько успокоившись, он сказал:

– Идемте в мое купе. Там вы увидите человека. Мертвого. Я не думал, что все так кончится, но я больше не мог ждать...

– Вы хотите сказать, что убили его? – едва слышно прошептал я.

Аркадий выдержал мой взгляд с большим трудом. Кажется, его клонило в сон.

– Да. Нечаянно. Мне требуется помощь, но помощь особого рода.

Я не стал выслушивать его объяснений, а быстро выбрался из постели и босиком, в одной ночной рубашке отправился к нему в купе. Дорога была каждая секунда. Иногда люди, разволновавшись, торопятся объявить покойником того, кто еще жив. Если Аркадий ошибся, я должен сделать все, что в моих силах.

А если он прав, тогда я должен собственными глазами увидеть мертвеца.

Лампа не горела, и купе заливал бледный лунный свет,

струившийся сквозь незашторенное окно. Я заметил, что окно разбито. Лес в этом месте подходил к самой железной дороге, и, должно быть, какая-нибудь большая ветка полоснула по стеклу и оно разлетелось вдребезги. На стенах купе плясали тени деревьев.

Я не стал зажигать лампу, а сразу же приступил к осмотру, довольствуясь серебристым сиянием ночного светила.

Судя по позе, в которой находился мужчина, я заключил, что вначале он упал на диван, а когда поезд тронулся с очередной станции, скатился на пол. Это был пожилой, хорошо одетый человек, седовласый, с длинными обвислыми усами. Его грузное тело занимало собой почти все пространство между диванами, и мне едва удалось примоститься возле него на коленях.

С большим трудом я перевернул незнакомца на спину и приложил ухо к его груди. Сердце молчало, пульс ни на руке, ни на шее не прощупывался. На горле я заметил темное пятнышко и провел по нему пальцем – кровь! Остывающая кровь.

Аркадий был прав: этот человек умер, но его кожа еще сохраняла тепло. Убийство произошло совсем недавно.

– Я был осторожен, – тихо пояснил Аркадий.

Чувствовалось, что он и впрямь сожалеет о случившемся. Аркадий сидел напротив меня, подтянув колени к груди.

– Я так старался не пить слишком много, но он... он вдруг упал.

– Зажгите свет, – попросил я.

Аркадий наклонился ко мне, в лунном сиянии его лицо странно фосфоресцировало.

– Лучше не стоит. Это может привлечь нежелательное внимание. Я легко могу исчезнуть, а вот вы... Если вдруг сюда кто-то войдет и увидит вас над трупом...

– Зажгите свет.

Поколебавшись, Аркадий все-таки удовлетворил мою просьбу. В желтоватом свете лампы я наконец-то смог внимательно осмотреть жертву моего спутника. Видом своим покойный напоминал рождественского Санта-Клауса: курчавые седые волосы, толстая шея, выцветшие зеленые глазки, скрытые за очками в золотой оправе, круглые щеки и двойной подбородок. Я продолжал осмотр, благодарный своей профессиональной привычке сосредотачиваться на работе. Это помогло мне сдержать нахлынувшие эмоции, особенно когда я платком отер кровь и увидел след от укуса.

Такие же две дырочки я видел на шее Герды.

Я более не могу отрицать реальность этого безумства. Но почему я должен в нем участвовать?

Аркадий сидел, съежившись, и молчал, пока я не обратился к нему сам:

– Вы были правы. Этот человек умер не от потери крови. Смотрите: его губы и десны не побледнели, да и на щеках сохранился румянец.

– Значит, я не убил его? – с надеждой спросил Аркадий.

Я попытался сделать свой тон бесстрастным (хотя едва ли мне это удалось) и ответил:

– Я этого не говорил. Видите его глаза? Обратите внимание: один зрачок намного шире другого. Это один из признаков кровоизлияния в мозг. Апоплексический удар. Возможно, покойный испугался, и это стало причиной смерти.

– Я не вполне согласен с вами, поскольку сделал все, чтобы он не испытывал страха, – пробормотал Аркадий. Видя, что я встал, он заметно встревожился. – Абрахам, вы не можете просто так уйти. Я звал вас не затем, чтобы вы подтвердили факт его смерти.

– Тогда на какую помощь вы рассчитывали?

Я едва сдерживался. Конечно, здесь не Амстердам, не наш дом, и Аркадию уже не обязательно было играть в благородство. Какая наглость: совершить убийство и теперь пытаться сделать из меня пособника! Гнев во мне перемешивался с жалостью к несчастному старику, который ничем не провинился перед Аркадием.

– Я – врач, господин Дракул. Помочь этому человеку я уже не могу.

– Можете, доктор Ван-Хельсинг. Если вы не вмешаетесь, то через два-три дня он воскреснет и станет таким же, как я. События минувшей недели поумерили мой скептицизм.

– И что же нужно сделать?

– Нужно отрезать ему голову и воткнуть в сердце кол, – прошептал Аркадий.

Я невольно отпрянул. Только сейчас до меня дошло, какую роль он мне уготовил. Повернувшись, я направился к двери, бросив на ходу:

– Это ваше и только ваше преступление. Вам и расхлебывать его последствия.

Я резко дернул ручку и вышел из купе в темный коридор. Аркадий последовал за мной. Он двигался бесшумно, сливаясь с бледным лунным светом. В ушах звучал его шепот:

– Как вы не понимаете? Я не могу сделать это сам, иначе не стал бы к вам обращаться. Подумайте, Брам. Отказываясь мне помочь, вы тем самым выпускаете в мир еще одного вампира, который принесет горе многим семьям, подобным вашей.

Не обращая внимания на его слова, я вошел в свое купе, лег и накрылся одеялом. Мой мучитель следовал за мной по пятам.

– Ван-Хельсинг, помогите мне! Вампир не может уничтожить другого вампира.

– Тогда отправляйтесь оба прямо в ад! – прошептал я дрогнувшим голосом. – По крайней мере, мир сможет вздохнуть спокойно.

Аркадий ответил не сразу. Голос его тоже дрожал, но от душевной боли.

– Абрахам, я давно готов туда отправиться и сделаю это при первой же возможности. Но и для этого мне нужна ваша помощь.

Я завернулся в одеяло и пролежал так до самого рассвета, обливаясь потом. Глаз я больше не сомкнул.

Утром, когда я зашел в купе Аркадия, труп исчез, словно он был всего лишь дурным сном.

Я доберусь до Трансильвании, разыщу Яна и Стефана и вернусь с ними домой. Но я не желаю становиться частью жуткого мира, в котором живет Аркадий, и не собираюсь быть пособником в его гнусных делах. Пусть не ждет, что я соглашусь участвовать в каких-то средневековых ритуалах или забивать себе голову разной чертовщиной. Все равно не дождется...

Глава 11

ДНЕВНИК СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

25 ноября 1871 года

Скоро мы будем дома.

Правильнее было бы написать – в Трансильвании. Для тех, с кем я еду, это родная страна, они возвращаются домой. Мне же предстоит ее увидеть впервые.

Дни и ночи стали похожи друг на друга. Я перестал ощущать течение времени. Днем меня стережет служанка по имени Дуня, ночью – Жужанна. Иногда я оказываюсь под перекрестным наблюдением их обеих.

Поначалу я боялся за свою жизнь, однако Жужанна все эти дни была необычайно добра ко мне. Я ни в чем не нуждаюсь. Никогда еще мне не доводилось путешествовать с таким исключительным комфортом. Мы едем в отдельном вагоне, нам подают изысканные блюда и тонкие вина. Должно быть, Влад сказочно богат, ведь все это стоит невероятных денег. Я даже не знаю, кто нас обслуживает, поскольку до сих пор не видел ни одного проводника или официанта. Угощение появляется, словно по волшебству, и потом не менее волшебным образом остатки трапезы и приборы исчезают. В наших апартаментах на колесах поддерживается безукоризненная чистота. Либо Жужанна и Дуня сами прибирают в вагоне, либо это делают слуги, пока я сплю.

Вплоть до сегодняшнего дня я думал, что мы едем не только в отдельном вагоне, но и в специальном поезде. Теперь я понимаю: это доставило бы Жужанне значительные неудобства. Вскоре я объясню причины, заставившие меня переменить мнение.

Дуня – мой дневной страж – невысокая худощавая женщина, такая же черноволосая, как и Жужанна, но в ее кудрях заметен рыжеватый оттенок. Судя по внешнему виду, они со своей хозяйкой принадлежат к одной национальности, хотя по сословной лестнице отстоят весьма далеко друг от друга. Дуня – простая служанка, скрытная и, скорее всего, неграмотная. В Голландии таких не встретишь. Она начисто лишена чувства собственного достоинства. По всей видимости, именно этим и объясняется ее робость. Со мною она почти не разговаривает, а на вопросы отвечает односложно. Иногда ее испуганные темные глаза становятся совсем пустыми (я пришел к выводу, что так бывает, когда Жужанна или Влад контролируют ее разум). Я совершенно уверен, что, когда Дуня наставляет на меня револьвер, дабы помешать мне бежать, ею управляют. В такие моменты она смотрит невидящим взглядом, словно манекен в витрине.

Расскажу о том, что произошло вчера рано утром. Когда рядом со мной находится Жужанна, мое сознание словно бы подернуто пеленой. Мне не удается связно и последовательно думать, мысли путаются и разбегаются. Но утром мое сознание вновь ненадолго обрело ясность. Я почувствовал: Ар-

кадий движется вслед за нами. Он настойчиво призывал меня бежать при малейшей возможности. (Кажется, моменты просветления наступают у меня на рассвете, в полдень и в сумерках; надо будет поточнее заметить время, тогда я смогу проверить, правильны ли мои ощущения.) Я решил выпрыгнуть из поезда. Дуниного револьвера я не боялся, поскольку она не осмелится меня убить. Жужанна постоянно твердит, что у них нет намерений причинить мне вред, и я ей верю.

Итак, ранним утром Жужанна, как всегда, отправилась спать, а Дуня с револьвером в руке уселась напротив меня. Выждав немного, я встал и вышел из купе под предлогом размять ноги и посетить ватерклозет. Вместо этого я поспешил в тамбур и попытался открыть дверь, ведущую на площадку. Дверь оказалась закрытой либо заложеной с обратной стороны. Я безуспешно дергал ее, и в этот момент появилась Дуня, которая тут же наставила револьвер мне на ногу.

Я послушно поплелся за ней назад в купе. А что еще мне оставалось? Возможно, она и не решилась бы меня убить... хотя кто знает?

Теперь напишу о Жужанне.

Находясь рядом с нею, я перестаю быть самим собой. Ее глаза обладают сверхъестественной силой. Я теряю контроль над своим разумом и чувствами и послушно делаю все, что она мне велит. Я краснею от стыда, но не собираюсь утаивать правду. Жужанна опять принимала облик Герды, а я, зная, что настоящая Герда никак не может появиться в купе поез-

да, тем не менее заключил лже-Герду в объятия и, повинувшись нахлынувшей страсти, овладел ею.

Или Жужанна овладела мною? Стыдно признаваться, но, когда она сбросила облик Герды и я увидел рядом с собой ее дьявольски прекрасное лицо, я не отвернулся, не схватился за голову от содеянного. Хуже того, минувшей ночью Жужанна просто легла рядом со мною, и я снова обнимал ее. Обнимал, сознавая, что она – сестра моего отца, существо с холодной кровью, убийца маленького Яна.

Каждую ночь она вовлекает меня в водоворот любовной страсти. Наутро я просыпаюсь, охваченный раскаянием, и твержу себе, что больше это не повторится. Но глаза, ее глаза! Я пытаюсь сопротивляться, но ее взгляд полностью подавляет мою волю, разжигая желание.

Я пробовал осторожно расспросить Жужанну о том ритуале, когда мы с отцом вкушали кровь друг друга. Она отвечает мало и неохотно. Из того, что я сумел узнать, можно сделать один важный вывод: связав меня с собой, Аркадий создал Жужанне серьезные трудности. В противном случае я был бы сейчас таким же ходячим манекеном, как Дуня. Но влияние Аркадия все слабеет, а Трансильвания с каждым часом становится все ближе. Мысли путаются, и я уже не знаю, кому верить.

Иногда я понимаю, что являюсь лишь марионеткой в руках Жужанны. Но потом наступает вечер, и я уже склонен поверить ей, будто это Аркадий стремится меня погубить, а

Влад, наоборот, желает мне только добра.

Однако вчерашний вечер принес мне немало беспокойства. Я волновался, как в день нашего отъезда из Амстердама.

После моей неудачной попытки сбежать Дуня стерегла меня особенно бдительно. Напрасно, ибо почти все светлое время я провалился в полудремотном состоянии, нежась в лучах солнца, заливавшего купе. Когда стемнело, я встал и вышел в коридор, намереваясь просто размять затекшие ноги, и никак не думал, что увижу там Жужанну.

Я привык к ее красоте, но сегодня она была обворожительно прекрасна. А перед ней, держась за подол ее юбки, топал... мой племянник Ян. Он весь светился. Ни дать ни взять – златокудрый ангелочек с сапфировыми глазами. Малыш был здоров и весел. Это не укладывалось у меня в мозг, ведь несколько дней назад я видел его обескровленное, безжизненное тельце.

Плача от радости, я опустился на одно колено и протянул к малышу руки. Ян тоже обрадовался и бросился ко мне. Будучи врачом, я знаю: в полуторагодовалом возрасте дети еще не слишком крепко держатся на ногах. Но малыш двигался уверенно и даже грациозно.

– Стой! – крикнула ему вслед Жужанна.

Мы с Яном оба обрадовались встрече и не обращали на нее внимания.

– Стефан, будь осторожен, прошло еще совсем мало вре-

мени!

Я подхватил малыша на руки и закружил. Ян очень любил, когда его поднимали и подбрасывали вверх. Правда, на этот раз он почему-то не засмеялся и не крикнул: "Летать!" Вместо этого он обвил пухлыми ручонками мою шею и внимательно поглядел на меня своими большими голубыми глазами. Они были необыкновенно красивы и притягательны, но вдруг показались мне холодными и бездушными, словно принадлежали искусно сделанной кукле. Потом Ян наклонился, чтобы меня поцеловать.

– Ян! – окликнула его Жужанна и бесцеремонно отняла у меня малыша. – Дядю не надо, мой дорогой. Запомнил? Дядю нельзя.

Взяв ребенка на руки, Жужанна пошла с ним по коридору. Ян заплакал. Он жалобно смотрел на меня и тянул ручонки. Хлопнула дверь тамбура, потом другая. Жужанна унесла малыша в следующий вагон. Естественно, я бросился следом, но с дверью повторился утренний трюк: она не желала открываться. На этот раз я не стал неистово дергать ручку, тем более что вскоре дверь открылась сама.

Вместе с Жужанной и Яном в коридор вошла добродушная пожилая женщина. Она улыбалась малышу и, чувствовалось, была не прочь с ним поиграть. Ян боязливо жался к плечу Жужанны и в то же время с любопытством поглядывал на женщину.

Они направились в просторное купе, служившее нам го-

стиной. Разумеется, я пошел вместе с ними и сразу же погрузился в приятное бездумное состояние, в какое я почти всегда погружался, находясь рядом с Жужанной. Я полностью забыл о необходимости совершить побег и вообще обо всем на свете, кроме желания сидеть подле нее.

Жужанна мгновенно вошла в роль приветливой хозяйки. Наша беседа шла на немецком – родном языке фрау Бухнер (так звали нашу гостью). Она ехала в Братиславу¹⁵, на похороны кого-то из родственников, и очень скучала по оставшимся дома внукам. Немка оказалась простой и милой женщиной, круглолицей, рыхлой, с покатыми плечами и начинающей горбиться спиной. Коса седых волос, обвитая вокруг головы, была убрана под кружевной платок. Эта женщина чем-то напомнила мне маму, возможно, своей добросердечностью, а может – ясными голубыми глазами или сладковатым запахом пудры. Но фрау Бухнер была старше мамы. Черная одежда лишь подчеркивала бледность ее лица. Единственным цветным пятном в ее траурном наряде было большое золотое распятие, покоившееся на ее пышной груди.

Фрау Бухнер говорила приятным, немного дрожащим от старости голосом. Глядя на Яна, она расплывалась в улыбке и все повторяла, что никогда еще не видела столь очаровательного малыша.

– Который очень тоскует по своей бабушке, – подхватила

¹⁵ В действительности в 70-е годы XIX века Братислава входила в состав Австро-Венгерской империи и называлась Пресбург.

Жужанна, светясь материнской гордостью.

Она сидела рядом с немкой, а я – напротив. Окно еще не успели зашторить, и я время от времени бросал взгляд на видневшуюся вдали темную ленту Дуная, окаймленную россыпью огоньков.

– И как же зовут это чудо? – спросила наша гостья.

– Ян, – все так же гордо ответила Жужанна, будто она сама выбирала ему имя.

– Ян, – повторила немка. – Хорошее имя. А в наших краях тебя, малыш, звали бы Иоганном.

– Ома¹⁶, – проворковал Ян, протягивая к ней ручонку.

В ответ фрау Бухнер улыбнулась и тоже протянула руки, однако Ян сразу же отпрянул и крепче вцепился в Жужанну. Думая, что малыш стесняется, добрая немка чуть-чуть пододвинулась к нему, но стоило ей приблизиться, как у Яна началась откровенная истерика, он не позволил фрау Бухнер дотронуться даже до своего золотистого локона. Все это время малыш глядел на старуху широко раскрытыми холодными глазами – глазами кобры, подчиняющейся воле заклинателя.

– Ома, – снова произнес своим нежным голосом Ян.

Я невольно улыбнулся. Фрау Бухнер вопросительно посмотрела на меня.

– По-голландски это значит "бабушка", – объяснил я. – Вы напоминаете малышу его бабушку.

¹⁶ Ома (голл.) – бабушка, бабуля.

Мои слова фрау Бухнер восприняла как комплимент и вся засияла.

– Ах ты, мой маленький голландец! Да, дорогой, я – ома, и у меня тоже есть внучата.

Немка опять протянула к нему руки и, конечно же, безуспешно.

Воспользовавшись моментом, я шепнул Жужанне:

– Как такое возможно? Два дня назад он был при смерти.

Сейчас, описывая эту сцену, я понимаю: в глубине души я прекрасно знал ответ на свой вопрос. Но рядом с Жужанной все, что рассказывали мне Аркадий и мама, полностью забывалось. Я попадал в прекрасный, фантастический мир, в котором не бывает боли и зла и в котором мы с Яном были необычайно довольными и счастливыми спутниками Жужанны, стремящимися поскорее попасть в Трансильванию.

– О чем это вы? – спросила фрау Бухнер, прислушиваясь к нашему разговору.

Жужанна одарила малыша ласковой материнской улыбкой и погладила его по головке.

– Наше сокровище прихворнуло в пути. Но, к счастью, все быстро прошло. Сегодня Ян совсем здоров.

Фрау Бухнер понимающе кивнула. Все это было ей хорошо знакомо.

– Скажу вам, что с малышами всегда так. То вдруг у них сильнейший жар, и начинаешь опасаться за их жизнь. А проходит день-другой, – она прищелкнула пальцами, заинтере-

совав Яна необычным звуком, – они уже поправились и готовы играть.

Она наклонилась к малышу. Распятие на золотой цепочке закачалось из стороны в сторону.

– Правда, моя крошка?

Фрау Бухнер собралась было погладить Яна по голове, на что малыш ответил громким хныканьем. Между тем взгляд его так и впился в кудахчущую немку.

– Ай, какие мы стеснительные. Или ты меня боишься?

Хотя фрау Бухнер продолжала улыбаться, столь недружелюбное поведение ребенка раздосадовало ее.

– Думаю, он боится вашей цепочки, – с неожиданным металлом в голосе подсказала ей Жужанна.

Немка недоуменно поглядела на цепочку и крест.

– Моей цепочки?

Она повертела крест в руках, затем снова взглянула на Яна.

– Маленький мой, что ж тебя так напугало? Или ты боишься блестящих штучек? Да?

Жужанна следила за фрау Бухнер хищным взглядом тигрицы, заботящейся о пропитании для своего детеныша.

– Возможно, малыша пугает блеск.

– Чего тут бояться, радость моя?

Двумя пальцами фрау Бухнер приподняла цепочку. Распятие оказалось совсем рядом с округлившимися от ужаса глазенками Яна. Он закричал и уткнулся в плечо Жужанны,

которой тоже стало не по себе, но она изо всех сил старалась это скрыть.

– Глупышка, это просто золотая фигурка, – продолжала уговаривать малыша старуха. – Смотри, как она красиво блестит. А знаешь, кто это? Это наш Господь Иисус, распятый на кресте.

– Снимите цепочку, – потребовала Жужанна.

– Что? – переспросила ошеломленная фрау Бухнер.

– Снимите цепочку!

Жужанна впиалась глазами в немку. От ее взгляда даже у меня по спине поползли мурашки. С лица фрау Бухнер мгновенно исчезло умильно-восторженное выражение. Сжав пальцами распятие, она приподняла тяжелую цепочку и, пыхтя, сняла через голову свое украшение. Цепочка оказалась у нее в руках. Золотая фигурка Иисуса беспокойно раскачивалась в воздухе.

Жужанна поморщилась и отодвинулась от фрау Бухнер, загораживая собой ребенка. Зрачки ее глаз сузились, а лицо превратилось в гипсовую маску, под которой – это длилось не больше мгновения – мне вдруг открылось нечто жуткое и отвратительное. Я не могу подобрать слов, чтобы описать увиденное.

Я застыл на месте, зная, что сейчас произойдет, и не понимая, откуда мне это известно. Золотой крест с распятым Христом продолжал раскачиваться, приводя Жужанну в бешенство.

– Убери *это*, – прорычала Жужанна.

Я не знал, к кому было обращено ее повеление: ко мне или к фрау Бухнер. Жужанна открыла рот (правильнее будет сказать – раскрыла пасть), обнажив ряд ровных белых и необычайно острых зубов. Мне они показались заточенными колющими, ожидавшими свою жертву. Я уже видел этот ее оскал – в тот страшный вечер, когда она убила малыша.

Я поспешил отвернуться и закрыл глаза.

Слабо звякнула упавшая на пол цепочка. Я не выдержал и снова открыл глаза. Фрау Бухнер отрешенно глядела перед собой. Ее рука оставалась разжатой. Цепочка с распятием валялась у меня под ногами.

– Ома! – радостно заверещал Ян.

Немка очнулась и заулыбалась, видя, как малыш сам просится к ней на руки.

– Ома!

– Уф-ф! Осторожнее, радость моя, не упади.

Фрау Бухнер светилась от счастья, а Ян уже полз по ней, как мартышка по дереву. Он обвил ручонками ее шею и спрятал личико в складках старческой кожи. Фрау Бухнер погладила Яна по спине и обернулась к Жужанне, намереваясь ей что-то сказать. В это мгновение лицо немки сморщилось от боли и она тихо вскрикнула:

– Ай!

Схватив малыша, фрау Бухнер попыталась оторвать его от себя, но в следующую секунду ее руки безжизненно опусти-

лись. Взгляд бедной женщины вновь сделался бессмысленным, и она затихла, раскрыв в немом удивлении рот.

Жужанна, привалившись спиной к диванной подушке, наблюдала за этой сценой. Полуопущенные веки слегка подрагивали. Чувствовалось, что она довольна своим "ангелочком". От ужаса я буквально примерз к месту. В купе стало тихо, если не считать стука вагонных колес и чавканья насыщающегося Яна. Его пальчики то хватались за черное шелковое платье фрау Бухнер, то сжимались в кулачки. Совсем как у младенца, сосущего материнское молоко.

Через какое-то время немка закрыла глаза. Ее голова запрокинулась и ткнулась в мягкую спинку дивана. Почти сразу же Ян оторвался от нее и протянул руки к Жужанне. Его щеки, губы и подбородок были перепачканы кровью.

– Умница ты моя, – проворковала Жужанна и платком стерла следы пиршества с его личика. Затем одной рукой она обняла малыша и стала качать. – А теперь, маленький, спи.

Другой рукой она потянулась к фрау Бухнер.

Не сразу, но Жужанна добилась того, чтобы тело несчастной старухи оказалось в удобной для ее целей позе: подтащив немку поближе, она устроила ее голову на живот заснувшего Яна, повернув к себе нужным боком. После чего наклонилась и припала к ранке, проделанной малышом.

Насыщение Жужанны было недолгим. Она вернула фрау Бухнер в сидячее положение, потом нежно погладила свою жертву по руке.

– Фрау Бухнер! Проснитесь!

Старуха мгновенно открыла глаза и дрожащей рукой потрогала лоб.

– Боже, никак я заснула?

– Да, дорогая. Наверное, мы с Яном утомили вас. Может, вам лучше вернуться к себе и лечь?

Глаза фрау Бухнер были такими же, как у больных, страдающих потерей памяти. Ее взгляд тревожно скользил по окружающим предметам, не задерживаясь ни на одном из них. Она силилась что-то вспомнить, но не могла.

– Что? Что вы сказали? Да, наверное, мне пора в постель. Простите, я и в самом деле что-то устала.

Лицо фрау Бухнер посерело. Ее шатало. Я встал и, поддерживая старуху под руку, отвел в соседний вагон.

Когда я вернулся, Жужанна качала спящего Яна и пела колыбельную, которую я слышал в первый день нашего путешествия.

– Прошу тебя, Стефан, выброси эту цепочку, – мягко, но властно произнесла она.

Цепочка с распятием по-прежнему лежала на полу. Странно, что, уходя, фрау Бухнер ее нехватила. И это не единственная странность. Мне и сейчас непонятно, почему я воспринял повеление Жужанны как вполне разумное и логичное. Я поднял распятие открыл окно и швырнул его в темноту.

Сейчас раннее утро. Ко мне вновь вернулась ясность

мышления, и я предпринял еще одну попытку бежать, на этот раз через верхнюю створку окна купе. Увы! Дуня мгновенно проснулась и угрожающе наставила на меня револьвер. Теперь она, подобно хищной птице, стережет каждое мое движение. Мне не остается ничего иного, кроме как сидеть над своим импровизированным дневником и, описывая события минувшего вечера, вновь содрогаться от ужаса.

Если Жужанне удастся полностью подчинить меня своей воле, что же станет со мною, когда я окажусь в Трансильвании и попаду в когти к Владу?

Глава 12

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

26 ноября 1871 года

Мрак продолжает сгущаться...

Я попал в иной, незнакомый мир. Голландия – современная страна, светлая, открытая, с чистыми улицами и аккуратно побеленными кирпичными домами. Невзирая на ее скромные размеры, там ощущается простор: суша, море, небо. Когда мы приехали в Буда-Пешт, я понял, что цивилизованный западный мир остался позади. В этом городе ощущаешь груз эпох, угрюмость и запустение. На узких и темных улочках, мощенных обыкновенным булыжником, современные здания соседствуют с остатками древнеримских построек.

Едва попав в этот город, я почувствовал себя неуютно. Но долгая поездка, нескончаемый стук колес утомили меня, и я обрадовался возможности провести несколько часов вдали от вокзала. Я уговорил своего кровожадного спутника отдохнуть от тесноты купе. Все эти дни я питался чем придется, и мне захотелось как следует пообедать.

Аркадий повел меня в ресторан, находящийся где-то в старой части Буда. По его словам, когда-то он славно там обедал. Теперь обычная пища и вино потеряли для него всякую привлекательность. Пока я ел, он развлекал меня разго-

ворами. По совету Аркадия я попробовал крепкий обжигающий барак – венгерское абрикосовое бренди. Блюдо, которое мне подали, оказалось не менее обжигающим: курица с пряной подливой и обилием паприки. За окнами ресторана темнели холмы, подступающие вплотную к берегу полноводного Дуная, и длинный недостроенный мост между Будой и Пештом. Мое внимание привлек силуэт громадного кафедрального собора. Я спросил его название. С мрачной иронией Аркадий сообщил, что это собор Святого Стефана.

Аркадий знал, какую неприязнь во мне вызывает его способ существования, и всячески старался завоевать мое доверие. Пожалуй, сейчас он больше, чем когда-либо, был похож на живого человека. Он рассказывал мне о сходстве и различиях между венграми и румынами. По его мнению, оба этих народа хитры, лукавы и смотрят сквозь пальцы на нормы морали.

– А в чем же тогда различия? – спросил я, чтобы поддержать разговор.

– На этот счет есть замечательная шутка. Говорят, что и венгр, и румын готовы продать родную мать, но только румын позаботится о том, чтобы ее выкрасть обратно.

Возможно, он намеревался меня рассмешить, однако я ограничился сдержанной улыбкой. Я вдруг почувствовал, что смертельно устал: и от дороги, и от переживаний. Мысли постоянно возвращались к судьбе Стефана и маленького Яна. Измученное тело настойчиво требовало провести хотя

бы одну ночь в гостиничном номере, а не в тряском купе.

Но время подстегивало нас, и потому мы вернулись на вокзал, сели в другой поезд и продолжили путешествие. Мы ехали всю ночь и к утру прибыли в Клаузенбург, который у румын имеет другое название – Клуж. Итак, я попал в "страну за лесами" – Трансильванию.

В Клаузенбурге мы отыскивали гостиницу попримичнее и отдыхали в ней почти до самого вечера. Наше появление напугало хозяина (может, он почуял истинную природу Аркадия?), и он потребовал заплатить за целые сутки. Аркадий безропотно выложил нужную сумму.

Не испытывая недостатка в деньгах, мой спутник снял два номера. Меня это вполне устраивало. Я не желаю находиться в обществе Аркадия дольше необходимого, ибо оно меня тяготит, особенно после гибели старого толстяка. Но, несмотря на свою неприязнь, я наблюдаю за его образом жизни. И я заметил, например, что в отличие от живых людей Аркадий в разное время суток выглядит по-разному и что без новой порции крови он начинает быстро стареть. Во всяком случае, сейчас это уже не тот молодой, обаятельный красавец, каким он явился в наш амстердамский дом. Я подозреваю, что его облик – не более чем маска. В ресторане, когда Аркадий повернулся к окну, эта маска ненадолго спала, и я увидел профиль пожилого, изможденного человека.

Из Клаузенбурга, опять-таки поездом, мы отправились в Бистриц (по-румынски этот городишко называется Бистри-

ца). Если австрийские поезда показались мне тихходными, то что тогда говорить про румынские! Тот, на котором мы ехали, плелся, как некормленная кляча. О пунктуальности на здешней железной дороге знают лишь понаслышке. Наш поезд отправился более чем с часовым опозданием и тащился до Бистрица целых шесть часов. В Голландии мы одолели бы это расстояние в два с лишним раза быстрее.

Сейчас я сижу в номере местной гостиницы, которую правильнее было бы назвать постоялым двором. И условия, и качество пищи здесь почти спартанские. Аркадий утверждает, что это единственное место в городе, где можно чувствовать себя в безопасности. Дальнейший путь нам предстоит проделать на лошадях. На сегодняшний дилижанс (он ходит раз в сутки, связывая Бистриц с неведомой мне Буковиной) мы уже опоздали, зато узнали, что на нем, похоже, уехали Стефан, Жужанна и мой сын. (Мой малыш! Я даже застонал от облегчения, узнав, что златокудрый малютка, которого видели на руках у женщины, был весел и здоров. Слава Богу, они ничего не сделали с моим Яном.) Мы опоздали всего на каких-то два часа! Остаться в Бистрице на ночь значит потерять драгоценное время. Аркадий отправился искать лошадей и экипаж, и как только он вернется, мы немедленно отправимся дальше.

Зачем Жужанне понадобился мой ребенок? Я несколько раз задавал Аркадию этот вопрос. Он отделялся туманными фразами. Не верю, чтобы он не знал. Тогда почему он не

хочет назвать причину?

* * *

Добавлено позже

Я делаю эту запись, сидя в подпрыгивающем на каждой кочке экипаже. Не представляю, как потом буду читать собственные каракули, однако чувствую необходимость все подробно записать. С каждой минутой становится все темнее, и я едва различаю скачущие строчки. Если мы сумеем вызвать Стефана и Яна, у нас останется письменное свидетельство о самых страшных днях в семейной истории.

А если не сумеем...

Мы отправились в путь без кучера. Лошадьми правит Аркадий – дорога ему знакома, да и зрение у него острее моего. Правда, ему сейчас не мешало бы отдохнуть, но я не стал спорить. Местность, по которой мы едем, пустынная, дикая и вдобавок гористая, чем-то она мне напомнила Швейцарские Альпы. Не хотел бы я сейчас держать поводья в своих руках, направляя лошадей по узкому серпантину дороги и поминутно рискуя сорваться с уступа в пропасть. Поэтому я даже рад, что сумерки скрывают от меня наш опасный подъем на карпатские кручи.

Погода вполне отражает состояние моего ума. Воздух сырой и зябкий. Вскоре после нашего отъезда из Бистрица начался снегопад, пока еще несильный. Экипаж, который уда-

лось раздобыть Аркадию, представляет собой коляску, полог которой защищает лишь наши спины и головы. Аркадий предусмотрительно запасся пледами и велел мне хорошенько закутать ноги, правда, из-за снега толстая ткань быстро отсырела. Не знаю, что испытывает сейчас Аркадий, но меня сырость и холод уже пробрали до костей. Спасибо хозяину ресторана в Буде, великодушно подарившему мне бутылку бараки.

Едва мы очутились в густом лесу, которым практически повсеместно были покрыты склоны Карпат, Аркадий резко свернул с дороги. Его маневр был настолько внезапным, что карандаш в моей руке подпрыгнул и прочертил жирную линию. Я огляделся по сторонам и не поверил своим глазам. Горы, которые совсем недавно обступали нас и тянулись до самого горизонта, исчезли. Мы очутились в узкой долине, в окружении высоченных стройных сосен. Их раскидистые лапы защищали землю, не пропуская ни одной снежинки. Воздух здесь был теплым, и в нем висел легкий туман. И что самое удивительное: сверху струился мягкий солнечный свет. Наверное, так религиозные люди представляют себе проявление Божьей благодати. В лучах этого чудесного света все окружающее казалось фантастическим, неземным.

Я молча взирал на явленное чудо, не в силах вымолвить ни слова. Я даже подумал, что сплю и вижу удивительный сон. Может, мы вообще еще никуда не выезжали из бистрицкой гостиницы и все это мне только снится?

Но то была явь. Лошади неспешно ступали по густому ковру из сосновых иголок. Вскоре Аркадий остановил коляску и повернулся ко мне.

– Абрахам, – певуче молвил он.

Воздух в долине был настолько теплым и влажным, что даже дыхание вампира превращалось в тонкую струйку тумана. Голос Аркадия оставался прежним, но его облик значительно изменился: пропали холодная красота и излишняя правильность черт лица. Сейчас оно куда больше напоминало лицо живого человека.

– Где мы находимся? – тихо спросил я, боясь нарушить благоговейную тишину.

Вместо ответа Аркадий сказал:

– Есть много такого, о чем вы непременно должны узнать еще до нашего появления в замке. Может оказаться так, что мы опоздаем, и Влад успеет совершить с вашим братом ритуал вкушения крови. Если это произойдет: нет, не так, как вы подумали, – из чаши, иначе он сделает вашего брата подобным себе, а ему нужно от Стефана совсем другое... Так вот, если это случится, Влад полностью подчинит себе Стефана: он всегда будет знать, где находится ваш брат, о чем думает. И эта зависимость оборвется только с последним вздохом Стефана. Конечно, Влад не сможет управлять им постоянно, но находиться в подчинении, пусть и частичном, – этого вполне достаточно, чтобы жизнь превратилась в ад. Я знаю, о чем говорю, поскольку в прежней жизни сам прошел через

это.

Должен вам сказать: первый раз Стефана похитили по моему приказу. Я совершил с ним ритуал вкушения крови, но вовсе не из желания подчинить его. Я надеялся таким образом нейтрализовать влияние Влада.

Аркадий горестно усмехнулся.

– Понимаю, каково вам сейчас ощущать себя во власти вампира.

– Вы сказали – зависимость до конца жизни? – в ужасе переспросил я. – Значит, если ритуал свершится, над Стефаном будет постоянно висеть угроза?

– Да. Я хочу, чтобы вы это понимали. Вам думается: достаточно освободить Стефана, увезти подальше, спрятать понадежнее, и Влад больше до него не дотянется. Сам не дотянется, ибо в своих передвижениях он ограничен пределами замка и ближайших окрестностей. Но всегда найдутся люди, готовые за деньги сделать что угодно. А Влад платит своим пособникам очень щедро. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что рано или поздно вашего брата вновь разыщут, похитят и привезут в замок.

Глаза Аркадия вдруг вспыхнули, но не тем холодным блеском, какой я замечал уже не раз. В них полыхало отчаяние, исходившее из глубины сердца. Неподвижного и тем не менее – человеческого.

– Есть способ навсегда освободить Стефана от происков Влада. Абрахам, вы должны помочь мне уничтожить этого

монстра. И меня тоже, вернее, то чудовище, в которое я превратился. Поверьте, мое нынешнее существование не приносит мне ничего, кроме тягот и страданий. Но если меня уничтожить сейчас, самый злобный и опасный из всех вампиров только обрадуется, поскольку его сила сразу же возрастет. Так вы согласны помочь мне расправиться с Владом?

Мне стало неуютно под его пристальным взглядом.

– Я сделаю все, чтобы спасти сына и брата, – твердо ответил я.

Аркадий разочарованно вздохнул (видимо, он ожидал услышать другой ответ) и некоторое время молчал. Потом сказал:

– Я не позволю вам отправляться в логово Влада без надлежащей защиты.

Он поднял голову. Я проследил за его взглядом, и в редящем тумане увидел каменное строение. Возможно, то был небольшой монастырь, и находился он всего в нескольких шагах. За исключением часовенки, увенчанной куполом, здание совершенно не имело окон.

– Арминий! – позвал Аркадий.

Вокруг стояла удивительная (так и хочется написать – неземная) тишина, которая полностью поглощала все звуки. Ждать пришлось недолго. Черная деревянная дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилась человеческая фигура. Сумрак дверного проема мешал мне разглядеть ее черты. Аркадий тронул меня за плечо.

– Хотел было взять с вас обещание, что вы никогда и никому не расскажете об этом месте. Потом понял: незачем. Вас просто сочтут сумасшедшим и не будут слушать.

Он печально вздохнул и с непонятной мне грустью добавил:

– Не думал, что настанет день, когда я кого-нибудь сюда приведу. Пожалуй, сына еще мог бы... Но вам я доверяю.

Кивком головы он указал на застывшего в ожидании человека.

– Идите. Он даст вам все необходимое.

– А... вы?

– Идите, – уже суровее повторил Аркадий. – Мне туда входа нет.

Я выбрался из коляски и спрыгнул на влажные от росы сосновые иглы. В воздухе пахло хвоей и сырой землей. В этой зачарованной долине каждый мой шаг был шумным и неуклюжим. Я подошел к порогу и остановился. Заглянув в глаза ожидавшего меня человека, я понял, что он прожил уже не одну сотню лет.

Возможно, он был ровесником Влада, а может, еще старше. Но в его взгляде я не увидел ни жестокости, ни хитрости, ни коварства. Только мудрость. Его глаза были исполнены покоя, как эта сказочная долина, и черны, как ночь, опустившаяся на землю за ее пределами. Они все видели, все понимали, но ничего не требовали и никого не осуждали. Они не привязывали к себе. В любую секунду я был волен повер-

нутья и уйти, но я не хотел уходить.

Худощавый и невысокий Арминий был одет в черную монашескую сутану. Судя по его одинаково длинным седым волосам и бороде, я бы сказал, что передо мной древний старик, и в то же время держался он по-юношески прямо, время его не согнуло. Мое молчание его ничуть не тяготило, и он терпеливо ждал, пока я заговорю. Наконец я промямлил по-немецки:

– Я... меня зовут... Абрахам. Мне нужно...

Я умолк и стал торопливо вспоминать прочитанное в мамином дневнике.

– Распятие... Оно мне нужно.

Арминий молчал.

Я не знал, понял ли он мою сбивчивую просьбу. Потом до меня дошло: возможно, он ждет платы. Я порылся в карманах, но, кроме голландских гульденов, других денег у меня не было. Я протянул их Арминию.

К моему удивлению, он громко расхохотался. Смех его был беззлобным и совсем не монашеским. Не взглянув на гульдены, Арминий кивнул в сторону Аркадия:

– Ты хочешь получить нечто, отпугивающее вампиров. Да?

– Да, – ответил я и покраснел.

Мне было стыдно за допущенную мною бестактность (и почему я не догадался спросить у Аркадия, как нужно себя вести?). Одновременно меня удивило насколько хорошо ему

известна природа моего спутника. Уж не подумал ли этот странный монах, что я ищу защиты от Аркадия? Но тогда получался полный абсурд: вампир послал меня за средствами против себя самого! Между тем Арминию моя просьба вовсе не показалась странной. Все с той же усмешкой, никак не вязавшейся с его почтенным обликом, он слегка поклонился и скрылся за дверью. Вскоре Арминий вернулся, держа в руках черный шелковый мешочек. Он молча и как-то буднично протянул его мне. Я пробормотал слова благодарности, взял мешочек и повернулся, чтобы уйти.

– Абрахам, – остановил меня монах.

Он говорил по-немецки со странным акцентом. Вероятно, его родным языком был еврейский.

Я обернулся. Арминий с беззастенчивым любопытством разглядывал меня. Я достаточно много знал об особенностях старческого поведения и сталкивался с ними в своей практике. Но сейчас это меня почему-то рассердило.

– В мешочек я положил два золотых распятия и облатку, иначе называемую "телом Христовым". Ты понимаешь, что означают эти предметы?

Мой религиозный опыт ограничивался детством, когда меня водили в католический храм. Став взрослым, я прекратил ходить на мессы и причащаться. Я терпимо отношусь к верующим и стараюсь не задевать их религиозных чувств, но сейчас я не выдержал – должно быть, усталость и нервное перенапряжение наконец выплеснулись наружу. Я подумал:

да кто он такой, что позволяет себе разговаривать со мной, как с малолетним глупеньким ребенком? Может, по возрасту я и кажусь ему мальчишкой, но тем не менее владею современным и научными знаниями, а его голова напичкана религиозными предрассудками и суевериями. Или он собрался меня учить?

– Представьте, понимаю, – огрызнулся я. – Два куска металла и нечто среднее между сухарем и вафлей.

Арминий хлопнул себя по бедрам. Мой ответ так его развеселил, что он был готов пуститься в пляс. Он даже согнулся от смеха. Потом он выпрямился и, продолжая посмеиваться, сказал:

– А ты не безнадежен, Абрахам! Ты – первый, кто дал мне вразумительный ответ.

Я едва не съязвил, что не знал о проводимом испытании. Но тут я впервые заметил, что черное одеяние Арминия отличается от монашеского и священнического. На груди у него не было цепочки с распятием или каким-то иным символом веры. Мое раздражение сменилось неподдельным любопытством.

Вдоволь насмеявшись и утерев слезы, Арминий указал на мешочек.

– Ты совершенно прав. Сами по себе они ничего не представляют. Но ты попросил их для защиты. Тогда ты должен понять их свойства. Любой символ, будь то кусок металла или корка хлеба, становится священным, когда его на-

чинают считать таковым, когда эта мысль укореняется в сознании. Если же ты не будешь искренне верить в могущество этих символов, они окажутся совершенно бесполезными. Священные предметы сильны в той мере, в какой их наделяет силой тот, у кого они оказываются в руках. Человек может делать это сознательно или неосознанно. Надежный крест не подпускает вампиров, а облаткой можно запечатать двери. Советую тебе пока не развязывать мешочек, чтобы его содержимое не потревожило твоего... приятеля. Но помни: распятия и облатка имеют громадную силу, только когда ты по-настоящему веришь в них.

– Вот я и проверю, – буркнул я.

В иное время и при иных обстоятельствах я держался бы с Арминием гораздо учтивее. Но сейчас мне было не совладать со своим цинизмом: он прорывался в интонациях и, конечно же, отражался на лице.

Зато с лица Арминия начисто исчезли все следы веселья. Передо мной стоял человек непоколебимой убежденности и пугающей внутренней силы. Эта же сила светилась в его черных глазах.

– Проверить – значит потерять брата и пропасть самому. Там, где ты вскоре окажешься, результатом проверки будет смерть. В тебе должна быть уверенность. Чувствуешь разницу между этими словами? Если ты допускаешь возможность провала, я больше не стану тратить на тебя время и силы.

Я молчал, раскрыв рот. Откуда он знает про Стефана?

Может, Аркадий заранее известил его телеграммой? А почему бы нет? Это представлялось мне вполне правдоподобным.

Еще более меня рассердило то, насколько Арминий ценит свою помощь. Сопоставимы ли опасности, угрожающие Стефану, да и мне самому, с тем, что он сделал для нашего спасения – вручил мне пару распятий и облатку?

Я почувствовал, как у меня покраснелось лицо.

– Не волнуйтесь, провала не будет. Я сделаю все, что нужно, только бы спасти брата.

– Вот это мне нравится, – неожиданно мягко улыбнулся Арминий. – Тогда мы, возможно, еще встретимся.

Стоило мне ненадолго отвернуться, как старик исчез. Я даже не успел с ним попрощаться. Массивная черная дверь закрылась. Я поспешил к ожидавшему меня Аркадию. Коляска тронулась, и я оглянулся назад. Монастырь вновь скрылся за стеной тумана, а место, где я только что стоял, освещал неяркий солнечный луч.

Сон. Просто сон.

Я сижу рядом с Аркадием. Коляска несется сквозь снежную мглу к ущелью Борго. Долина, монастырь, Арминий кажутся мне диковинным сном. Но правая рука сжимает черный шелковый мешочек. Даже сквозь материю мои пальцы ощущают острые кромки золотого распятия...

Глава 13

ДНЕВНИК СТЕФАНА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

26 ноября 1871 года

Сомневаюсь, дадут ли мне закончить эту запись...

Я – узник странного замка, что стоит в глухом уголке далекой и чужой мне страны. Я нахожусь в комнате, стены и пол которой сложены из массивных каменных плит. Единственным источником тепла служит очаг, в который я все время подбрасываю дрова. За окном – узким и высоким – крошечная тьма. Уверен, днем отсюда открывается захватывающий вид на вздымающиеся к небу Карпатские горы и густые хвойные леса. Мне уже довелось видеть горную цепь во всем ее великолепии, когда мы ехали сюда в экипаже. Закатное солнце окрасило заснеженные вершины в непередаваемые оттенки розового и лилового цвета. Не успел я налюбоваться этим зрелищем, как вдали послышался унылый вой волков. По моей спине пробежали мурашки, но я все равно оставался под впечатлением необузданной красоты этой страны. Красота и смертельная опасность – так бы я охарактеризовал Трансильванию.

Жужанне теперь не до меня. Я почувствовал это, едва наш дилижанс выехал из Бистрица. Ее чары ослабли, и мое дремотно-безразличное состояние сменилось предощущением чего-то ужасного. Вероятно, Жужанна решила, что я и так

уже целиком в ее власти и незачем тратить на меня силы. К тому же днем они у нее заметно уменьшаются. Если бы не насущная необходимость отправиться в путь, думаю, Жужанна наверняка улеглась бы спать. Внимание моей похитительницы полностью сосредоточено на маленьком Яне (он крепко спал и проснулся только на закате) и на фрау Бухнер. Немка давно позабыла, что ехала в Братиславу на похороны и что дома ее ждут внуки. По-видимому, Жужанна загипнотизировала добрую старуху, и та с радостью отправилась с нами в Бистриц. Там мы все вместе сели в дилижанс, направлявшийся в сторону Буковины. Жужанна объяснила, что на нем мы доберемся до некоего ущелья Борго, где нас будет ждать другой экипаж.

Немка не только позабыла о том, куда и зачем ехала. Она не подозревала, что является своеобразной кормилицей для маленького Яна, Едва проснувшись, малыш сразу же присосался к ее шее, а фрау Бухнер тупо глядела из окна дилижанса на удивительно прекрасный и одновременно грозный пейзаж. Очнувшись (точнее, когда Жужанна позволила ей очнуться), она защебетала о том, как будет счастлива познакомиться с графом. (Я употребляю этот титул, хотя Жужанна называет Влада каким-то другим словом, не то румынским, не то славянским.)

Понимает ли фрау Бухнер, куда ее везут? И какая судьба ей уготована?

Тем не менее власти Жужанны надо мной вполне хватало

на то, чтобы не позволить мне раскрыть рта ни в дилижансе, ни потом, когда мы уже выехали из ущелья Борго, где нас ожидала присланная графом карета со старым, угрюмого вида кучером. Разглядеть его как следует мешал шарф, скрывавший половину лица.

К замку мы подъехали уже в темноте. Его зубчатая громада показалась мне продолжением гор (исключение составляли лишь башни с полуразрушенными шпилями). Кучер сразу же куда-то исчез. Подхватив спящего Яна, Жужанна выпорхнула первой и с усмешкой наблюдала, как мы, зевая, выбираемся из кареты.

– Пойдемте со мной, дорогая фрау Бухнер, – обратилась она к старухе. – Уверена, графу не терпится с вами познакомиться. А тебя, Стефан, – повернулась она ко мне, – я отведу в уютную комнату, где ты сможешь отдохнуть с дороги. Графу нужно подготовиться к ритуалу, после чего я приду за тобой.

Я в ужасе взглянул на фрау Бухнер. Несомненно, она слышала эти слова. Однако немка, беспечно улыбаясь, расправляла измявшееся в дороге платье. Похоже, ей непременно хотелось понравиться графу. Надо ее предупредить! Я протянул к ней руку...

Жужанна перехватила мою руку и резко опустила вниз. Ее движение было настолько быстрым, что, если бы не острая боль, я бы принял этот инцидент за игру воображения. Естественно, все эти манипуляции ускользнули от внимания

фрау Бухнер. Растерянно улыбаясь, она продолжала прихорашиваться. Глаза ее оставались пустыми. Я все же попробовал заговорить с нею, но слова застряли в горле.

Я безвольно поплелся вслед за фрау Бухнер, которую явно вели на убой.

Жужанна втокнула меня в комнату и заперла дверь снаружи. Я оказался в помещении, сразу напомнившем мне сказки о дворцах султанов, хотя вся эта мрачная роскошь имела восточноевропейское происхождение. Каменные стены украшали старинные шпалеры, полуистлевшие и седые от скопившейся пыли. В дальнем конце комнаты стояла громадная резная кровать. С ее спинки на меня смотрели потемневшие деревянные морды каких-то фантастических чудовищ. Кровать была устлана парчовым покрывалом, расшитым золотыми нитями, которые тускло поблескивали в пламени очага. Все вокруг несет на себе отпечаток зла, все говорит о запустении и власти тьмы.

Фрау Бухнер стала первой жертвой Влада. И теперь я жду, когда наступит мой черед.

Брам, брат мой! Я пишу это для тебя. Если ты обнаружишь мои предсмертные записи, знай, что я люблю тебя и безмерно сожалею о тех страданиях, которые тебе причинил...

Глава 14

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

27 ноября 1871 года

К замку Влада мы подъехали уже после полуночи. Таким я и представлял себе мрачное, зловещее логово этого вампира. Замок был построен несколько веков назад. Судя по толстым стенам из серого камня, он возводился как крепость, которая способна выдерживать набеги завоевателей.

Не знаю, какие чувства вызывал этот замок у тех, кто пытался взять его штурмом. У меня, признаюсь, упало сердце. Где-то внутри каменной громады находились мой малыш и Стефан. Но где? Ни в одном из множества окон я не заметил даже тусклого света. Я не знал, что и думать. Прочитав мои мысли, Аркадий шепнул:

– Покои Влада находятся в самом центре замка. В них нет окон, так что света вы все равно бы не увидели. Но Влад сейчас там, я это чувствую. Когда мы туда доберемся, вы убедитесь, что я вас не обманываю.

Его слова отнюдь не рассеяли моей нервозности, поскольку нам, если верить Аркадию, предстояло углубиться в эту каменную ловушку. А тут еще небо, словно нарочно, окончательно заволочло густыми тучами, скрывшими луну и звезды. Погода существенно испортилась – снегопад усилился, и хлопья мокрого снега, постоянно опускаясь на ресницы,

слепили глаза. Аркадий бесшумно выпрыгнул из коляски и привязал взмыленных, тревожно пофыркивающих лошадей неподалеку от главного входа. Я снова засунул руку в карман и, коснувшись черного мешочка, ощутил непонятное успокоение.

– Наденьте одно из распятий, – велел мне Аркадий. – Только учтите: оно в одинаковой степени действует и на Влада, и на меня. И еще: вам понадобится кое-что из вашего докторского саквояжа. Хлороформ, если он у вас есть, или какое-нибудь снотворное. Но все эти средства должны быть у вас под рукой. Так что лучше приготовьте их заранее.

Аркадий выразительно посмотрел в сторону замка.

– Может случиться, что мы опоздали. Тогда Стефан вряд добровольно согласится пойти с нами.

Я берег остатки сил и уже не стал допытываться насчет смысла последней фразы. В моем докторском саквояже имелся пузырек с эфиром, который я держал для непредвиденных, чрезвычайных ситуаций. Я смочил этой быстро испаряющейся жидкостью носовой платок (пришлось затаить дыхание, чтобы самому не потерять сознание), затем сложил его, завернул в чистую полотняную салфетку и сунул в карман жилетки. После этого я вынул из черного мешочка распятие и надел себе на шею.

Аркадий сразу же отодвинулся от меня на некоторое расстояние (добавлю, что в течение всей этой страшной ночи он не переступал незримой границы). Мне стало гораздо спо-

койнее, ибо я больше не страшился Аркадия. А что касается доверия к нему... я слишком хорошо помнил смерть грузного старика.

– Пожалуй, я возьму весь саквояж, – сообщил я, собираюсь вернуться за ним в коляску.

– Он вам не понадобится, – возразил Аркадий.

– Как знать? Вдруг Влад или кто-нибудь еще что-то сделали с малышом или со Стефаном?

Лицо Аркадия посуровело.

– Если они что-то сделали с Яном, нам понадобятся другие средства, которых нет в вашем саквояже. А Стефана Влад будет беречь как зеницу ока. Само существование этого монстра зависит от вашего брата.

Я все-таки взял саквояж и направился к главному входу. Аркадий тихо вздохнул и с заметным трудом приблизился ко мне.

– Не сюда.

Я даже обрадовался, что не придется входить в эту массивную дверь, усеянную острыми металлическими шипами.

– Я поведу вас кратчайшим путем.

Мы двинулись вдоль стены. Под ногами хрустела пожухлая замерзшая трава. Мы шли мимо давным-давно заброшенных огородов и таких же одичавших виноградников, где лоза успела плотно обвить ближайшие фруктовые деревья. Изгороди покосились и сгнили – чинить их было некому. Некому было следить и за стенами замка, из которых нача-

ли вываливаться камни. Наверное, в былые времена в замке работала целая армия слуг. Аркадий сообщил мне, что все они разбежались, когда Влад нарушил тот самый договор.

Да, здесь могли обитать лишь живые мертвецы, и один из них был сейчас моим проводником. Аркадий двигался быстро и совершенно бесшумно, можно было подумать, что он скользит над мерзлой травой, поскольку даже скрипа его сапог не было слышно. Чего я никак не мог сказать о себе. Аркадий шел впереди, окруженный своим странным сиянием. Мне, во всяком случае, оно помогало не сбиться с пути в царившей вокруг кромешной тьме. Не знаю, подвержены ли вампиры страху, но человеческие чувства у Аркадия еще сохранились. Я заметил, как плотно сжались у него губы, а зрачки больших темных глаз сузились в щелочки. Видимо, оставаться внешне спокойным ему стоило изрядных усилий. Его состояние заставило меня выбраться из кокона собственных переживаний и страхов и по-новому взглянуть на этого вампира. Сейчас он страдал не меньше моего. Ведь его сын, как и мой малыш, тоже находился в плену у Влада. Но в отличие от меня Аркадий хорошо знал, чего бояться, и за эти знания он заплатил не только жизнью. А также он слишком хорошо знал это место, а потому ненавидел его.

Мы подошли к почти незаметной двери в стене. Прежде чем ее открыть, Аркадий повернулся ко мне. Распятие, висевшее у меня на груди, не позволяло ему подойти ближе.

– Когда мы войдем, я буду мысленно направлять вас и да-

вать необходимые подсказки. Мои слова вы услышите внутри себя. От вас же требуется молчание. Говорите, только если я вас о чем-то спрошу или в случае крайней опасности. Учтите, скоро Влад и Жужанна узнают о вашем присутствии. Они будут слышать даже ваше дыхание.

– А ваше? – спросил я.

– Нет. Они не будут знать, что я здесь, пока я сам себя не обнаружу. Потому я и говорил, что есть много такого, чему вы должны научиться. В частности, уменьшать жизненное свечение, присущее каждому живому человеку.

Глядя на мое виноватое лицо, он добавил:

– Не корите себя, что напрасно растратили время, пока мы ехали в поездах. Чтобы все это усвоить, требуется гораздо больше времени. И потом, вы, к сожалению, не отличаетесь восприимчивостью.

– Благодарю за комплимент.

Невзирая на мой ироничный тон, у меня задрожали руки, однако я тут же уверил себя, что они просто озябли.

Видимо, Аркадий хотел ответить на мою колкость, но подавил это желание и спокойно проговорил:

– Сейчас вам придется точно и беспрекословно выполнять все мои распоряжения. Понимаю, это вам не по вкусу. Вам не терпится броситься в логово Влада и потребовать, чтобы он вернул вашего сына. Но это может кончиться вашей гибелью, а то и кое-чем похуже. Влад – не просто вампир. Он еще и садист. При первой возможности он заставит тех, кто вам

дорог, мучить вас, а затем по его приказу вы поменяетесь ролями. Ослушаетесь меня – и поражение вам обеспечено. Поняли?

– Понял, – ответил я.

Честно говоря, я понимал только одно: мои сын и брат где-то совсем близко, и, чтобы побыстрее добраться до них, я был готов кивать и соглашаться абсолютно со всем, что он скажет.

Аркадий толкнул дверь, и мы очутились в замке. Я глубоко вздохнул и едва не закашлялся. Аркадий обернулся и предостерегающе покачал головой. Воздух, попавший в мои легкие, был начисто лишен кислорода. Похоже, внутренние помещения уже много лет не проветривали. Помимо затхлости, мой нос ощущал жуткое зловоние. В мозгу сразу возникла картина: повара, взявшиеся готовить обильное угощение, вдруг сбежали, оставив полусырую пищу гнить. Не знаю, насколько эта картина соответствовала действительности, но я не испытывал ни малейшего желания проверять свое предположение и был даже рад полной темноте. Единственным источником света служил Аркадий. Я следовал за ним, изо всех сил стараясь не стучать каблуками сапог по гулкому каменному полу.

Мы миновали несколько обширных помещений (не берусь гадать об их назначении и убранстве), затем начали подниматься по узкой винтовой лестнице с низкими каменными ступенями (я при своем росте спокойно перешагивал через

две и даже три ступеньки). Неожиданно Аркадий остановился и, не оборачиваясь ко мне, сказал (его слова прозвучали у меня в мозгу):

"На этом самом месте я впервые встретился с вашим отцом".

Помня его приказ не раскрывать рта, я стал вспоминать страницы маминого дневника, представляя себе, как происходила эта встреча.

Аркадий торопился, но все же сделал еще одну остановку – на этот раз перед громадным портретом, написанным в византийской манере, хотя и не столь явной. По обе стороны от портрета в настенных канделябрах горели толстые свечи. С холста на меня смотрел худощавый человек с орлиным носом, черными обвислыми усами и длинными черными кудрями, ниспадавшими ему на плечи. Вначале мне показалось, будто это Аркадий, но, приглядевшись, я понял, что ошибся. У мужчины на портрете были совсем другие – изумрудно-зеленые – глаза. Наверное, художник проявил фантазию, поскольку в жизни я ни разу подобного оттенка у людей не встречал. Одевание этого человека, шапка, украшенная перьями, да и сам холст были явно не из нашей эпохи. В нижнем углу картины я обратил внимание на щит с изображением летящего дракона, а в другом заметил, вероятно, фамильный герб весьма зловещего вида: голова здоровенного серого волка, покоящаяся на свернувшейся кольцами змее. Вспоминая записи в мамином дневнике, я решил, что это и

есть граф Влад, которого одни называли Дракулой (сыном дракона), а другие Цепешем ("Колосажателем", если перевести это слово с румынского). Скорее всего, портрет был написан в ту пору, когда Влад еще не стал вампиром.

Заметив, что мой взгляд устремлен на дракона, из спины которого возвышался двойной крест, Аркадий пояснил (его слова я опять услышал внутри себя):

"Это знак Ордена Дракона. Когда-то я по глупости думал, что Орден – всего лишь тайное политическое общество".

Мы продолжили путь и оказались в центральной части замка, где окон вообще не было. Узкий коридор освещался редкими канделябрами. Одна из дверей оказалась открыта настежь. Судя по громадной кровати, комната служила спальней. В очаге полыхал огонь и весело трещали дрова. Мебель да и вообще все убранство спальни отличались едва ли не королевской роскошью, но на всем лежал отпечаток запустения. Аркадий замедлил шаг и почему-то стал двигаться крадучись. Я последовал его примеру и пошел на цыпочках. Вскоре он остановился возле другой двери, которая была лишь слегка приоткрыта.

Аркадий замешкался. Он плотно прижал руки к телу и стиснул кулаки. Комната, находившаяся за дверью, вызывала в нем явное отвращение, которое он силился преодолеть. "Уж не ведет ли эта дверь в камеру пыток?" – подумал я, вспомнив, что Аркадий назвал Влада садистом.

Наконец Аркадий открыл дверь. Мы оказались не в каме-

ре пыток, а в гостиной, ярко освещенной вполне современной лампой. Здесь тоже горел очаг, возле которого стояло три кресла с высокими спинками: два мужских и одно женское. Кресла были поставлены так, чтобы собеседники могли без труда видеть друг друга. По центру между ними находился столик с граненым хрустальным графином и такими же бокалами. Огонь придавал содержимому графина и бокалов приятный оранжевый оттенок. Два бокала были полны, и чувствовалось, что к ним не прикасались. Третий, наоборот, был почти пуст, а на стенках, вдоль верхнего края, ясно просматривались следы губ.

Вся обстановка показалась мне вполне обычной и не внушающей опасений. Аркадий весьма настороженно разглядывал опустошенный бокал. Его лицо помрачнело. Я поймал его мысль: мы и в самом деле явились слишком поздно.

Затем Аркадий повернулся в сторону закрытой двери, из-под которой выбивалась полоска света, и я услышал в мозгу его голос:

"Они уже знают, что вы здесь. Скрыть ваше присутствие никак невозможно. Но оставайтесь здесь и не входите, пока я вас не позову. И заклинаю: ни в коем случае не смотрите им в глаза. Для этого вы еще недостаточно сильны".

Я послушно встал позади него, немного сбоку. В правой руке я держал саквояж, в левой – мешочек с распятием и облаткой. Я поклялся себе, что вскоре надену второе распятие на Стефана (малыш, рассуждал я, будет у меня на ру-

ках, под защитой моего креста). Как только мы выберемся из той комнаты, я сразу же запечатаю дверь облаткой. В правом кармане лежал пропитанный эфиром платок – на случай, если придется иметь дело с живыми пособниками Влада.

Аркадий выпрямился и замер. Я знал: он готовится к нападению. Лица его я не видел, но, скорее всего, он закрыл глаза и погрузился в глубокий транс.

Неожиданно в мозгу зазвучали его слова:

"Нужное нам помещение запечатано с трех сторон черными заклятиями. Мне приготовили ловушку, но мы ее используем против Влада".

Я мысленно ответил, что понял. Аркадий одобрительно улыбнулся, но его голос оставался серьезным.

"У Влада есть пособник из простых смертных. Этот человек даже сейчас находится где-то поблизости. Я слышу дыхание, шорох одежды... На нас могут напасть отовсюду и в любой момент. Будьте настороже".

Через несколько секунд в гостиную ворвалась некая незримая сила. Из дымохода с завыванием вылетел ледяной вихрь. Он мгновенно погасил огонь, а меня, обдав холодом, припечатал к стене. Вихрь взъерошил волосы на голове Аркадия, раздул полы его плаща, но отец Стефана даже не шевельнулся. Своей величественной позой он напоминал древнеегипетские барельефы с изображениями богов. Вихрь ударил в дверь, и она с оглушительным грохотом распахнулась.

Вплоть до недавнего времени я был убежденным рацио-

налистом, приверженцем науки, чем всегда гордился. Даже в детстве я не слишком-то любил сказки, поскольку в них все происходило необъяснимым образом. Я радовался, что в моем сознании нет места суевериям и предрассудкам. Но в то мгновение мой разум дрогнул. Порыв ветра открыл дверь не просто в другое помещение. Нет, за дверью лежал другой мир, и я знал (именно знал, а не предполагал), что это мир тьмы, мир, полный миазмов, управляемый и питаемый злом. Мое тело покрылось гусиной кожей, и похолодела спина. Я вдруг понял, почему в древности люди с таким отчаянием хватались за амулеты, бормотали заклинания, а сейчас исто-во крестятся и шепчут молитвы. Они чувствуют опасность и не знают, как от нее защититься. Мой скептицизм разлетелся вдребезги. Я был безмерно благодарен Арминию за черный мешочек. Одно то, что он находился у меня в руке, прибавляло мне спокойствия и уверенности.

Из-за спины Аркадия мне была видна лишь тесная передняя. Опасаясь, как бы меня не заметили, я медленно и осторожно двинулся вслед за ним. Аркадий шел быстро. Не знаю почему, но он стал смелее и увереннее. Пока я прятался за углом, он миновал переднюю и вышел в громадный зал с высоким потолком. Может, в давние времена здесь пировали сотни гостей, а может, это место являлось храмом, где служили мессу самому дьяволу.

Пространство слева было отгорожено тяжелым черным занавесом, спускавшимся с потолка до самого пола. Мне

оставалось только гадать, что скрывалось за ним. В дальнем конце зала, в серой каменной стене, виднелась еще одна дверь, плотно закрытая. Справа, на возвышении из темного полированного дерева, располагался старинный трон, к которому вели три ступени, и на каждой блестело инкрустированное золотом слово; все вместе они складывались в латинскую фразу: "Justus et pius".

По обе стороны от трона стояли высокие (в мой рост) канделябры, в которых горело множество свечей. На троне восседал тот самый человек с портрета, облаченный в малиново-красную мантию. Его голову венчала золотая корона, усыпанная рубинами. Но облик сидевшего заметно изменился. То был уже не мужчина средних лет, а старик. Его усы и кудри поседели, а лицо настолько исхудало, что казалось, будто бледная кожа натянута прямо на кости. Это лицо можно было бы принять за восковую маску, если бы не губы – ярко-алые, подобные рубинам в короне – и не глаза.

Его глаза... Пока я не увидел их, меня инстинктивно тянуло отвернуться от этого бескровного, мертвенно-бледного лица. По сравнению с Аркадием в нем не было и крупинки обаяния. Я сразу же понял, что передо мной чудовище, исчадие ада. Если когда-то он и обладал привлекательностью, она давно потускнела. Но когда я увидел его глаза...

Даже издали они приковывали к себе внимание. Два изумруда, то таинственные и мрачные, то вспыхивающие ярким блеском, подобно самоцветам чистой воды. Я рисковал

утонуть в зеленом омуте его глаз и позабыть обо всем остальном. Они манили, завораживали, точно пение сирен, брали в плен, не позволяя отвести взгляд. Но я вовремя вспомнил предостережение Аркадия и заставил себя оторваться от созерцания этих глаз.

Мой взгляд переместился на золотую чашу, которую Влад держал в своих костлявых руках. Ее украшал крупный рубин. Потом я опустил глаза еще ниже и только сейчас увидел Стефана.

Боже мой, Стефан! Живой, невредимый. На нем была его обычная одежда. Он сидел на каменном полу, возле возвышения, на котором стоял трон. Невзирая на царивший в зале холод, его жилетка была расстегнута. Стефан сидел, широко разбросав ноги, ладонями упираясь в пол позади себя. Чувствовалось, что он держится из последних сил и вот-вот упадет. Голова Стефана клонилась набок, нечесанные волосы закрывали лоб. Мой брат либо очень устал, либо его чем-то опоили.

Стефан, не отрываясь, смотрел на Влада. Только появление Аркадия заставило брата отвлечься от лицезрения омерзительного старика.

Он увидел своего отца. Сколько любви и благодарности было в его взгляде! Да и мог ли он испытывать иные чувства к своему спасителю? У меня радостно забилося сердце, а горло сдавил комок. Потом Стефан вновь повернул голову к трону, и я понял, *кому* адресован его взгляд, полный вос-

торга и обожания. Моя радость мгновенно превратилась в немой ужас.

– Здравствуй, Аркадий, – произнес Колосажатель.

Его мелодичный голос обладал такой же притягательной силой, как и глаза. Трудно было поверить, что эти слова произносит существо со столь безжизненным пугающим лицом.

– А мы давно ждали тебя. Ты же знаешь: обязанность каждого отца – привести ко мне своего старшего сына, как поступил, например, твой отец, своими руками надрезав твое запястье, дабы исполнить договор и определить твою судьбу.

Только сейчас я заметил на коленях Влада ритуальный нож, серебристое блестящее лезвие которого было окровавлено. Запястье Стефана стягивала повязка, сквозь белую ткань которой проступало небольшое алое пятно.

– Но ты опоздал, Аркадий, – все тем же мелодичным голосом продолжал Влад. – Ты сильно опоздал. Тебе нужно было прийти сюда в тот день, когда Стефан родился. А так нам пришлось очень долго ждать, чтобы разделить с тобою это мгновение семейного торжества.

Он поднял чашу. Я вспомнил мессы своего детства, когда священник поднимал чашу с вином, провозглашая его "кровью Христовой".

– Стефан, этим ритуалом я связываю тебя узами подчинения. Клянусь тебе: пока ты верно служишь мне, ни с тобой, ни с твоими близкими не случится никакой беды. Твоя кровь соединяется с моей кровью...

Стефан продолжал смотреть на него все с тем же обожанием (не знаю, чем было затуманено сознание брата – вином или вампирскими чарами). Аркадий метнулся к трону с намерением выбить чашу из рук Влада, но путь ему преградила невысокая темноволосая женщина в крестьянской одежде, в высоко поднятой руке сжимавшая распятие.

Аркадий отпрянул и громко крикнул:

– Абрахам!

Но я уже бросился к нему, подгоняемый любовью к Стефану и страхом за жизнь брата. Я несся изо всех сил, торопясь вклиниться между женщиной и Аркадием. Я без пояснений понял, какой помощи ждет от меня Аркадий: мне нужно было отвлечь внимание крестьянки на себя и освободить ему путь. По маминым записям и рассказам моего спутника я знал: вкусив крови Стефана, Влад подчинит его своей воле и будет знать все его мысли. Тогда уже никакие наши защитные меры ему не помогут.

Увы, я не мог передвигаться с нечеловеческой быстротой Аркадия. Пока я добежал до женщины, Влад успел перевернуть чашу и выпить капли крови Стефана. И в ту же секунду в зале раздался душераздирающий крик моего брата. Корчась от боли, Стефан обхватил руками голову. Его разум стал подвластен Колосажателю.

Может показаться, что я описываю последовательные события. Нет, все происходило почти одновременно. Крестьянка вскинула другую руку. В ней был зажат предмет,

сделанный из дерева и блестящей стали. Он тоже обладал отвращающими свойствами, но иного рода. Прежде чем я успел сообразить и хоть что-то предпринять, женщина подняла револьвер и выстрелила. Пуля ударила мне в левое плечо и прошла навывлет, задев дельтовидную мышцу.

Мне повезло: инерция бега продолжала толкать меня вперед, к выстрелившей крестьянке, которая от сильной отдачи сама потеряла равновесие. Налетев на женщину, я сбил ее с ног, запачкав своей кровью ее белый фартук. Она упала, выронив револьвер и крест.

Поднявшись на одно колено, я выхватил платок, смоченный эфиром. Не давая женщине сбросить меня или дотянуться до револьвера, я накрыл платком ее рот и нос. Другой рукой я придавил к полу ее запястье.

Женщина извивалась. Свободной рукой она била меня по лицу и груди. Невзирая на рану, я крепко держал свою противницу. Но вот ее удары стали слабеть, а затем и вовсе прекратились. Когда я понял, что она потеряла сознание, сразу же убрал платок, иначе эта крестьянка могла уснуть навсегда.

Только теперь я ощутил боль в плече и головокружение. Я опустил на пол возле возвышения и попытался собраться с мыслями. Платок я поспешил убрать обратно в карман, чтобы самому не нанюхаться паров эфира. В тот момент я не обратил внимания, что между Аркадием и Владом находились сразу три распятия: одно на полу (его выронила крестьянка),

другое у меня на шее, а третье – у меня же в кармане.

Повторяю: описание произошедшего занимает гораздо больше времени, чем сами события. Кровь, выпитая Владом, крик Стефана, выстрел и моя борьба с крестьянкой – все это длилось считанные секунды. Я лежал на холодном полу. Аркадий находился слева от меня, Влад – справа. В голове шумело. словно издали, я слышал, что Аркадий велит мне встать и отойти подальше от трона. Встать я не мог. Неимоверным усилием воли я заставил себя сесть.

Казалось, Влад только этого и дожидался. Он швырнул чашу в каменную стену. Я думал, что чудовищный удар сплющит ее, но старинное золото выдержало, только на кромке появилась глубокая вмятина. Влад вскочил с трона, сжимая в руке блестящий нож (еще немного, думал я, и суставы пальцев прорвут истончившуюся кожу). Но самая удивительная метаморфоза произошла с его глазами: из изумрудно-зеленых они стали огненно-красными.

– Лжец! – загремел он.

Голос Влада утратил всякую мелодичность, став громом, ветром преисподней, разносящим беспощадное адское пламя. С алых губ капала слюна; они изогнулись, обнажив пасть, усеянную острыми, смертельно опасными зубами. Пасть хищника. Дракона.

– Предатель! Обманщик!

В ту минуту я не слишком понимал, к кому обращены эти слова: к Аркадию, Стефану или ко мне. Теперь мне думает-

ся, он обращался к каждому из нас.

Наконец я сумел отползти в сторону. Влад сразу же слетел с трона. Нет, не вскочил, а именно слетел, будто хищная птица, настолько невообразимо быстрыми были его движения. Его ноги – я это видел – не касались ступеней. На мгновение малиново-красное облако скрыло золотые буквы его девиза и тут же столкнулось с другим облаком, черно-белым. Поединок вампиров начался.

Человеческий глаз был не в состоянии уследить за схваткой Влада и Аркадия. Их носило по залу из конца в конец, и тогда у меня в ушах свистел ветер. Они сталкивались, и я слышал грохот камнепада. Так продолжалось, пока Аркадий не схватил своего более старого и слабого противника и не швырнул прямо на черный занавес. С головы Влада упала корона и, гулко ударившись о пол, покатила по каменным плитам. Влад уцепился за занавес, но тот не выдержал его веса и с громким треском лопнул по горизонтали. Верхняя половина осталась висеть, а нижняя беззвучно осела на пол.

Я не ошибся в своих предположениях: в замке действительно существовала средневековая камера пыток, и располагалась она прямо в "тронном зале" Влада! В полумраке виднелась дыба, блестели смазанные острия деревянных колев разной длины и толщины. К стене крепилось несколько пар черных железных кандалов, в одной из которых...

Боже, дай мне силы написать об увиденном. Зрелище это было в высшей степени прискорбным и столь же непристой-

ным. Я почти сразу же отвел глаза, будто в них плеснули кислотой. Однако увиденное крепко врезалось мне в память; боюсь, эта ужасная сцена останется со мной до конца моих дней.

Подвешенное за руки, у стены чуть заметно раскачивалось тело грузной пожилой женщины, совершенно обнаженной и явно мертвой – тело ее уже успело приобрести сероватый оттенок. Ее ноги с синими набрякшими венами чуть-чуть не доставали до пола. Руки были разведены в стороны. Слава Богу, опущенная голова скрывала от меня ее лицо. Но я видел ее волосы – почти совсем седые, они были убраны в аккуратную косу, обвитую вокруг головы. Соски больших обвисших грудей почти касались внушительного дряблого живота. Эту старческую плоть прочерчивали красные полосы с рваными краями. Из исторических книг я знал, что такие следы оставляет "кошка" – страшная плеть, усеянная гвоздями.

Жуткое зрелище заставило Аркадия на миг забыть о поединке. Но этой секундной заминки Владу хватило, чтобы перейти в наступление. В его белой, жилистой руке блеснул ритуальный нож (в спешке покинув трон, он не забыл прихватить с собой оружие!). Я не успел и глазом моргнуть, как серебряная стрела понеслась по направлению к Аркадию. Он попытался перехватить нож в полете (я увидел метнувшееся навстречу клинку черно-белое облако). Увы...

Нож предназначался не Аркадию (вампира ножом не

убьешь). Нет, целью Влада было сердце моего брата.

Сердце моего брата.

Стефан, страдания, которые ты мне причинил, не идут ни в какое сравнение с той болью, что я испытал, увидев, как ты умираешь. Я всегда буду виноват перед тобой за то, что не сумел спасти тебя.

Но зачем Владу понадобилось убивать Стефана? Мне его поступок представлялся откровенным безумием. Насколько я понимал смысл договора, Влад должен был сделать все ради защиты сына Аркадия, ведь гибель Стефана подписывала ему смертный приговор. Колосажатель явно потерял рассудок, и это было настолько неожиданным, что мы с Аркадием застыли от ужаса и недоумения.

Стефан всего раз пронзительно вскрикнул и упал на спину. Меня потрянуло, как от удара электрическим разрядом. Превозмогая боль, я встал и, шатаясь, побрел к Стефану, влоча за собой саквояж.

Все лекарства, которые там лежали, уже не могли помочь моему брату.

Мы с Аркадием опустились возле него на колени. Нож Влада вошел Стефану в сердце по самую рукоятку. Рубашка и жилет были залиты кровью. Кровь продолжала вытекать из раны, заливая пол и мои колени. Я представил, что вполне мог бы оказаться на месте Стефана.

Я не решился извлекать нож – это лишь добавило бы брату мучений. Его лицо приобрело землистый оттенок, лоб по-

крылся испариной. Стефан поднял на меня угасающие глаза. Они были полны неистовой, безграничной любви.

Говорить он уже не мог. Я не знал, кому предназначался этот прощальный взгляд: то ли Стефан все еще находился под чарами Влада, то ли он узнал мое лицо. Но сейчас я уверен: его взгляд был обращен ко мне. В последние мгновения мы вновь стали одной семьей, и все зло, окружавшее нас, было бессильно помешать.

Стефан умер на наших руках, тихо и с любовью покинув этот мир. Охваченный горем, я не придавал значения громким шагам, раздавшимся за закрытой дверью, и не поднял головы, когда она распахнулась. Появись сейчас в зале кто-нибудь из живых людей – пособников Влада, я оказался бы для них удобной мишенью. Я совершенно не воспринимал то, что происходило вокруг. Мне казалось, что мир зла, в который я попал, диким образом нарушил свои же законы и совершенно обезумел.

Женский крик все же заставил меня поднять голову. На пороге стояла поразительно красивая женщина с длинными черными волосами. Черты ее лица выдавали родство с Аркадием и Владом. Наверное, это и была Жужанна. Она в ужасе взглянула на мертвого Стефана, затем перевела взгляд на Влада, который стоял рядом со своим тронem, едва ли не дрожа от гнева.

– Дура! – с нескрываемой злобой крикнул он женщине. – Напыщенная, безмозглая шлюха! Ты привезла мне *не того*

человека!

И женщина, и Аркадий, и даже я, невзирая на свое горе, — мы все невольно вскрикнули, услышав эти слова. Я не понял смысла этих слов; я вообще ничего не понимал. Почему Влад убил не меня, а Стефана? Почему сейчас, протянув ко мне руку, он говорит какие-то странные слова?

Глаза Влада вновь стали изумрудными. Бархатным, нежнейшим голосом он произнес:

— Стефан, дитя мое, здесь ты родился, и судьбой тебе было предначертано сюда вернуться. Подойди же ко мне...

Глава 15

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Тело моего брата остывало. Рот полуоткрылся, глаза подернулись пеленой, и в них уже не было ни любви, ни страдания. Взбешенный глумливыми словами Влада, я поднял голову и посмотрел на чудовище, убившее одного из самых близких мне на свете людей.

Но почему, почему Влад назвал меня его именем? Или он решил поиздеваться надо мной?

– Меня зовут Абрахам, – сказал я, нарушив запрет Аркадия.

Если бы Аркадий мог, он встряхнул бы меня за плечи. Но невидимая преграда, созданная распятием, не пускала его, и он мог только сердито крикнуть:

– Я же предупреждал: не говорите с ним!

По своей глупости я решил, будто ненависть служит достаточной защитой от магнетических зеленых глаз Влада. Я был слишком переполнен горем, чтобы выкрикивать ему в лицо гневные проклятия. Да и что они для вампира? Моим единственным оружием был взгляд. Я глядел на Влада так, словно мои глаза могли пронзить его ответным смертельным ударом.

Но на мою ненависть он ответил все тем же нежным, бар-

хатным голосом, призывно протянув ко мне руку:

– Нет, мой дорогой внук, при рождении тебя назвали Стефаном. А имя, которое ты привык считать своим, мать дала тебе, когда взяла в дом приемного сына. Взяла с жестокой, отвратительной целью отнять у тебя первородство и обмануть всех нас. Как вижу, она сумела обмануть даже твоего отца.

Аркадий умолял меня молчать, но его голос звучал откуда-то издалека и совсем тихо. Я глотнул воздуха и спросил:

– Откуда... откуда вам все это известно?

– Кровь, дитя мое, никогда не лжет. А я попробовал его крови. Твоя мать решила схитрить и обмануть нас обоих. Она так и не осмелилась сказать правду этому лже-Стефану. Несколько дней назад она еще сильнее затуманила ему мозги своими глупыми наставлениями. Видишь, что написано на этих ступенях? "Justus et pius". Да, дитя мое, я жесток, но только к тем, кто нарушает договор. И наказание за предательство всегда одно – смерть.

Перечитывая написанное, я ощущаю в словах Влада то, что увидел бы любой врач: манию величия, исключительное любование собственной персоной и полное равнодушие к человеку, которого он убил. Но когда эти слова лились из его уст, они казались мне вполне логичными. Более того, в его звучном, красивом голосе я ощущал искреннюю любовь. Влад пленил меня своим взглядом, и я почувствовал, что меня снова затягивает в темный, чувственный водово-

рот. Схожие ощущения я испытывал тогда, в поезде, когда Аркадий едва не лишил меня жизни. Где-то далеко остался страх, желание отомстить и выбраться из этой пропасти. Состояние эйфории было намного сильнее. Я погрузился в него, всем существом предвкушая обещанные запретные наслаждения. Возможно, нечто подобное испытывают курильщики опиума, и это заставляет их вновь искать встречи с коварным зельем. Куда-то исчезло горе; я был вполне счастлив и испытывал удивительную, неземную радость. Почему бы мне не остаться здесь, в замке? Зло восторжествовало, но считать ли это своим поражением? Усилия Влада оказались не напрасны; он жесток, но справедлив и никогда не причинит мне вреда. Меня окружают заботой, я ни в чем не буду нуждаться. Стоит мне только пожелать, и страдания никогда больше не вторгнутся в мою жизнь. Борьба со своей истинной судьбой – это из-за нее я испытал столько боли, а если я покорюсь, если признаю власть своего далекого предка, ни мне, ни моим близким уже не будут грозить никакие беды. Вся моя жизнь пройдет в дремотном блаженстве...

Я встал, совсем забыв, что у меня на брюках даже еще не подсохла кровь Стефана, а рукав рубашки, жилет и плащ насквозь пропитаны моей собственной. Равнодушный к призывам Аркадия, звучавшим у меня в ушах и в мозгу, я шагнул в направлении трона. Правой рукой я сорвал с шеи распятие. Крест раскачивался на цепочке. Оставалось лишь разжать пальцы. Я чувствовал себя девственницей, готовой уступить

соблазнителью и на мгновение остановившейся у последней черты, откуда еще можно повернуть назад. Крест оставался единственной преградой, за которой меня терпеливо ждал Влад, удивленный и замороженный таким поворотом событий.

Ничто не могло пробиться сквозь мою блаженную дремоту, помешать мне отшвырнуть крест и послушно застыть перед тронem: ни крики Аркадия, ни то, что он в отчаянии встал на моем пути, ни даже труп несчастного Стефана. Ничто, кроме до боли знакомого голоса. В соседнем помещении захныкал мой сын. Вскоре оттуда появилась Жужанна с моим ангелочком на руках.

Она остановилась на пороге. Увидев меня, малыш – мое сокровище – весь просиял. Ян был цел и невредим. Хныканье оказалось обычным капризом здорового ребенка. На его круглых щечках играл свежий румянец. Только сейчас я понял, насколько сильно тосковал по моему маленькому сыну. Появление Яна вывело меня из ступора – ко мне вернулась и душевная, и телесная боль, но теперь им противостояла ошеломляющая радость.

Зажав крест в ладони, я протянул руки к малышу и позвал его по имени. Ян звонко засмеялся (каким бальзамом пролился его смех на мое истерзанное сердце!) и тоже потянулся ко мне.

– Папа! Папа! Летать! Летать! – закричал он.

Я кинулся было к нему, но Аркадий вновь оказался у меня

на пути. Его лицо пылало диким гневом, совсем как у Влада. Однако ярость его была направлена не на меня, а на прекрасную вампиршу.

– Жужанна! Как ты могла столь мерзостно предать меня? Ты, моя родная сестра?

Я не понимал, почему Аркадий не пускает меня к сыну. Я несколько раз пытался его обойти, но он снова и снова оказывался передо мной. При этом он еще успевал осыпать упреками свою сестру:

– Почему ты предала меня? Каким же бессердечным чудовищем ты стала, Жужа, если способна на такое! Да ты и в самом деле просто его шлюха, готовая выполнять любые приказы своего повелителя!

Мой малыш сумел выскользнуть из рук Жужанны и упал на пол. Обычно такие падения заканчивались громким ревом, но сейчас Ян молча и с каким-то недетским проворством вскочил на ноги.

Лицо Жужанны покраснело от гнева, по ее щекам потекли крупные злые слезы. Я ожидал, что она накинется на брата. Но нет, Жужанна предпочитала бить словами.

– А в кого превратился ты, Каша? – с неистовством прошипела она, превращая каждое слово в удар хлыста. – Уж не хочешь ли ты сказать, что все эти годы оставался благородным и незапятнанным? Скольких убил ты, корча из себя мученика и лелея мечту об отмщении? Только ли ради спасения сына ты продлевал свое существование, высасывая

их кровь? Или тебя тоже притягивает и возбуждает странная жизнь, на которую мы обречены? Если нет, тогда что мешает тебе отправиться в ад и наслаждаться вечными муками?

Обвинения Жужанны достигли своей цели. Аркадий оторопело застыл. Его замешательство продолжалось считанные секунды, но я успел обойти его и с раскинутыми руками устремился к моему малышу, радостно вопившему:

– Папа, летать!

– Конечно, мой ангелочек, – не помня себя от счастья, ответил я.

Я начисто позабыл, где мы с ним находимся и кто нас окружает. Мною полностью завладело одно-единственное желание – подхватить сына на руки и доставить ему удовольствие, отправив в «полет». Я ждал, что Ян побежит мне навстречу, но вместо этого малыш подпрыгнул и с невероятной скоростью полетел по воздуху.

– Папа! Ян летает!

Подлетев ко мне, малыш завис в воздухе. Его золотистые кудри находились совсем рядом с моими протянутыми руками. Я попытался его поймать, но Ян взмыл вверх, и счастливая детская улыбка сменилась отвратительной гримасой.

У меня упало сердце. Я смотрел на малыша, застыв не от гипнотического блеска его голубых глаз, цвет которых он унаследовал от бабушки, а от ужаса. Умом я уже понимал, в кого он превратился, но все равно отказывался верить. Не опуская руки, сжимавшей распятие, я закрыл глаза, ин-

стинктивно чувствуя опасность невинного детского взгляда. В мозгу зазвучали слова Аркадия:

"Абрахам, нам его не спасти. Он потерян. Мы должны немедленно выбираться отсюда".

– Но я не могу оставить здесь своего ребенка, – прошептал я. – Вы хотите, чтобы я бросил собственного сына?

"Поверьте, большего зла ему уже не причинят. А мы сейчас не в состоянии ему помочь".

Аркадий, конечно, был прав, и все же я колебался, упрямо не желая принимать страшную правду. От недавней радости не осталось и следа. Усилием воли я заставил себя открыть глаза. Ян парил в воздухе невдалеке от моей руки. Личико его дышало недетской злобой. Отчаяние толкнуло меня на новую проверку: я стремительно приблизил к сыну распятие. Ян отпрянул и зашипел, как кот, окруженный стаей собак. Его пухлые губки раскрылись, и я увидел маленькие, но острые клыки.

– Оставь его! – приказал Аркадий.

Он резко взмахнул рукой, и невидимая воздушная волна едва не сбила меня с ног.

– Уходим, Брам! Мы тут бессильны. Твой сын мертв.

Аркадий находился слева. А справа пламенела малиново-красная мантия Влада. В моем воспаленном мозгу раздавался его чарующий голос:

"Примкни к нам, Стефан. Видишь, как твой бедный малыш соскучился по тебе? Я прошу у тебя совсем немного:

соверши со мной ритуал вкушения крови, и клянусь тебе, что вы вместе с сыном вернетесь домой. Уступи мне, и уже никакие беды не будут грозить ни тебе, ни твоим близким..."

Помимо его увещеваний я слышал настойчивый, хныкающий голосок Яна:

"Папа, пошли. Ну папа, пошли!"

Третьим был голос Аркадия:

"Брам, сын мой! Мальчик мой. Силой воли ты пошел в свою мать. Вспомни о ней и послушай меня..."

Дуэт Влада и Яна звучал гораздо громче и отчетливее, нежели его одинокий голос. Я находился в полной растерянности. Крест и цепочка лежали в моей ладони. Мне нужно было всего-навсего перевернуть ладонь.

Мой разум был практически парализован этим ментальным хором, но где-то на периферии сознания вдруг звякнул колокольчик, предупреждающий об опасности, – крестьянка поразительно быстро очнулась от забытья, в которое ее погрузил эфир, и поднялась на колени. Вероятно, тут не обошлось без мысленного приказа Влада, действовавшего сильнее, нежели наркоз. Женщина проползла мимо нас, направляясь к камере пыток. Она даже не взглянула на труп несчастной старухи, а скрылась за криво свисавшим куском бархатного занавеса.

Повторяю: эти события я отмечал где-то на самом краю сознания и даже не пытался анализировать, поскольку в моем разуме одновременно звучали слишком громкие и на-

стойчивые голоса Влада, Яна и Аркадия. Неудивительно, что лучше всех я слышал своего сына.

"Папа, ну пошли!"

Его голосок срывался, казалось, малыш вот-вот расплачется. Жужанна взяла его на руки и вполне по-матерински стала успокаивать: гладила по спинке и шептала ласковые слова. Совсем как Герда. Я не выдержал. Пальцы сами собой разжались, распятие упало на пол, и я шагнул к сыну.

Аркадий и Влад оба бросились ко мне, однако Влад оказался быстрее. Он крепко обнял меня за плечи, этим жестом приветствуя меня и одновременно заслоняя от моего прежнего мира. Рука вампира была холодной как лед, и у меня по телу побежали мурашки. Такая же ледяная рука, только невидимая, сковала мое сознание, поэтому страха я не испытывал. Меня стремительно несло куда-то вниз.

Я и в самом деле полетел вниз – Аркадий, подскочив сзади, вырвал меня из объятий Влада. Доли секунды хватило, чтобы я пришел в себя и услышал его настоящий призыв:

"Сын мой, беги!"

Падая, я инстинктивно раскрыл ладони. Обрушившись на пол, пальцами правой руки я наткнулся на что-то острое и вскрикнул от боли. Поглядев вниз, я почувствовал безмерное облегчение – под ладонью лежало распятие. Я сжал его в пальцах и, прежде чем встать, поднял голову. Взгляду моему предстало жуткое зрелище.

Аркадий и Влад вновь сцепились. Их схватка, как и в

первый раз, была ожесточенной: каждый пытался придавить противника к полу или, наоборот, отшвырнуть от себя. Вскоре я понял, что Влад загоняет Аркадия в ловушку. Из-за обрывков черного занавеса, пошатываясь, выбралась крестьянка. В побелевших кулаках она стискивала острый деревянный кол длиной в половину человеческой руки.

Кое-как я поднялся и выкрикнул единственное слово, прорвавшееся из самых глубин моей души:

– Отец!

Аркадий услышал. Я понял: он меня услышал. В суматохе сражения он успел встретиться со мной взглядом. В его глазах мелькнула любовь, благодарность и тревога за мою судьбу. Нам хватило доли секунды, чтобы осознать свое духовное и кровное родство. И этот же миг погубил Аркадия.

– Беги! – громко крикнул он мне.

Закружив моего отца, Влад с невероятной силой швырнул его в сторону занавеса. Прямо на кол, поблескивавший в руках крестьянки.

И Аркадия, и женщину по инерции понесло дальше. Лопнувший занавес обнажил еще один гнусный атрибут пыточной камеры – странный формы стол, залитый кровью. Рядом, на мясницкой колоде, были разложены ножи всех видов и размеров. Чуть поодаль громоздились колья.

Их обоих впечатало в стену. Широко раскрытые глаза Аркадия застыли от чудовищной боли. Кол пробил его тело насквозь – острый конец на несколько дюймов вышел из его

груди.

Позабыв про Влада, Жужанну и сына, я бросился к нему. Аркадий сполз на пол; тупой конец кола, торчавший из спины, не позволял отцу прислониться к стене. Ни крови, ни иной телесной жидкости я не увидел. Легкие вытолкнули остатки воздуха; этот звук был похож на вздох. Едва слышно Аркадий прошептал:

– Мери...

Врачебная привычка заставила меня бросить взгляд и на крестьянку. Судьба не пощадила живое орудие Влада. Женщина замерла в полусидячем положении. Ее голова неестественно склонилась набок, остекленевшие глаза помутнели. Я сразу понял, что у крестьянки сломана шея и жить ей осталось считанные минуты.

– Отец, – повторил я, но он меня уже не слышал.

В немом изумлении я наблюдал, как происходит обратное превращение бессмертного вампира в смертного (и умершего) человека. Подобно догоревшей свече, погасло его фосфоресцирующее сияние. Черные волосы у меня на глазах стали седеть. Лицо Аркадия быстро старело; не прошло и минуты, как передо мной был мамин ровесник. Каждая морщина его одряхлевшего лица означала боль и страдание. Его глаза уже не видели меня, но зато я видел застывшее в них отчаяние.

Был ли мой отец первым, кто взбунтовался против родового проклятия? Теперь уже не спросишь. А в мозгу до сих пор звучал его голос:

"Сын мой, беги! Беги!"

– Ну что, упрямец Аркадий? – смеясь, обратился к мертвецу Влад. – Сколько ты ни петлял, а вышло так, как я тебе предсказывал еще давным-давно. Ты по глупости вообразил, что стал равным мне по уму и могуществу. Никто не в состоянии меня уничтожить! Никто не обладает такой силой!

Не выпуская из рук Яна, Жужанна опустилась на корточки возле мертвого брата и зарыдала.

– Каша! Каша! – сквозь всхлипывания повторяла она. – Ты был прав. В какое же чудовище я превратилась! Прости меня!

Влад с ухмылкой бросил ей:

– Жужанна, сделай милость, избавь меня от своего лицедейства! Сейчас ты льешь слезы, а завтра и не вспомнишь про братца. Сама знаешь: его нужно было уничтожить. Мы и так слишком долго терпели. Или ты предпочла бы, чтобы вместо него погибли мы?

Все это я слушал, продолжая стоять на коленях перед телом Аркадия. Золотое распятие по-прежнему оставалось у меня в правой руке.

Влад снова приблизился ко мне. Казалось, будто его мантия густо пропитана свежей кровью. Он протянул ко мне свою призрачно-белую руку.

– Понимаю твою скорбь, дитя мое. Поверь, мне столь же тяжело, как и тебе. Я любил твоего отца, но предательства я не прощаю никому. Он посмел с помощью грязного обма-

на похитить тебя у меня, и за это наказан. Ты видел мою жестокость. Но я хочу, чтобы ты увидел и мою щедрость. Да, я щедр. Жужанна и твой сын это подтвердят.

Его зеленые глаза были устремлены на меня. Однако теперь я не позволил его чарам околдовать меня. Я перевел взгляд на бездыханного, разом состарившегося Аркадия, потом на истекшего кровью Стефана. Их тела были для меня единственной реальностью в этом зале ужасов, и они опровергли собой цветистые и лживые посулы Влада. Усилием воли я вытолкнул за границы сознания все, кроме невидящих мертвых глаз Аркадия и Стефана. Постепенно слова Влада превратились в отдаленный шум, оказывавший на меня не большее влияние, чем жужжание мухи.

Человеческий разум устроен таким образом, что, когда переполняется чаша страданий, он впадает в спасительное оцепенение, теряет способность чувствовать боль. Не будь этого мудрого природного механизма, сердце разорвалось бы от невыносимых мучений. Даже сейчас, когда я пишу о тех страшных событиях, я не могу одновременно оплакивать всех, кого потерял. Перед моим мысленным взором встают лица погибших родных, и моя душа отзывается острой болью. Но смерть каждого из них я переживаю по-своему, и вовсе не потому, что кого-то я люблю больше, а кого-то — меньше. Просто, уйдя из жизни, каждый из них унес частичку моего сердца.

Горе сломало основы рационализма, крепко державшие

мой разум, и остатки скептицизма рассыпались в прах в ту страшную ночь. Я был раздавлен, растоптан, смят. Что удержало меня тогда, не позволило капитулировать перед Владом? Опять-таки они – мои погибшие отец и брат. Я не мог покориться злу, с которым они боролись до последнего вздоха.

От золотого распятия исходило тепло и слабое покалывание. Я поднял крест высоко над головой, и Влад, уже нависший надо мной, был вынужден с глухим рычанием попятиться назад. По моей руке текла незнакомая сила. Я не размышлял о могуществе святого распятия. Я просто верил, искренне верил в его спасительную силу.

Я ринулся к двери. Захлопнув ее за собой, я разломил облатку и поспешно запечатал обе створки. Теперь я мог не опасаться, что вампиры погонятся за мной, ибо пока рука смертного человека не удалит мою печать, им не выбраться за пределы "тронного зала".

Только чудом я не заблудился в темных коридорах и сумел найти винтовую лестницу, по которой мы с Аркадием поднимались. Выбравшись через ту же боковую дверь, я попал из крошечной тьмы замка в белую мглу пурги. Я почти ошупью побрел в направлении главного входа, где мы оставили лошадей.

На сиденье коляски успел образоваться сугроб. Я прыгнул прямо в него, бешено тряхнул поводья, и мы понеслись прочь от замка, навстречу снежному вихрю. Потеряв отца,

брата, жену, ребенка, я уже не боялся сгинуть в трансильванской глуши. Я гнал лошадей, не зная, куда и зачем еду.

Глава 16

ДНЕВНИК МЕРИ УИНДЕМ-ВАН-ХЕЛЬСИНГ

27 ноября 1871 года

Всю прошедшую неделю я буквально не находила себе места. Если бы не Герда, я бы нарушила обещание, данное Аркадию, и последовала за ними в Трансильванию.

Но Герда теперь по-детски беспомощна. Наверное, такой ее когда-то увидел Брам в лечебнице для душевнобольных: лишенную дара речи, с отсутствующим взглядом, целиком погруженную в свой мрачный мир. Только из любви к сыну я не отправила ее снова в ту же лечебницу, где Герду ожидала бы одиночная палата и смиренная рубашка и где с ней обращались бы как с вещью, игнорируя ее истерзанную душу. Брам бы мне этого не простил.

Я тоже себе не прощу, если с ним что-либо случится. В любом случае, я никогда себе не прощу того, что уже случилось.

Сегодняшний день был самым тяжелым. Даже не верится, что всего каких-то две недели назад в этом доме звучали веселые голоса мужа, сыновей, внука. Теперь в комнатах тихо и пустынно. Герда все время молчит и сидит неподвижно, как большая кукла. Мне приходится кормить ее с ложки, мыть, одевать. Когда появляется солнце, я усаживаю бедняжку перед окном в надежде, что яркие краски дня пробудят в ней

хоть какие-то чувства и прорвут завесу, отгородившую ее от внешнего мира. Но она неподвижно застывает на стуле, не видя и не слыша ни меня, ни уличной суеты.

Тем не менее я разговариваю с ней. Упомянув о Бrame, Стефане и малыше, я намеренно придаю своему голосу уверенные и веселые интонации. Послушаешь меня и можно подумать, будто они отправились в увеселительную поездку и скоро вернутся домой. Этой внешне беспечной болтовней я и сама защищаюсь от тьмы, поломавшей жизни каждого из нас.

Зная, что Жужанна укусила Герду, я постоянно проверяю ранки, опасаясь любых перемен. К счастью, следы укусов до сих пор не зажили. Я считаю это благоприятным знаком. Насколько помню, когда-то у самой Жужанны в день ее смерти исчезли все ранки, оставленные зубами Влада. Пока что смерть Герде не угрожает. Но она почти ничего не ест, и я боюсь за ее здоровье. Я не рискую оставить ее одну в доме даже ненадолго – вдруг она причинит себе какой-нибудь вред? И еще один вопрос, не дающий мне покоя: если Герда все-таки умрет, в кого она превратится?

Нет, я не должна думать об этом. Сейчас мне не хватило бы ни физических, ни душевных сил совершить ритуал, необходимый в таких случаях.

Возвращаюсь к событиям нынешнего дня. Сегодня Герда впервые заговорила.

Она сидела за кухонным столом, а я стояла у плиты, по-

мешивая гороховый суп. Время близилось к вечеру, солнце опустилось совсем низко, и его последние лучи окрасили мир в оранжево-красные тона. Лица Герды я не видела, поскольку стояла к ней спиной, но продолжала по привычке разговаривать с бедняжкой. Я рассказывала ей, как добрые прихожанки местной церкви вновь принесли нам провизию. Днем я вымыла Герду, посыпала душистой пудрой, одела в красивое платье, надеясь, что это хоть немного порадует ее (да и меня тоже), и тщательно расчесала ее длинные волосы. Они темными волнами струились по худеньким плечам и спине Герды, а солнечные лучи придавали им пугающий красноватый блеск. Сама же Герда, как всегда, бездумно глядела в окно.

Ее громкий вопль оборвал меня на полуслове. От неожиданности я уронила ложку, и та со звоном ударилась о плитки пола. Обернувшись, я увидела, что Герда стоит, испуганно вытаращив глаза и широко раскрыв рот. Рядом валялся опрокинутый стул.

Простояв так пару секунд, она рухнула на колени, не переставая кричать. Я бросилась к ней, подхватила под локти и попыталась поднять.

– Герда, дорогая, что с тобой? Что случилось?

От ее надсадного крика, а вернее даже воя, все внутри у меня похолодело. Этот жуткий звук она издавала в тот страшный вечер, когда Жужанна похитила Стефана и Яна. Я продолжала допытываться, но Герда не отвечала. Она не

слышала меня. Закрыв глаза, Герда душераздирающе зарыдала. Все это так на меня подействовало, что я сама не смогла удержаться от слез. Я села на пол рядом с нею и обняла ее дрожащие плечи.

– Герда, что случилось? Прошу тебя, скажи мне.

К моему удивлению, она шумно глотнула воздух и простонала:

– Убили! Они убили Стефана! Они убили его!

У меня оборвалось сердце. Я пыталась себя успокоить логичным объяснением, что такая вспышка Герды только подтверждает ее сумасшествие, а ее истеричные выкрики – лишь плод больного воображения. Мой сын не может быть мертв.

Но я знала: разум Герды, пусть и не слишком прочно, связан с Жужанной. Материнский инстинкт подсказывал мне, что ее слова – не бред.

Горе захлестнуло меня. Я обняла Герду и на какое-то время окружающий мир перестал для меня существовать. Немного придя в себя, я стиснула руки Герды и начала допытываться:

– Дорогая, расскажи, как все случилось? Его мучили? А что с Яном? С Аркадием?

Но Герда только качала головой, не произнося больше ни слова. Глаза ее, покрасневшие и распухшие от слез, вновь сделались отрешенными. Я попыталась ее покормить, но она категорически отказалась есть, плотно стиснув губы. Тогда

я уложила Герду в постель (вряд ли она заснет) и пошла к себе, чувствуя потребность исповедаться самой перед собой.

Сын, мой сын! Я упрямо повторяю, что это неправда, что нельзя верить словам душевнобольной, однако сердце не обманешь...

Я – дважды убийца. По сути, это я убила Стефана, как некогда выпущенная мною пуля пронзила сердце Аркадия. Пусть мне неизвестны обстоятельства гибели Стефана, зато я знаю, почему его убили.

В течение всего первого года жизни в Амстердаме меня не покидал страх. Внешне мой сын был похож на меня, а не на Аркадия, но это не уменьшало моих терзаний. Что, если я промахнулась и мой выстрел не убил Аркадия? Что, если Влад не уничтожен и однажды разыщет нас и заберет у меня сына?

Страх не давал мне покоя. Потом возникла мысль: если я дам Стефану другое имя, выйду замуж за Яна-старшего и возьму его фамилию, это оградит нас от возможных посягательств вампира, Ян искренне хотел на мне жениться, но я не любила его. В моей жизни был только один человек, которого я любила и люблю поныне, – Аркадий.

Но Ян был добр и заботлив. Он убедил меня, что брачные узы сделают нашу жизнь безопаснее, а у малыша появится отец. И ради благополучия сына я дала согласие.

Вскоре кто-то подбросил на крыльцо нашего дома еще одного мальчика, совсем крошечного. Мы так и не узнали, кем

же были родители этого ребенка. Но Ян, только глянув на него, сказал, что малыш опасно болен и вряд ли выживет.

Мы взяли приемыша в дом. Меня в первый же день поразило, что цветом волос и глаз ребенок очень похож на моего дорогого Аркадия. У меня мелькнула греховная мысль, что, если мы усыновим малютку и примем в нашу семью? Мы наречем его Стефаном, и если когда-нибудь Влад сумеет разыскать нас, он наверняка даже не усомнится в том, что это и есть сын Аркадия.

Я решила: если Бог сохранит умирающему малышу жизнь, значит, он послан нам для защиты моего родного сына. Ребенок чудесным образом выжил. Мы усыновили его и назвали Стефаном.

Конечно же, я поступала жестоко и бессердечно, но в те дни я думала только о своем сыне, которого мы перекрестили в Абрахама. Ян не стал отговаривать меня, ибо знал, что мои страхи отнюдь не беспочвенны. Перемена имени не казалась ему чем-то предосудительным.

Итак, когда я назвала приемного сына Стефаном, а родного – Абрахамом (в честь отца Яна), мне стало легче. Светлые волосы и голубые глаза должны были убедить мир, что мой сын – из рода Ван-Хельсингов, а не Цепешей.

Но облегчение было лишь временным. Очень скоро я привязалась к приемному ребенку и полюбила его как родного сына. Прежние страхи вернулись. Понадобилось долгое время, чтобы они начали рассеиваться. Ян неизменно уверял

меня, что трансильванский кошмар больше не повторится. Да я и сама не видела причин пугать детей рассказами о кровавых ужасах прошлого, и уж тем более не собиралась еще раз менять мальчикам имена. Мы с Яном привыкли, что моего родного сына зовут Абрахам, а приемного – Стефан.

Стефан рос более эмоциональным, нежели Брам, и своей артистичной натурой напоминал мне Аркадия. Как ни странно, я привыкла считать его сыном Аркадия. И хотя Брам своей рассудительностью и уравновешенным характером пошел в меня, иногда в нем просыпались свойственные Аркадию скептицизм и решительность. Но я закрывала на это глаза, ибо боялась даже притрагиваться к прошлому, дабы оно не вернулось и не принесло нам новых бед.

А оно все-таки вернулось... Когда Аркадий спас Стефана и мой мальчик живым и невредимым вернулся из Брюсселя, я открыла ему всю правду и попросила прощения. Я хотела рассказать и Брам, предостеречь их с Аркадием, но Стефан не позволил. Он сказал мне тогда:

– Теперь это мое имя и моя судьба: я должен выполнить ту миссию, которую ты возложила на меня более двадцати лет назад, – защитить моего брата. И чем меньше будет тех, кто знает нашу тайну, тем больше у меня шансов справиться со своей задачей.

Потом, когда Жужанна похитила Стефана и маленького Яна и я услышала мучительное признание Герды, можно было бы подумать, что Стефаном двигало чувство вины и он

стремился искупить свой грех. Но я знаю его не хуже, чем родного сына. У Стефана доброе и мужественное сердце. Он любил Брама. Вина здесь ни при чем, он и так сделал бы все ради спасения брата.

Стефан! Храбрый мой мальчик! Прости меня. Я охотно согласилась бы погибнуть сама, только бы уберечь тебя от зла. Но теперь я могу лишь молиться о том, чтобы твой сон в Божьих руках был сладким и безмятежным и чтобы его не потревожили темные силы, ради уничтожения которых ты добровольно пожертвовал своей жизнью.

Глава 17

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Даже сейчас я не могу с уверенностью сказать, что именно побудило меня направить лошадей на юго-запад, в сторону ущелья Борго. Несомненно одно: какая-то часть меня жаждала смерти, другая, наоборот, – помощи. Страх я не испытывал, а единственным всепоглощающим желанием было скрыться, но не от Влада, а от нестерпимой душевной боли. И потому я был даже рад разыгравшейся пурге. Я был готов затеряться в белых вихрях, только бы навсегда стереть из памяти картины того, как на моих руках умирали брат и отец, а заодно и злобный взгляд моего маленького сына. Без помощи Аркадия у меня не было надежды на спасение.

Это просто чудо, что лошади не сорвались в пропасть, потянув за собой и коляску. Казалось, ветер дул одновременно со всех сторон, густо покрывая гривы и шкуры бедных животных. Насквозь промокший плед уже не давал никакой защиты – мои ноги от ступней до колен почти сразу промокли насквозь. Холод, сковавший их, поначалу вызывал острую боль, но довольно быстро она сменилась онемением, которое стало распространяться все выше: от бедер к животу, затем к груди, где вновь вспыхнуло обжигающей болью.

Состояние организма не пугало и даже не волновало ме-

ня, поскольку в сравнении с душевными муками оно казалось всего лишь пустяковым неудобством. Как врач, я понимал неизбежность обморожения, но и оно представлялось мне чем-то незначительным. Не слишком меня заботило и то, что лошади давно уже не бежали, а с трудом брели, постоянно проваливаясь в громадные сугробы. Краешком сознания, в котором еще сохранилась способность рационально мыслить, я понимал, что пропал, во всех смыслах этого слова.

Но лошади все не останавливались, а продолжали тащить заснеженную коляску дальше. Я, как смог, протер стекла очков и попытался оглядеться. Окрестный лес чем-то напоминал место, куда мы заезжали с Аркадием по пути в замок. Фантастическое укромное место, которое он назвал поляной Якова. Тогда мне и в голову не пришло спросить происхождение этого названия.

Вдруг лошади встали. Мои уговоры не действовали: коляска качнулась в последний раз и остановилась. Я попытался заставить лошадей повернуть назад, надеясь выбраться из снежного плена. Напрасно. Тогда я наконец понял, что лошади устали и не сделают больше ни шагу.

Жаль, если по моей вине несчастные животные погибнут. Себя я не жалел. Я лишь надеялся на то, что смерть окажется такой, какой я ее всегда представлял, – забытьем, где нет уже ни мыслей, ни боли. Где вообще ничего нет. Но теперь я сомневался в том, что меня ожидает именно такой

конец, поскольку действительность на самом деле оказалась совершенно непохожей на логичный, подчиняющийся научным законам мир, в который я привык верить. Почему-то раньше я не задумывался над тем, какое место в этой действительности занимают пороки и зло. И если в ней существует такое чудовище, как Влад, можно ли сомневаться в существовании ада и рая?

Я скрючился под мокрым пледом и закрыл глаза, готовый покориться судьбе. В голове пронеслись мысли о Герде, теперь такой далекой во всех отношениях. Потом я вспомнил про сына, у которого украли будущее. Перед мысленным взором мелькнули лица Аркадия и Стефана. Пожалуй, брату повезло больше, чем мне: для него все страдания окончились.

Последней, о ком я вспомнил, была мама. Мне подумалось: она ведь не переживет гибель обоих сыновей. Я увидел ее лицо. Думаю, именно оно не позволило мне капитулировать перед разбушевавшейся стихией и своим безраздельным отчаянием. Я открыл глаза, смахнул с ресниц снежинки и выбрался из коляски.

Снега намело по пояс, и я едва переставлял ноги, но все же что-то влекло меня в лес. Спотыкаясь, я брел между заиндевевшими стволами сосен. Стоило хоть слегка задеть нижние ветви, как на меня обрушивалась снежная лавина. Что есть мочи я выкрикивал имя Арминия. Пурга заглушала мой голос, и эхо, если оно и было, сливалось с завываниями ветра.

Я продолжал звать Арминия. Даже не знаю, как правильнее охарактеризовать мои неистовые крики. Я требовал помощи? Вряд ли. Разве я мог что-либо требовать от него? Призывом? Тоже нет. Они, скорее, были моей молитвой – молитвой отчаявшегося человека, который уже не надеется на ответ.

– Арминий! Арминий! – выкрикивал я снова и снова.

Наступил момент, когда одеревеневшие ноги отказались мне повиноваться. Я упал в рыхлый снег.

Вот оно, окончательное поражение. Никогда еще смерть не казалась мне столь желанной. Я вздохнул, расставаясь во всеми надеждами, страхами и даже мучительными воспоминаниями о своих близких. А снег все падал и падал, неумолимо погребая меня в своей пушистой толще. Я почувствовал, как по телу разливается приятное тепло, и погрузился в темноту и безмолвие.

* * *

Опять-таки не знаю, сколько времени я пролежал в этой темноте. Потом рядом со мной появился Аркадий. Не вампир, но живой человек. Его волосы и усы были тронуты сединой, а добрые глаза смотрели с нежностью и печалью.

"Брам, пора тебе ознакомиться с твоим наследием. Пошли..."

Он вывел меня из тьмы в раннее весеннее утро. Мы сто-

яли на холме, сплошь покрытом полевыми цветами. Невдалеке возвышался величественный дом. По голландским меркам его можно было бы назвать дворцом. Без сомнения, строился он намного позже, нежели замок, и его создатель многое заимствовал из итальянской архитектуры. Главное, он не подавлял зловещей угрюмостью, как гнездо Влада. Наверное когда-то этот дом знал по-настоящему счастливые времена, но они давно прошли. Что-то невыразимо печальное и даже трагическое ощущалось во всем облике дома. Трудно сказать, что заставляло меня так думать; возможно, буйно разросшийся плющ, закрывавший большинство окон, а может, я улавливал ностальгические мысли самого Аркадия.

Мы вошли в дом, и внутри нас встретило такое же запустение, что и ощущалось снаружи. Даже в утреннем неярком свете были отчетливо видны пыль и грязь, копившиеся годами, и общая обветшалость помещений.

В Голландии, как и в Германии, не принято выставлять свое богатство напоказ, и потому жилища весьма преуспевающих людей не особо отличаются от домов обычных бюргеров. В Трансильвании, похоже, существовали иные традиции. Меня поразили громадные коридоры и такие же громадные гостиные (число комнат, как мне думается, явно превосходило потребности любой, даже очень большой семьи). Убранство каждого помещения отличалось чрезмерной роскошью: дорогая мебель, множество массивных золотых и се-

ребряных канделябров (некоторые на два десятка и даже более свечей), кружевные скатерти тонкой работы. Стены украшали шпалеры и гобелены, какие я видел только в музеях. Парчовые сиденья стульев и кресел были расшиты настоящими золотыми нитями. Повсюду мне встречались большие турецкие ковры, вытканые из лучшей шерсти.

Комната, куда меня привел Аркадий, по-видимому, служила одновременно кабинетом и библиотекой. Две стены занимали шкафы с книгами, а на третьей располагались фамильные портреты, с которых на меня смотрели худощавые, темноволосые и темноглазые румыны. На последнем в ряду был изображен молодой Аркадий Цепеш. Художник нарисовал его сидящим. Короткие волосы были причесаны по моде тридцатилетней давности, усы тщательно подстрижены. На губах играла легкая, застенчивая улыбка, глаза (задумчивые и мечтательные глаза поэта) устремлены куда-то вдаль.

Рядом, положив ему руку на плечо, стояла моя мать: удивительно молодая (моложе, чем в моем раннем детстве) и очень красивая. В ее голубых глазах светилось нежное спокойствие, которое я всегда так любил. Ее лицо хранило выражение необычайной доверчивости. Даже по детству я помню его уже более суровым, с отпечатком боли, притаившейся в уголках ее глаз и губ.

– Стефан Джордж Цепеш, – тихо произнес Аркадий, вставая рядом со мной. – Так тебя называли при рождении.

Он заметил, что я смотрю на изображение юной блондин-

ки, еще не ставшей моей матерью, и улыбнулся. На мгновение я увидел перед собой того порывистого, мечтательного и полного надежд молодого человека, каким он был три десятка лет назад.

– Мать назвала тебя Джорджем – в честь святого Георгия, победившего дракона. А я...

Аркадий вдруг замолчал и низко склонил голову, превозмогая нахлынувшие чувства.

– ...я назвал тебя Стефаном в память о моем дорогом старшем брате, которого убил Влад.

Он грустно улыбнулся.

– Брам... теперь я понимаю, что ты не случайно унаследовал и цвет глаз, и характер Мери. Но в твоем лице я вижу и черты лица моей дорогой матери, а рыжеватый оттенок твоих волос свидетельствует, что тебе передалась капелька крови ее русских предков.

Аркадий кивнул в сторону коридора, ведущего к лестнице.

– Пойдем наверх, я покажу тебе твоё прошлое.

Подгоняемый любопытством, я последовал за ним. Я шел, пытаясь представить, как по этим коридорам и ступеням когда-то ходили мои совсем молодые родители. Аркадий привел меня в их бывшую спальню. На изящном туалетном столике, в серой бахrome пыли, стояла шкатулка с женскими украшениями. Тут же лежал овальный медальон. На небольшом письменном столе я увидел старое, еще гусиное перо и

квадратную чернильницу со следами давно высохших черных чернил. Неужели здесь были сделаны эти жуткие записи в мамином дневнике?

С бывшей спальней родителей соседствовала детская – небольшая комната, где стояла старинная колыбель из красноватого дерева. На стене висела икона с изображением святого Георгия, пронзающего копьём дракона. Возле колыбели на полу валялись смятые подушки и одеяла. У окна я заметил странный венок из сухих, почти рассыпавшихся в пыль цветков чеснока. Я сразу вспомнил мамин дневник. Кажется, мама писала, что ей пришлось прятаться в какой-то комнатке, опасаясь нападения Влада.

В мозгу у меня зазвучал голос Аркадия:

"Да, сын мой, здесь твоя мама скрывалась в последние дни перед твоим рождением. А теперь идем дальше..."

Мы вышли из дома и вернулись на цветущий холм. Еще когда Аркадий вел меня сюда, я заметил небольшую часовню с высоким куполом, построенную в византийском стиле. Дверь была не заперта. Внутри стены покрывала красивая и яркая византийская мозаика. Я легко узнал библейские сюжеты картин: Благовещение Марии; Петр, отрекающийся от Христа и слышащий крик петуха; великомученик Стефан, пронзенный стрелами. В другом конце часовни находился маленький алтарь, с которого почему-то были убраны все религиозные символы.

Часовня служила также и усыпальницей. В одной из стен

были устроены особые ниши, на каждой из которых блестела золотая табличка. Имена и даты были разными, неизменным оставалось одно слово: Терес.

– Что значит Терес? – вполголоса спросил я.

Аркадий вновь ответил мне мысленно:

"Оно произносится как Цепеш и по-румынски означает "Колосажатель". Это прозвище Влада, ставшее потом его фамилией, которую носили впоследствии все его потомки. Когда же Влад стал вампиром, крестьяне дали ему другое прозвище – Дракула, что значит "сын дракона", а также "сын дьявола". Превратившись в вампира, я тоже стал именовать себя Дракул, поскольку это больше соответствовало моему образу жизни. Я не хотел позорить своих предков и осквернять фамилию Цепеш".

Я задумчиво разглядывал имена и даты на золотых табличках. Захоронения были очень старыми – почти четырехсотлетней давности. В какой-то момент я почувствовал, что мы здесь не одни. Пространство часовни наполнилось призрачными человеческими фигурами, одетыми в костюмы своей эпохи: один – в короткой жилетке, какие носили во времена Наполеона, другой – в средневековом камзоле и шерстяных чулках. Кого-то из них смерть настигла совсем молодым или в расцвете лет, но такие встречались редко. Чаще я видел седые волосы и морщинистые, утомленные жизнью лица. Но главное, что объединяло их всех, – невыносимое страдание в глазах. Мне было не выдержать их взглядов.

"Все эти люди – твои предки, Брам. Семнадцать поколений. Их души мучаются сейчас в аду. Они пошли на это еще при жизни, чтобы Влад не посягнул на благополучие их близких. Все они – старшие сыновья в каждом поколении, вынужденные стать пособниками Влада и заботиться о его пропитании. Иными словами, находить и поставлять ему жертвы, чтобы он не испытывал недостатка в крови. Эти люди отдавали ему собственные души и тем самым продлевали существование Колосажателя. Я принадлежу к восемнадцатому поколению; благодаря моей душе Влад жив и поныне. А ты, Брам, – старший сын в девятнадцатом поколении".

Неожиданно часовня куда-то исчезла. Я попал в "тронный зал" Влада, где погибли отец и брат. И вновь Колосажатель восседал на троне, облаченный в малиново-красную мантию, с золотой короной на голове. Он сиял, словно солнце, решившее опуститься на землю; он был горделив и свирепо красив. Влад совершал ритуал вкушения крови в самый первый раз, обрекая невинную душу на вечное проклятие. Голосащий младенец, которому отец, не скрывая горьких слез, надрезал ритуальным ножом палец и выдавил в золотую чашу несколько капель крови... Влад, поднесший чашу к губам и выпивший эту кровь...

Передо мной, поколение за поколением, повторялась страшная картина: семнадцать сломленных горем отцов, семнадцать невинных младенцев, принесенных на заклание.

"Пусть это закончится на мне, – услышал я голос Арка-

дия. Самого его рядом не было. – Брам, мальчик мой, я хочу, чтобы это проклятие исчезло вместе со мной".

Зрелище продолжалось, но теперь я следил за происходящим откуда-то с высоты. С каждым поколением Влад играл в одну и ту же игру, и каждый раз выходил победителем – сталкивал очередную душу в преисподнюю. Он наслаждался ужасом и страданием очередного старшего сына, осознавшего, кем на самом деле является щедрый "двоюродный дедушка" Влад и чем придется платить за эту щедрость.

Увидел я и то, как соблюдался договор, заключенный между Владом и окрестными крестьянами. Замок был полон слуг, поля не испытывали недостатка в работниках. Подобно любому крупному феодалу, Влад заботился о пропитании своих людей и защищал их. Они, в свою очередь, глухо молчали о страшных пристрастиях своего господина, и потому беспечные путники, которых заносило в здешние края, и "гости", которых заманивали в замок любезными приглашениями Влада и его пособников из рода Цепешей, бесследно исчезали.

Договор соблюдался вплоть до того дня, когда почти тридцать лет назад Влад дерзнул его нарушить, сделав Жужанну подобной себе. Он утверждал, что пошел на это из жалости к убогой, обреченной на одиночество сестре Аркадия. Слухи о новой воявленной вампирше мгновенно распространились по деревне. Крестьяне испугались, что следующей жертвой может стать любой из них. Деревня опустела. В замке не оста-

лось никого, кроме самого Влада и двух его сожительниц – вампирши Жужанны и ее горничной Дуни, еще живой, но после укуса Влада ставшей его послушным орудием.

Я вновь увидел дом, по которому недавно меня водил Аркадий; увидел себя новорожденным младенцем. Меня нежно и заботливо держал на руках рослый блондин, которого я до недавнего времени считал своим родным отцом. Родители поручили меня заботам Яна Ван-Хельсинга и указали направление, в котором он должен ехать, а сами, сев в коляску, помчались в противоположную сторону. Аркадий гнал лошадей, отчаянно стараясь успеть до захода солнца пересечь реку. Мама сидела бледная, изможденная; роды были тяжелыми, и она чуть не умерла от кровотечения. Отец старательно укутал ее несколькими теплыми пледами. Боже, сколько отчаяния было на его молодом, красивом лице! Он то и дело подхлестывал лошадей, словно чувствовал, что им с мамой не вырваться.

Так оно и случилось. Последние лучи солнца погасли, но до спасительной реки было еще далеко. Из сумрачного леса выскочила стая волков и окружила коляску. Один с рычанием прыгнул, намереваясь вцепиться маме в горло, но отец уложил его выстрелом из револьвера.

Затем из темноты появился Влад и принялся угрожать маме. Он по-волчьи запрыгнул в коляску. Полы его плаща развевались, и в тот момент он был похож на хищную летящую птицу. Обнаружив, что меня в коляске нет, Влад взвыл от

ярости и был готов наброситься на маму. А она – моя храбрая мама – выхватила из отцовской руки револьвер и выстрелила.

Не во Влада, ибо вампира пулей не убьешь. С глазами, полными любви и горя, она выстрелила в моего отца. Аркадий принял этот, как он надеялся, смертельный для него выстрел с величайшей благодарностью.

Я услышал ржание перепуганных лошадей, они рванули с места и помчались, унося мою маму. Умиравший отец выпал из коляски на холодную весеннюю землю. Влад опустился перед ним на колени и заключил в свои зловещие объятия.

Родители верили, что их жертва не напрасна. Скончайся тогда отец от раны, договор потерял бы свою силу. Влад давным-давно был бы уничтожен, и нынешние беды не обрушились бы на нашу семью. А я так и оставался бы в счастливом неведении относительно того, какой ценой куплена моя свобода. Но Колосажатель перечеркнул благородные замыслы моих родителей: раньше, чем Аркадий испустил дух, Влад припал к его шее и выпил кровь.

И если первая смерть Аркадия едва не уничтожила Влада, то вторая принесла этому чудовищу дополнительные годы жизни.

Неужели я допущу, чтобы обе жертвы, принесенные отцом из любви ко мне, оказались напрасными?

"Пусть это закончится на мне. Брам, мальчик мой, я хочу, чтобы это проклятие исчезло вместе со мной".

Аркадий вновь стоял рядом. И вдруг у меня на глазах он начала меняться: стал ниже ростом, более худощавым и седым... пока вместо отца я не увидел этого таинственного старца Арминия.

Он одарил меня улыбкой мудрого простака и сказал:

– Договор, Абрахам, – это обоюдоострый меч. Понимаешь? Обоюдоострый.

– Не понимаю.

– Он наносит удары в обоих направлениях. Влад погубил немало душ своих потомков. Но если ты уничтожишь его, то освободишь их. И душу отца, и души всех остальных своих предков. Ты можешь спасти их.

* * *

Я проснулся и с удивлением обнаружил, что лежу не под снегом, а на узком и жестком соломенном тюфяке, укрытый одеялом из грубой домотканой шерсти. Сама комната, в которой я находился, да и ее обстановка явно принадлежала не девятнадцатому веку, а гораздо более ранним временам: закругленные глинобитные стены, сохранившие отпечатки рук их строителей, земляной пол, устланный соломой. Рядом с постелью я увидел грубо сколоченный столик, а на нем – старинную масляную лампу. Возле стены был сложен каменный очаг, в котором ярко полыхал огонь, дававший дополнительный свет и распространявший приятное тепло. За толстыми

ставнями окна (как и столик, они не отличались изяществом) продолжала завывать вьюга.

Я сел на постели. Кто-то заботливо снял с меня промокшую и задубевшую одежду, заменив ее кусачей шерстяной нижней рубашкой. На раненое плечо, которое я наспех перевязал в замке, была наложена новая повязка, тоже из домотканой материи.

Я вспомнил свое бегство из замка, поездку неведомо куда, коляску, застрявшую в сугробах среди леса. Странно: на руках и ногах не было ни малейших следов обморожения. Более того, я чувствовал себя вполне здоровым и отдохнувшим, даже раненое плечо перестало саднить. Я спустил ноги, намереваясь встать и осмотреть свое пристанище, и только сейчас заметил, что на полу, справа от меня, лежит волк.

Даже не волк, а волчище, успевший нарядиться в серебристо-белую зимнюю шкуру. Уютно свернувшись калачиком, зверь спал. Сон его сопровождался громким храпом (или мне так показалось). Но стоило мне взглянуть на него, как волк тут же поднял голову и открыл свои бесцветные, ничего выражающие глаза.

Будь сейчас рядом мой плащ, я, несомненно, выхватил бы револьвер. А так зверь, чувствовавший себя в полной безопасности, лениво зевнул, раскрыв пасть и дав мне полюбоваться своими острыми клыками, потом положил крупную голову на передние лапы и стал смотреть на меня с равнодушием скучающего домашнего пса.

Я осторожно убрал ноги обратно под одеяло и замер, не решаясь шевельнуться.

Словно услышав волчий зевок, в комнату вошел Арминий. На нем было все то же черное одеяние, напоминавшее монашескую рясу. В руках он держал почти новую рубашку. Мне почему-то подумалось, что это рубашка моего отца. Возможно, Аркадий купил ее, но так и не надел, и она более двадцати лет пролежала в комодке. Однако ее покррой и легкая желтизна, появившаяся на ткани, свидетельствовали о том, что ее сшили гораздо раньше. Как и в первую встречу, Арминий удивил меня своей внешностью. Юный глубокий старик, поиному не скажешь: седовласый, седобородый, но с гладкой розовой кожей новорожденного младенца Его глаза чем-то напоминали глаза белого волка, лежавшего чуть поодаль, – такие же блестящие и точно так же не отражающие истинного возраста. В общем-то, и кожа Арминия была цвета волчьего языка, а седые волосы – цвета зимней шкуры зверя. Странный облик этого человека никак не вязался с его угрюмой черной одеждой.

Арминий улыбнулся: вначале мне, затем волку. Тот осклабился и по-собачьи завил хвостом.

– Ну что, Архангел, наш гость проснулся?

Нагнувшись, Арминий почесал волка за ухом. Зверь закрыл глаза и от удовольствия засучил задней лапой. Я отважился встать, кося одним глазом на хищника, и взял протянутую рубашку. От изумления (я до сих пор удивлялся, как

остался жив и попал к Арминию) мой голос превратился в шепот:

– Как ты меня нашел?

Мне никогда не была свойственна фамильярность в обращении с незнакомыми людьми, особенно если они значительно старше меня. Но Арминия я с первых же минут стал называть на "ты". Он принял это как должное, не выказав и тени недовольства.

Услышав мой вопрос, Арминий, не переставая улыбаться, пожал плечами, словно ответ был не так уж и важен.

– Я умею находить тех, кто нуждается в моей помощи. Пойдем-ка есть. Ты, я вижу, проголодался.

Арминий был прав. По правде говоря, я даже забыл, когда в последний раз ел. Он повел меня на кухню, где топился громадный очаг, над которым висел чугунный котел. Кивком головы мой хозяин указал на грубо отесанную деревянную скамью возле такого же незатейливого стола. Я сел. Арминий достал глиняную миску, наполнил ее почти до краев содержимым из котла и поставил передо мной, добавив ломоть ржаного хлеба. Я ждал, что следом он даст мне ложку, но ложки не было. Пришлось взять миску в обе руки и осторожно через край пить горячее варево.

Еда была по-крестьянски простой, но вкусной. Похлебка представляла собой жидкую ячменную кашу с мелкими кусочками капусты и свеклы. Я съел, одну за другой, две полные миски. Арминий примостился на корточках перед оча-

гом. Пришел волк и улегся рядом с хозяином на теплые камни приступки. Арминий глядел на огонь, рассеянно поглаживая зверя. Удивительно, как здорово они дополняли друг друга и внешне, и, наверное, внутренне. От этой пары исходило странное умиротворение.

Я ел, пока не почувствовал, что похлебка больше не лезет в горло. Тогда я отодвинул миску. Арминий сразу же повернулся ко мне и сказал с добродушной улыбкой:

– Думаю, тебе хочется кое-что мне рассказать.

Мне этого очень хотелось. Еще в первый раз, после недолгой вспышки моего высокомерия, я вдруг понял, что безраздельно доверяю этому человеку. Все в нем и вокруг него располагало к возникновению этого чувства, даже необычная "волчья преданность" Архангела.

Я стал рассказывать ему о своей амстердамской жизни, о том, как счастливо жила моя семья вплоть до недавнего времени. Потом я поведал о появлении у нас Аркадия, о похищении Стефана и маленького Яна, о гибели брата и превращении сына в вампира. Естественно, я не умолчал и о гибели Аркадия. Под конец я признался, что был ошеломлен, узнав о своем истинном наследии. Души, погубленные Владом, ждут моей помощи, а у меня нет ни сил, ни знаний, чтобы им помочь.

В отчаянии я стал умолять Арминия отправиться со мной в замок, чтобы освободить моего несчастного сына и уничтожить Влада. Я интуитивно ощущал: этот старик непре-

деленного возраста – опытный маг и сильный оккультист. У него должно хватить знаний и сил, чтобы расправиться с Колосажателем.

У меня часто прерывался голос. Несколько раз я снимал очки, чтобы вытереть слезы. Я бы выплакал их целый океан, если бы с их помощью я мог убедить Арминия помочь мне. Почему-то мне казалось, что он наверняка знает, в какой именно помощи я нуждаюсь.

Мой эмоциональный рассказ Арминий слушал молча и даже отрешенно, хотя и не сводил с меня своих кротких глаз. Когда я умолк, он вновь повернулся к огню. Проснувшийся волк ткнул мордой ему в руку. Арминий несколько раз погладил зверя по голове, и тот вновь уснул.

– Я не могу отправиться с тобой, Абрахам, – наконец сказал он. – Видишь ли, как и Влад, я до некоторой степени ограничен окрестностями своего жилища. Но в любом случае я не смог бы поднять руку на Влада. Друг мой, это твоя миссия, тебе ее и исполнять. Знал бы ты, сколько поколений ждали, пока появится человек, подобный тебе.

Меня опять захлестнуло отчаяние. Не собираясь его скрывать, я довольно сердито бросил Арминию:

– Неужели ты не видишь, что мне недостает сил?

Он кивнул огню, будто разговаривал с ним, а не со мной.

– Сейчас недостает. Но если ты выберешь правильный путь, силы появятся. – Он вдруг коротко вздохнул. – Конечно, когда ты узнаешь, что от тебя требуется, ты воспроти-

вишься.

– Нет, – с жаром возразил я, думая только об отмщении. – Я готов сделать все необходимое, только бы уничтожить Влада. Скажи, что я должен сделать?

Арминий повернулся спиной к огню и, обхватив руками колени, внимательно посмотрел на меня.

– Будь у тебя склонность ко злу, я бы отправил тебя в Шоломанчу. Это особая школа, где сам дьявол учит своих последователей премудростям черной магии.

– Но если существует школа для приверженцев зла, должна существовать и другая – для тех, кто выбрал путь добра. Арминий улыбнулся.

– Зло никогда не позволит существовать такой школе. Едва она возникла бы, как черные силы немедленно атаковали бы ее. В том-то вся и загвоздка, Абрахам. Добро не воюет со злом недозволенными методами, а для зла все средства хороши. И еще: чтобы бороться со злом, мы должны знать его природу. Чтобы победить Влада, ты должен стать равным ему по силе – только тогда ты защитишь себя и тех, кто тебе дорог. Но вместе с этой силой к человеку приходит и ужасное искушение.

– Если я должен расправиться с Владом, у меня нет иного выбора.

– Ты прав, – ответил Арминий, и лицо его погрузнело. – Иного выбора нет. Многие пытались одолеть Влада, и все потерпели неудачу.

– Ты тоже пытался?

В его глазах мелькнуло недоумение, будто я коснулся запретной темы. Арминий порывисто встал и наполовину повернулся к очагу. Оранжевые языки слабеющего пламени резко очертили его профиль и придали удивительный оттенок седым волосам.

– Нет, я не пытался, хотя и направлял в его логово с этой целью других. Но ни у кого из них не было одного редкого качества, каким обладаешь ты.

Меня разобрало любопытство.

– Какого же?

Арминий и на этот раз помедлил с ответом. Словно не желая встречаться со мной глазами, он повернулся к огню и долго молчал. Я нетерпеливо ждал дальнейших объяснений.

– Ты унаследовал от матери очень сильную волю. Это хорошо, ибо воля тебе очень и очень понадобится. Видишь ли, Влад всегда отличался хитростью, коварством и кровожадностью. Давным-давно, когда он еще был обычным человеком и правил небольшим государством, которое называлось Валахией, ему доставляло удовольствие издеваться над людьми и подвергать их мучительным пыткам. Владу многое прощалось за его храбрость в сражениях с главными врагами – турками. При этом люди как-то забывали, что он одинаково жесток и на поле боя, и в обращении со своими подданными, которых он казнил за малейшую провинность. У него было только две страсти: стремление к власти и к кро-

вопролиту.

Арминий глядел поверх меня, будто где-то над моей головой его взору открывались картины прошлого. При этом он говорил с такой уверенностью, что я не удержался и вставил:

– Ты говоришь про Влада так, словно знаком с ним.

Арминий вздохнул; казалось, ему было неловко признаться в этом.

– Представь себе, да. Он родился под знаком Стрельца, в год, когда англичане сожгли Жанну д'Арк как еретичку и колдунью. Впечатляющее знамение грядущего зла.

Он снова вздохнул.

– Я знал его отца, которого тоже звали Владом. Сигизмунд I¹⁷ несколько лет продержал его в Буде заложником. Я знал его деда – Мирчу Старого¹⁸; тот правил много лет. Знал и его прадеда – Басараба Великого¹⁹, разгромившего татар.

Волк зарычал во сне. Арминий погладил его и сказал:

– Не волнуйся, Архангел, об этом я обязательно скажу. Все представители рода Дракул всегда отличались незаурядной смышленостью, такой же незаурядной изворотливостью и ненасытным стремлением к власти. Однако всем им недоставало мудрости, хотя многие из них принадлежали к шоломонариям.

¹⁷ Сигизмунд I (1368 – 1437) – король Венгрии с 1387 по 1437 г.

¹⁸ Мирча Старый (? – 1418) – господарь Валахии.

¹⁹ Басарабы – династия господарей Валахии, правившая (с перерывами) с XIV по XVII век. Вероятно, Арминий имел в виду Басараба I, умершего з 1352 г.

Я не верил своим ушам. Может, Арминий просто меня разыгрывает? Если он знал предков Влада, значит, сам он по меньшей мере на сто лет старше Колосажателя! Я не решился спросить его напрямую и вместо этого задал вопрос о шоломонариях.

– Так их называли по имени царя Соломона²⁰, – пояснил Арминий. – С давних времен шоломонарии были самыми просвещенными и образованными людьми Восточной Европы. Они занимались алхимией, пытались разгадать тайну бессмертия, или, если угодно, философского камня. Но с определенного времени многие шоломонарии отворотились от добра и начали служить злу. В окрестностях города Сибиу, на берегу горного озера Германштадт они создали свою школу, которую называли Шоломанчей Дьявола. Говорили, будто сам повелитель тьмы наставляет их, учит заключать договоры с собой. Одни стремились таким способом достичь временных выгод, другие – постоянных. И Влад, и его отец, и дед – все они были шоломонариями. И все они использовали черную магию, дабы упрочить и расширить собственную власть.

Раньше я отказался бы даже слушать подобное. Но сейчас я сидел, ловя каждое слово Арминия.

– Влад своей жестокостью и стремлением к власти пре-

²⁰ Соломон (евр. Шеломо) – царь Израильско-Иудейского царства в 965 – 928 гг. до н. э. Славился необычайной мудростью. Согласно преданию, он являлся автором нескольких книг Библии (в том числе и «Песни песней»).

взошел отца и деда. Ничего удивительного – он с ранних лет познал жестокость на себе. Ребенком отец сам отдал его турецкому султану в заложники. От турок он заимствовал свой излюбленный вид казни – сажание на кол. Влад жаждал вечной жизни и вечной крови, на чем и был основан его договор с дьяволом. Подобно предкам, он без колебаний жертвовал своими близкими, если это обещало ему выгоду.

Меня вдруг пронзила жуткая мысль.

– Если в мире было и есть множество шоломонариев, значит, мир наводнен вампирами?

– В известной степени – да, – кивнул Арминий. – Но вампир вампиру рознь. Кровопийцы, с которыми ты столкнулся, изначально порождены Владом, а потом уже теми, кого он сделал подобными себе. Однако существуют вампиры иной природы. Все зависит от того, какой характер носил их договор с дьяволом. Разные люди преследуют разные цели. Влад жаждал бессмертия, сопряженного с кровью и мучениями, поскольку это доставляло ему удовольствие.

Я не выдержал и, ломая всякие рамки приличия, напрямик и достаточно грубо спросил:

– Но откуда ты все это знаешь? Про Шоломанчу, шоломонариев, Влада?

Я не ждал ответа. В голове кружились какие-то глупые романтические мысли. Я вообразил, будто существует и другая, тайная ветвь шоломонариев, приверженцев добра, и Арминий – из их числа. Естественно, он дал клятву никогда и

никому не раскрывать источник своих обширных оккультных знаний. Но Армений решил, что я должен знать правду. Он наклонился к спящему волку, погладил серебристую шерсть, а затем я услышал ответ... Я ожидал услышать что угодно, только не такое:

– Дорогой Абрахам, я знаю все это потому, что я – тоже вампир.

Глава 18

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Я уставился на Арминия, сраженный его признанием. Мне стало страшно. Неужели я так фатально ошибся, поверив этому тихому отшельнику? Неужели весь покой, вся доброта хозяина оказались не более чем умело расставленными ловушками? Получается, бежав от одного вампира, я прямоком угодил в когти другого?

Арминий заметил мое состояние. Его тонкие губы тронула грустная самоуничижительная улыбка. Затем его лицо вновь стало серьезным и даже несколько мрачным.

– Я не собираюсь тебя пугать, но это правда.

– Так кто же ты на самом деле? – прошептал я и, только услышав звук собственного голоса, сообразил, что задаю ему вопрос.

– Тот, кого ты видишь перед собой: смиренный еврей, родившийся в Буде, еще в те далекие времена, когда там даже и не помышляли ни о каком мосте через Дунай.

– Что значит "в те далекие времена"?

Он пожал плечами, будто я спрашивал о пустяке.

– Я родился на несколько веков раньше Влада. Добавлю, что мне пришлось покинуть мою родную Венгрию, спасаясь

от "черной смерти"²¹ и начавшихся гонений на евреев. Я нашел себе тихое пристанище в глуши Валашского леса. Там я заинтересовался алхимией и знаниями, которые теперь называют оккультными.

– Так, значит, ты тоже был шоломонарием? – поинтересовался я, уже не стыдясь бесцеремонности своих вопросов.

После столь ошеломляющего признания Арминия я решил, что имею полное право вторгаться в его личную жизнь.

– Да. В те времена было принято брать себе латинские имена. Я назвался Арминием и ношу это имя до сих пор.

Он тяжело вздохнул, наверное, ему было не слишком-то приятно вспоминать собственное прошлое.

– Алчностью я ничем не отличался от Влада, только я ставил перед собой совершенно иные цели. Я не жаждал ни крови, ни власти. Мне хотелось достичь бессмертия и развить в себе особые силы. Я поступил так, как поступали до меня, вокруг меня и как будут поступать всегда: я использовал свои магические способности и заключил договор с дьяволом. Правильнее сказать – сделку. Но дьявол никогда и никому ничего не дает просто так – ему нужно платить. Я тоже расплачивался душами ни в чем не повинных людей.

Арминий замолчал и резко отвернулся. Возможно, ему не хотелось, чтобы я сейчас видел его лицо.

²¹ «Черная смерть» – эпидемия чумы, поразившая Европу во второй половине XIV века. По приблизительным подсчетам, вспышки эпидемии унесли жизни около 25 миллионов человек.

Архангел проснулся и принялся тыкаться мордой ему в руки, будто утешал хозяина.

Совладав со своими чувствами, Арминий продолжал:

– Да, подобно Владу, я приносил в жертву души невинных людей и этим покупал себе бессмертие. Но я не хотел делать заложниками своих близких и заставлять потомков служить моим прихотям. К тому же мне была нужна лишь сила, а не кровь. Я высасывал у своих жертв жизненную энергию.

– Жизненную энергию? – с нескрываемым скептицизмом переспросил я.

– А разве Аркадий не просветил тебя относительно всего этого? Он что, ничего не рассказал тебе о телесной ауре, о жизненной силе?

– Он вскользь упомянул о каком-то жизненном свечении, – нехотя признался я.

– Это и есть аура. Я не цепляюсь за старые названия, а пользуюсь языком современных оккультистов.

Да, непросто мгновенно превратиться из завязтого скептика в истово верующего. Я не мог отрицать существование вампиров, поскольку видел их собственными глазами. Однако все эти разговоры об ауре, животном магнетизме и психических силах по-прежнему вызывали у меня усмешку.

– Вижу, ты до сих пор не веришь в подобные вещи. Жаль. Оккультисты владеют знаниями, которые наука не желает признавать лишь из высокомерного упрямства. Аура – не сказка. Если ты хочешь стать сильнее Влада, тебе придет-

ся научиться оберегать свою ауру и, когда надо, приглушать ее, – сурово отчеканил Арминий. – Мои жертвы не обладали такими знаниями, потому и умирали. Я умел проникать в их ауру и черпать оттуда жизненную энергию. Так я обрел могущество, а жертвы медленно слабели и в конце концов умирали. С каждой новой жизнью, которую я поглощал, увеличивались мои знания, возрастали силы. Ты видел, как ими пользовались и Влад, и твой отец. Я обрел сверхвидение, сверхслышание, сверхобоняние и многие другие способности вплоть до чтения чужих мыслей. Я прекрасно знал, о чем думают мои жертвы. Кровь – грубый способ получения сведений. Влад ухватывает обрывки, довольствуется крохами. Я же узнавал все до мелочей. Я раскрывал сокровеннейшие глубины чужого разума и присоединял его к своему. Поначалу это мне доставляло удовольствие. Чужие души, словно драгоценные камни, разворачивались передо мной всеми своими гранями. Мне открывались сокровища знаний, собранные в чужой памяти. Но со временем похищенная красота перестала меня радовать, более того в моей душе зашевелилось непонятное беспокойство. Похищенные сокровища все сильнее тревожили совесть. И наконец мне стало невозможно жить с беспрестанным сознанием вины.

– И что же ты сделал? – спросил я, в который раз ошеломленный словами Арминия.

– Я покаяться, – просто ответил он. – И возместил нанесенный ущерб.

У меня заколотилось сердце. Я сразу же подумал об Аркадии. Если бы отец смог покаяться и тем самым спасти себя...

– Арминий, душа моего отца заперта. Могу ли я хоть как-то ему помочь?

– Только одним способом. Думаю, ты и сам догадываешься, каким именно.

– Догадываюсь. Убить Влада, – хмуро буркнул я.

Арминий столь же хмуро кивнул в ответ, а то, что я услышал дальше, напомнило мне мой призрачный сон в заснеженном лесу.

– Договор, Абрахам, имеет двоякую силу. Уничтожь Влада, и ты вызволишь душу отца из ада, а с нею и души всех твоих предков. Только ты один можешь их спасти. Знай же: самопожертвование Аркадия, по сути, спасло тебе жизнь. Каждый раз, когда кто-то из Дракул побеждает зло и выбирает путь добра, Влад лишается части своей силы. Если бы не жертва отца, тебе не удалось бы покинуть замок. Гипнотическая сила Влада заперла бы тебя внутри.

Я задумался над его словами, потом спросил:

– Арминий, так ты вновь стал смертным человеком?

Он вдруг громко расхохотался. Архангел проснулся и, резко вскочив, одним прыжком оказался возле хозяина.

– Откуда мне это знать? Думаю, все зависит от того, удалось ли мне найти философский камень. Ты ведь считаешь себя человеком науки, веришь фактам и доказательствам. У меня нет доказательств, кроме вот этого.

Арминий провел руками по своему щуплому телу и изобразил на лице неподдельное удивление.

– Кажется, я еще не умер.

Все еще смеясь, он достал из шкафа грубо сработанную глиняную кружку. Из небольшого котелка, который тоже висел над очагом, Арминий налил в нее какой-то темной жидкости и поставил на стол.

– Пей, – велел он тоном, не терпящим возражений. – Это то, что тебе сейчас нужно.

Я осторожно поднял кружку и принюхался к странному напитку.

– Что ты мне дал?

– Отвар из лекарственных трав. Он вылечит твои тревоги.

Я нахмурился.

– Мои тревоги не лечатся травяным отваром.

Арминий был готов расхохотаться, но сдержался.

– Доктор Ван-Хельсинг, даже ваша медицина признает силу лекарственных трав. Или ты мне не доверяешь? Если бы я решил тебя отравить, зачем бы мне нужно было тебя спасать, перевязывать рану, укладывать спать на теплую постель, кормить до отвала?

Я колебался, чем еще больше развеселил Арминия. Мне, честно говоря, было не до смеха.

– Я вполне доверяю тебе, – ответил я, сдерживая раздражение. – Просто хотелось бы знать, какое действие оказывает этот отвар. Профессиональное любопытство, знаешь ли.

– Он сделает тебя сильнее, друг мой. Чтобы вернуться в замок, тебе нужны силы. Ты еще сомневаешься в благотворных свойствах этого питья? Но скажи, разве за все время, что ты здесь, я причинил тебе хоть малейший вред?

Вопрос был вполне резонным. Я же без опасений съел несколько мисок похлебки. Вдобавок, заботами Арминия я волшебным образом избежал обморожения, не говоря уже об утихшей боли в плече.

Тем не менее я всегда настороженно относился к так называемой народной медицине, способной (так мне представлялось) с одинаковым успехом и излечить, и отправить на тот свет. Содержимое глиняной кружки не вызывало у меня ни малейшего желания его отведать. На вид отвар очень напоминал обыкновенный черный чай, но его запах был отнюдь не чайным, а каким-то земляным. Я сделал маленький глоток и сморщился, еле сдержавшись, чтобы не выплюнуть "чай" обратно в кружку.

Моя гримаса слегка позабавила Арминия, однако он был непреклонен.

– Да, отвар горек. Многие лекарства горьки, но это не умоляет их лечебной силы. Пей. Пей же!

Вот уж не ожидал от "смиренного еврея" такой настойчивости! Вряд ли это был каприз Арминия, наверное, зелье и в самом деле чем-то полезно. Я хотел поподробнее расспросить его о свойствах "чая", но мой гостеприимный хозяин заговорил первым:

– Возможно, ты считаешь современную медицину вершиной научных знаний о болезнях и способах их лечения. Я повидал достаточно перемен в медицинской науке: и благотворных, и не слишком. Но вы, современные врачи, утратили многое из того, чем владели знахари прошлого. А тебе было бы нелишним добавить их знания к своему научному багажу.

– Знахарские премудрости? – удивился я.

Арминий выразительно поглядел на чашку. Я кисло улыбнулся и сделал еще один крошечный глоток. Ой, какая горечь! Я опасался, что меня вытошнит. Не доверяй я так Арминию, счел бы это зелье отравой. Но Арминий только улыбался моим мучениям.

– Да, друг мой, знахарские премудрости. Они существуют. Постигнув их, ты узнаешь, как правильно применять, ну, скажем, траву аконита. Или чеснок. Или цветки шиповника собачьего. Мы еще поговорим о травах, когда ты вернешься.

Я искоса поглядел на Арминия и под его бдительным оком снова глотнул "чая". Как понимать его слова? Я ждал объяснений, но их не было. Тогда я спросил сам:

– Значит, мне скоро придется тебя покинуть?

Арминий не ответил. Переменив тему, он завел пространный разговор о гомеопатии. Морщась, я потягивал его отвратное зелье, а он рассуждал о том, что подобное лечится подобным и что крошечные дозы ядов нередко являются лекарствами.

Я больше не мог оставаться молчаливым слушателем и

принялся защищать современные научные достижения. Я привел немало примеров, но Арминий их все опроверг. Я не понимал: то ли он намеренно упрямится, то ли просто не понимает, о чем речь. Наконец мне в голову пришло впечатляющее сравнение.

– Знаешь, лечить подобное подобным – это все равно что спастись от вампира, позволив ему чуть-чуть тебя укусить.

Арминий сразу же замолчал и испытующе поглядел на меня.

– Ты даже не представляешь, насколько ты прав, Абрахам. Чтобы "вылечить" вампира, ты сам должен стать вампиром.

От этих слов у меня пробежал мороз по коже. Руки озябли, и я принялся их растирать. Арминий ободряюще улыбался, будто отпустил невинную шутку.

Но меня удивила не столько его улыбка, сколько метаморфозы, которые начали происходить с пламенем в очаге за его спиной. Оно вдруг начало менять цвет, из красного сделалось оранжевым, затем зеленым, голубым и, наконец, фиолетовым. Кухня тоже вдруг выросла до громадных размеров. Изменился и сам Арминий: из седовласого старика он превратился в белого волка, похожего на Архангела, продолжавшего мирно спать возле огня.

Самое удивительное, что я тоже изменился! Моим глазам открылось странное свечение вокруг Арминия и Архангела; оно вздымалось и опадало в такт их дыханию, меняя при этом цвет. У меня невероятно обострился слух, теперь я слы-

шал и наше дыхание, и биение наших сердец. Я слышал, как в желудках каждого из нас переваривается пища, и даже то, что за окном прекратил падать снег.

Меня охватило чувство дикой, необузданной свободы. Я побежал к двери и вдруг обнаружил, что у меня изменилось тело. Прежний Абрахам Ван-Хельсинг исчез; я теперь находился в теле молодого и сильного волка. Открытие не только не ужаснуло меня, а наоборот – наполнило радостью и ликованием. Наверное, так чувствует себя выпущенный на свободу узник, который даже не подозревал о своем заточении.

Я побежал к двери. Достаточно было моего желания, и она распахнулась.

Меня встретила тихая и светлая ночь. На небе сияла луна, но к ее привычному цвету добавились сиреневые, розовые и голубые тона. Еще выше мерцали звезды, под ногами искрился снег. Я помчался, сам не зная куда, и почувствовал, что не бегу, а лечу, несомый холодным ветерком. Мое новое волчье тело тоже исчезло.

Вместе с ветром я летел через заснеженные вершины гор, проносился над сонными лощинами с редкими крестьянскими домишками. Через какое-то время я заметил внизу городок. Оттуда исходило приятное теплое сияние. Его распространяли и дома бедняков, облепившие холмы, и жилища тех, кто побогаче, стоявшие в долине. Словно перышко, я летел мимо неказистых зданий с закрытыми ставнями, удивляясь, что слышу громкое дыхание их спящих обитателей и

стук их сердец. Мой нос безошибочно улавливал запахи теплых человеческих тел...

Увидев невдалеке вывеску постоянного двора, я полетел к нему. Звуки и запахи, исходившие оттуда, были особенно манящими. Опустившись перед дверью, я вновь ощутил себя в теле человека.

Я взглянул на руки – они были чужими, как и все тело. Я протянул их к свету, и меня охватил ужас вперемешку с любопытством: бледная кожа мерцала. Я вертел рукой, будто женщина, наслаждающаяся блеском своего бриллиантового колечка. Только вместо ярких вспышек, какие дает драгоценный камень, я с детским изумлением наблюдал нежные оттенки голубого, розового, зеленого и серебристого, которые незаметно перетекали друг в друга.

В доме слышались шаги. Меня захлестнуло новой волной непонятного ликования. Мне не терпелось, чтобы дверь поскорее открылась. Ко мне, сонно переставляя ноги, приближалась моя жертва. Время еле ползло. Мне казалось, что прошел не один час, прежде чем деревянная створка со скрипом приоткрылась.

На пороге стояла женщина средних лет в длинной мешковатой ночной рубашке: крепкая, но раздавленная в бедрах после неоднократных родов. Из-под белого платка выбились две темные косы, доходившие ей до пояса. Над верхней губой я заметил крупную родинку с торчащими волосками. Подперев рукой мясистый подбородок, женщина недоволь-

но воззрилась на меня.

– Принесла нелегкая в такую позжину! – проворчала она.

Женщина говорила по-румынски. Невероятно, но я понял каждое слово, как будто она произнесла эту фразу на безупречном голландском.

Вокруг нее разливалось неяркое красное сияние, похожее на дымку или марлевую накидку. Я мгновенно догадался: это и есть жизненное свечение, или аура. Та, что окружала эту женщину, говорила о ее природной силе и решимости дать мне отпор. Темно-коричневые искорки отражали ее недовольство.

Должен сразу сказать: женщина была явно не во вкусе доктора Абрахама Ван-Хельсинга и не вызвала бы в нем ни капли желания. Но тот, кем я сейчас являлся, почти сходил с ума от ее восхитительного запаха. Он был сладостный и горький одновременно, теплый запах земли и природы, запах здоровой крови. А какой дивной музыкой звучали ровные удары ее сильного сердца, скрытого под большой, тяжелой грудью. Женщина в самом соку, полная замечательной, пьянящей крови. Я почти утратил дар речи. Желание привело меня в полуобморочное состояние. У меня подгибались колени. Так было сомной, когда я впервые опустил Герду на наше брачное ложе и поцеловал.

Самое странное, что все эти ощущения я испытал прежде, чем женщина успела заговорить. Я едва сдерживал свое нетерпение. Больше всего на свете мне хотелось обнять ее,

но какая-то неведомая сила удерживала меня. Я понял: надо дождаться ее приглашения.

– Я ищу ночлег и готов хорошо заплатить, – промолвил я в ответ и удивился звуку своего голоса.

Он был чужим, но приятным – глубоким и мелодичным. Я с нескрываемым вожелением смотрел на эту крепкую телом, простую и недалекую женщину, испытывая к ней эмоциональное и чисто физиологическое влечение, хотя последнее и не было откровенной похотью. Мне требовалось не ее тело, не минутное наслаждение, а нечто большее – ее сущность, ее жизнь.

Желание переполняло меня и изливалось ярким светом из глаз. Взглянув на женщину, я увидел, что окружавшее ее защитное красное свечение ослабело, особенно возле сердца. Постепенно оно вообще погасло, словно задутая свеча.

Я торопился, чувствуя, что желание все равно меня опережает. Оно окружило предмет моего вожеления темно-синей мерцающей дымкой. Глаза хозяйки постоялого двора сразу же потускнели, а взгляд утратил осмысленность. Я сразу вспомнил глаза худенькой смуглой служанки в замке Влада, она смотрела точно с таким же выражением. Думаю, такой же взгляд был и у меня в купе поезда, когда я едва не стал жертвой Аркадия... Женщина покорилась моей воле, теперь я мог повелевать ее разумом.

– У нас найдется где переночевать, – ответила она на мою просьбу.

Взгляд ее широко распахнутых глаз был обращен только на меня. Ответ меня не удивил, ибо это я приказал ей ответить так. Когда женщина широко отворила дверь и жестом позвала меня в тускло освещенный коридор, мое вождение стало еще сильнее. Я ощутил дрожь во всем теле. Часть моего сознания попробовала было воспротивиться, и тут я вдруг понял природу своих ощущений. То была жажда, безумный голод, охвативший все мое существо. Всякая попытка сдержать себя отзывалась мучительной болью.

И все же некоторое время я еще продолжал сопротивляться, не понимая, каким образом очутился в шкуре вампира. У меня не было ни малейшего желания убивать эту женщину. Но боль сделалась невыносимой; она сжимала своими тисками каждую клетку моего тела. И она не шла ни в какое сравнение с болью, какую испытывает смертный человек.

Разум и здесь подсунул спасительную уловку. "Это всего лишь сон, – мысленно твердил я. – Сон человека, занесенного снегом и умирающего в лесу". Впрочем, может, и лес мне тоже приснился? Арминий с его белым волком, таинственная долина – все это сон, а Влад, Аркадий – не более чем его персонажи. И Стефан по-прежнему жив и здоров, а Ян-младший тихо сопит в своей кроватке. Мне просто снится, будто я где-то в Трансильвании, хотя на самом деле я лежу у себя дома и мечусь в лихорадке. Все ужасы минувших недель – не более чем бред. Быть может, даже папа жив, а его смерть и похороны мне привиделись.

Уловка не сработала. Более того, я, поддавшись жажде крови, решил овладеть женщиной прямо в коридоре. Я прижался к ее плотному телу, наслаждаясь его теплом, мягкостью кожи на шее, запахом волос. Сначала я коснулся ее шеи губами, потом языком (солонюватый от пота привкус немытого тела возбудил меня еще сильнее) и, наконец, зубами. Женщина вздрогнула и тихо вскрикнула от боли и блаженства, которое охватило нас обоих.

Я встал у нее за спиной и обнял ее, словно возлюбленную (наше слияние было намного теснее, чем при соединении двух тел). Поскольку сделанная мною ранка находилась спереди, чуть выше ключиц, мне пришлось нагнуться. Помогая себе губами и языком, я пил божественный нектар, самое чарующее из всех вин. Кровь хозяйки постоялого двора была удивительно сладкой и пьянящей. Я совершенно потерял голову, целиком отдавшись восхитительному пиршеству. То, что я сейчас испытывал, не поддавалось никакому сравнению, поскольку мне было просто не с чем сравнивать, ибо в обычной жизни я не позволял себе напиваться до потери самоконтроля и не отличался особой страстностью в любви. Но сейчас я крепко прижался к широкой спине женщины, обхватил ее руками, которые легли на большие, чуть дрябловатые груди. Я чувствовал, как неистовое биение ее сердца становится медленнее, еще медленнее, еще...

Звук крови, струящейся в ее венах, напоминал нежный плеск морских волн. На них островками пены покачивались

ее мысли; достаточно было легкого усилия воли, и я уже знал их содержание. Ее покорило мое обаяние, ей хотелось обвить мои ноги своими. Я поймал сердито-презрительную мысль о пьяном муже, храпящем наверху. А еще женщина была не прочь заработать на любовных услугах и припрятать эти деньги от своего благоверного...

Я мог полностью распоряжаться и ее разумом, и ее телом, но меня притягивала только кровь – пьянящая сильная кровь. Я пил и не мог насытиться, мечтая, чтобы эти мгновения длились вечно. Честно говоря, поглощение чужой крови по глубине наслаждения не уступало оргазму. Точнее, это и был оргазм, растянутый во времени.

Но конец все же наступил. Мысли женщины потекли медленнее, поредели, затем остановились. Их сменила темнота и предощущение смерти. Я мгновенно отпрянул. Тело женщины с глухим стуком упало на пол. Думаю, я всегда буду помнить ее белое как мел лицо с недоуменно разинутым ртом и широко раскрытыми невидящими глазами.

Стук упавшего тела, по-видимому, разбудил мужа моей жертвы. Где-то в глубине дома хлопнула дверь, и в коридор ввалился рослый, неопрятного вида мужчина в засаленном подобии халата. Рукой он теребил то черные косматые волосы, то всклокоченную бороду.

– Эй, Ана! – не слишком трезвым голосом позвал он. – Ты никак грохнулась? Вроде и не пила вчера.

Я инстинктивно замер (чуть не написал "боясь вздох-

нуть"; на самом деле я вообще не дышал).

Пока муж моей жертвы, как и все смертные, приближался к нам черепашьими шагами, я заметил, что возле тела женщины неведомо откуда появился Арминий в своем неизменном черном одеянии. Он смиренно улыбался. Подобно Аркадию, он заговорил со мной, не раскрывая рта:

"Абрахам, если ты будешь просто стоять, он скоро тебя увидит. Помни про ауру. Сверни ее до предела и спрячь вглубь себя".

Странно, но сейчас его наставление не показалось мне бессмысленным набором слов. Мои действия напоминали глубокий вдох, но вместо воздуха я "вдохнул" в себя темно-синюю ауру, окружавшую мертвую женщину, и отчетливо чувствовал, как она вошла внутрь меня. Я повернулся к мужу убитой, готовый, если понадобится, избавиться и от него (однако сейчас я был более чем сыт, и мысли о его крови не вызывали во мне никакого возбуждения).

Но главное – этот человек не видел ни меня, ни Арминия, а только свою бездыханную жену! Сообразив, что она не просто упала, косматый мужчина опустился на колени и стал трясти ее, громко выкрикивая ее имя. Мы с Арминием стояли совсем рядом, но он даже не подозревал о нашем присутствии.

"А теперь тебе пора уходить отсюда. Направь свою ауру к двери и двигайся по ней".

Я подчинился приказу Арминия и, сфокусировав ауру в

тонкий луч, направил его на дверь. В то же мгновение я очутился у двери. Моя воля, будто порыв ветра, распахнула ее. Я вышел и, к своему изумлению, оказался не на холодной улице незнакомого городка, а перед очагом в жилище Арминия. Архангел все так же блаженно спал на теплой приступке. Сам Арминий стоял рядом.

– Я уже говорил тебе, Абрахам, что ты унаследовал от матери сильную волю. Это дает тебе громадное преимущество: ты сможешь с большей легкостью управлять своей аурой. Однако тебе мешают два недостатка. Твоя восприимчивость оставляет желать лучшего. К тому же ты очень скептичен, если не сказать, упрям. Прости, что мне пришлось применить весьма немилосердный способ, чтобы убедить тебя в реальности некоторых вещей, но выбора у меня не было. Пойми, если бы ты не поверил в существование ауры, то не научился бы управлять ею. А научиться этому в твоих же интересах: тогда ты сможешь беспрепятственно появляться в замке Влада и покидать его. В противном случае Влад легко заманит тебя в ловушку.

Слова Арминия о моем упрямстве я воспринял без малейшей обиды. Наоборот, я смеялся, как ребенок, которого научили новой игре. Странно, но меня совершенно не тревожили мысли об убитой женщине. Я рассматривал свои руки на фоне стен и по-детски радовался, что вернулся в тело Брама. Моя кожа все еще светилась, но теперь ярко-голубым цветом, имевшим сиреневатую кайму, и время от времени

по ней пробегали красные и оранжевые всполохи.

С таким же бесхитростным, детским восторгом я учился управлять цветами ауры, чтобы двигаться бесшумно и не оставлять запаха. Все, о чем рассказывал и что показывал Арминий, представлялось мне удивительно легким и даже само собой разумеющимся. И почему раньше я никогда не задумывался о том, что человеческое тело обладает собственным электромагнитным полем?

В самый разгар игры Арминий с волком неожиданно исчезли. Увидев открытую дверь, я расценил это как приглашение и шагнул за порог.

В том месте и времени, куда я попал, солнце только-только взошло. Восточная половина неба утопала в розовато-оранжевых тонах. Проснувшуюся траву покрывала густая роса, капли которой сияли миллионами разноцветных огоньков. Воздух был свежим и прохладным. Туман, стелившийся над землей, осел на моем плаще и ботинках, и они тут же потемнели от влаги.

Я не сразу заметил, что держу в руках заостренный деревянный кол длиной в полтора фута и молоток, похожий на столярную киянку, но с металлической головкой. У пояса, в ножнах, висел тесак с длинным лезвием.

"Ты понимаешь, зачем тебе все это, Абрахам?" – прозвучал в мозгу вопрос Арминия.

Я понимал. Пройдя по зеленой лужайке, я оказался на посыпанной гравием дорожке, вдоль которой тянулись молча-

ливые ряды надгробий. Сословная иерархия соблюдалась и на кладбище: скромные плиты из серого кварца не перемежались с мраморными, изящно украшенными памятниками. Дорожка привела меня к кованой ограде. Ее прутья напоминали черные пики. За оградой виднелись серые каменные стены большой усыпальницы.

Я сразу вспомнил недавний урок Арминия и решил проверить свою ауру. Я взглянул на руки. Руки оставались моими, но голубое свечение почти полностью исчезло (может, мне только казалось, что я его вижу). Воображение помогло мне переместить ауру внутрь. Дыхание сразу стало беззвучным. И так же беззвучно я ступал по каменным плитам, ведущим к двери усыпальницы. Негромкое щебетанье птиц – это все, что я слышал.

Толкнув тяжелую металлическую дверь, я очутился в полумраке усыпальницы. В ноздри пахнуло пылью, плесенью, увядшими цветами. Освещали мой путь только лучи неяркого утреннего солнца, устремившиеся вслед за мной в расшатанную дверь, которую я оставил открытой. Но этого света, конечно же, не хватало. Я двинулся по узкому коридору. С высокого сводчатого потолка кое-где капала вода. Каждый шаг вводил меня все дальше в темноту. Появилось ощущение, что я нахожусь в туннеле. Совсем как ребенок, которому предстоит родиться, подумалось мне. В каком-то смысле я действительно рождался заново. Но если ребенка в конце туннеля ожидали материнские руки, меня ждала работа, ко-

торая не могла принести никакой радости.

Коридор привел меня в просторное помещение, куда сквозь витражи стрельчатых окон пробивался неяркий свет, окрашивая камень, воздух и мою кожу в нежные розовые, голубые и зеленоватые тона. Здесь, на одинаковом расстоянии друг от друга, располагались каменные катафалки, и на каждом стоял наглухо закрытый и стянутый металлическими обручами гроб. На передних стенках катафалков были помещены мраморные дощечки с именами и датами жизни усопших.

Повинуясь инстинкту, я направился в дальний угол, где увидел гроб, поставленный здесь совсем недавно. Он резко выделялся среди своих собратьев, успевших потускнеть. Гроб окружали многочисленные венки. Помимо них, в вазах стояли белые цветы. Они уже высохли и начали опадать, роняя потемневшие лепестки на холодные каменные плиты пола. Тягостную обстановку дополняли огарки свечей.

Сам гроб был меньших размеров, чем соседние. Его белые стенки слабо поблескивали. Не сегодня-завтра сюда явятся кладбищенские служители, чтобы герметично запечатать крышку и поставить обручи (иначе в усыпальнице стоял бы удушающий трупный смрад). Я сразу же вспомнил про бедного маленького Яна, и на глаза навернулись слезы. Усилием воли я заставил себя сосредоточиться и поднял крышку.

Внутри на розовом атласе покоилась девочка лет двенадцати, только-только начавшая превращаться в девушку. Ян-

тарные, сиреневые, розовые полосы света освещали ее бледное, безжизненное лицо. Зато ее вьющиеся медно-рыжие волосы, подцвеченные красным, выглядели совсем живыми, как и рассыпанные по лицу веснушки, и алые губы. Я невольно залюбовался позой усопшей девочки – она лежала с достоинством взрослой аристократки, сжимая в тонких пальцах увядшую лилию.

Странная красота смерти. Естественно, прежде я никогда не видел этой девочки и мог лишь предполагать, что передо мной – одна из жертв Влада, Жужанны или Аркадия, а может – жертва тех, кого они сделали подобными себе. Но как вампиры посмели посягнуть на ребенка? Вопрос был риторическим. Вспоминая свои недавние ощущения, я понимал: голод вампира заглушает любые доводы рассудка и ломает любые запреты.

Внутри меня происходила борьба воли и чувств. Воля требовала поскорее исполнить возложенную на меня миссию. Чувства... чувства пленились хрупкой девичьей красотой. Я понимал, что мне уже не вернуть эту девочку в прежнюю жизнь и нужно спасти ее душу. А сердце упорно вопрошало: ну почему столь юному и невинному созданию суждено было умереть? Повинуясь его страстному голосу, я, забыв обо всех предосторожностях, наклонился и поцеловал покойницу в лоб.

Девочка сразу же открыла глаза Зеленые, с янтарными крапинками, слегка раскосые и по-кошачьи загадочные. Ее

глаза на детском личике были полны настоящей женской силы. Они влекли меня к себе, как сладкозвучное пение сирены.

Я начал тонуть в зеленом море ее глаз. Девочка улыбнулась и приподнялась на своем атласном ложе. Отшвырнув цветок, она потянулась ко мне.

Моя воля все же оказалась сильнее. Я вспомнил наставления Арминия и сосредоточился на защите сердца. Ко мне вернулась решимость. Покойница уже наполовину сидела в гробу, когда я поместил острие кола между ее плоских, только начавших формироваться грудей напротив маленького неподвижного сердца. Треснула ткань савана. Держа кол, я замахнулся молотком и... в последнюю секунду дрогнул. Я показался себе варваром, уничтожающим редкую красоту: эти зеленые, бездонные глаза, огненные волосы, белую, как фарфор, кожу. Меня вдруг охватил ужас: что я делаю? Расправляюсь с невинным ребенком? Эта мысль полоснула по сердцу словно острый нож.

К горлу подступила желчь. Меня мутило, слезы жгли глаза. Ударив молотком по тупому концу кола, я рухнул на колени, уцепившись пальцами за край гроба.

Удар получился слабым – кол отклонился вправо и не вошел в сердце. Несчастная девочка вскочила и тоже ухватилась руками за край гроба. Ее холодные ладошки коснулись моих рук. Она тут же отпрянула, испустив пронзительный, нечеловеческий крик. Алые губки изогнулись, обнажив ост-

рые зубы и неестественно длинные клыки. Ожившая покойница наклонилась ко мне, щелкая зубами и рыча, как взбесившийся щенок.

Видя ее мучения и раздосадованный собственной неудачей, я тоже закричал. В этот момент я был совершенно беззащитен и был абсолютно уверен, что новоявленная вампирша меня укусит. Однако какая-то сила не подпускала ее ко мне. Наклонив голову, я увидел у себя на груди большое золотое распятие.

Девочка продолжала вопить и корчиться, норовя выбраться из гроба, но мое присутствие удерживало ее, как стенки мышеловки. В мозгу послышался голос Арминия, спокойный, твердый, но с явным оттенком раздражения.

"Освободи ее! Она достаточно настрадалась. Немедленно освободи ее!"

Я поднял голову. Арминий стоял рядом. В его облике не было и намека на ухмыляющегося юродивого, каким ему нравилось представляться. Наоборот, я увидел властное величие и поневоле вспомнил Колосажателя на троне. Аура этого тщедушного на вид человека сияла неистощимой силой. Его длинные седые волосы и борода сверкали подобно раскаленному пламени. Мне вспомнилась начальная глава Откровений святого Иоанна, где говорилось о Сыне Человеческом с ногами, похожими на халколиван, и волосами, что как белая шерсть²².

²² Откр. 1:14 – 15. Халколиван – зеленая медь или бронза. По другим источ-

"Скрепи свое сердце, Абрахам. Твоя жалость обрекает ее на страдания. Ударь еще раз. Не мешкай!"

Его слова прибавили мне мужества. Я вновь втянул свою ауру внутрь себя и почувствовал себя спокойнее и сильнее. Ноги тряслись, но я встал и, презрев страх, протянул руку и выправил кол, не обращая внимания на бешено извивающиеся, словно сотни змей, руки маленькой вампирши. С ее губ слетали клочья пены, а юное лицо, такое милое несколько минут назад, перекосила недетская злоба. Но я находился под защитой креста и не боялся ее нападения.

Я нанес новый удар. На этот раз я не промахнулся. Звук молотка гулко отозвался во всех углах склепа. Девочка душераздирающе закричала, и я понял, что кол пробил ее тело насквозь.

Подавляя в себе всякое сострадание и страх, я наблюдал за ней, готовый, если понадобится, ударить опять. Но по ее телу пробежала судорога, и оно затихло навсегда. Я вглядывался в лицо девочки. С нею происходила та же перемена, что и с Аркадием, когда к нему вернулся облик смертного человека. Неестественная красота исчезла, и теперь передо мной было бледное лицо мертвого ребенка, похожее на цветок, которому не дали расцвести. Сейчас эта девочка ничем не отличалась от других мертвых детей, которых (увы!) мне не раз доводилось видеть в больницах. Ее кожа приобре-

никам, так называли расплавленную и раскаленную добела медь, дающую ослепительный блеск.

ла землистый оттенок, губы поблекли, полураскрытые глаза остекленели.

Я закрыл ей глаза, наклонился и поцеловал ее в холодный лоб. Слезы текли у меня по стеклам очков и падали ей на кожу. Теперь, как мне казалось, я имел полное право оплакать ее гибель. Арминий был другого мнения.

"Ты не довел дело до конца. Помнишь, для чего у тебя нож?"

Я нехотя вынул тесак из ножен и поднес к горлу покойницы. Но, глядя на ее невинное лицо, я не мог решиться отрезать ей голову.

"Скрепи свое сердце, Абрахам. Это нужно сделать для ее же блага. Если ты не отрежешь ей голову, весь твой труд пойдет насмарку. Через некоторое время она очнется и собственными руками вырвет кол из своей груди".

Мне пришлось вновь спрятать ауру, ибо жалость к ребенку выпустила ее наружу. Повинуясь Арминию, я скрепил сердце и довел дело до конца. Должен ли я писать об этом? Должен ли сообщать страшные подробности того, как нож перерезал нежную кожу, хрупкие детские кости и, наконец, отделил голову от тела?

Последний акт этой трагедии прошел быстро. К счастью, из обезглавленного тела не вылилось ни капли крови. В кармане плаща я обнаружил головку чеснока, которую осторожно поместил в рот отрезанной головы.

Когда я покинул просторный зал, уставленный гробами, и

снова прошел по длинному темному коридору, то оказался не на кладбище, а возле теплого очага. Я вновь был в доме Арминия. За окнами царила ночь. Я оглядел свои руки и, к счастью, не заметил никакого сверхъестественного свечения. На мне снова была домотканая нижняя рубашка.

Арминий, скрестив ноги, сидел возле очага. Волк устроился рядом и положил голову ему на колени. Обыкновенные человек и зверь; вполне обыкновенные, если не считать слабого золотистого сияния, окружавшего обоих. Я радовался возвращению в собственное тело, чего не мог сказать о разуме. С ним творилось что-то странное. Подобно жилищу Арминия, он то сужался до размеров небольшой комнаты, то расширялся, превращаясь в зал гигантского собора. Я тоже уселся возле огня, пытаясь остановить поток несвязных мыслей и проанализировать приобретенный опыт.

Арминий поднял голову. Я боялся, что он начнет подтрунивать надо мной, но в его глазах не было ничего, кроме печали и сострадания.

– А ты – решительный человек, Абрахам, – проговорил он. – Если ты будешь усердно учиться, то сумеешь еще больше развить силу воли. Со временем ты перестанешь нуждаться в моей помощи.

– Эти... события, – с трудом выдавил я. – Они были... настоящими?

– Ты же не вампир, друг мой. Но чтобы справляться с вампирами, ты должен знать их мысли и чувства.

– Так значит, я не убивал ту женщину?

– Нельзя убить человека, которого не существует.

Я облегченно вздохнул.

– А девочка?

– Девочка была настоящей жертвой вампира. Ты очень ей помог. Теперь ее душа свободна, и она обрела покой. Как ты знаешь, твоему отцу, Владу и Жужанне приходилось и приходится искать себе подручных, которые проделывают с их жертвами то, чем ты недавно занимался в склепе. Но таких людей не всегда удается найти, и потому вампиры, как чума, наводнили всю Европу.

Его слова насторожили и встревожили меня.

– И что же делать?

Раньше чем вопрос сорвался с моих губ, меня вновь вынесло из жилища Арминия. Я стоял в тесном переулке, между двух высоких кирпичных зданий. Желтоватое пятно света от ближайшего фонаря разливалось возле носков моих сапог. Выщербленные плиты тротуара были слегка припорошены снегом.

В ночном небе сияла луна, блестели звезды. Холод сразу пробрал меня до костей. Каждый мой вдох сопровождался облачком пара. У меня кружилась голова, скорее всего, от неожиданного перемещения и от зловония гниющих отбросов, вываленных где-то неподалеку. Я прислонился к холодной стене и попытался понять, где нахожусь.

Я попал в большой город. Судя по положению луны, час

был достаточно поздний, но жизнь в городе не замерла. Переулок вел к широкой улице, откуда доносился цокот лошадиных копыт и скрип колес проезжающих экипажей. Однако сам переулок был достаточно темным и пустынным.

Постепенно глаза привыкли к сумраку. Я понял, что нахожусь не в переулке, а в тупике, второй конец которого упирался в массивную кирпичную стену. Судя по доносившемуся до меня хриловатому голосу и пьяному хихиканью, я был здесь не один, компанию мне составляла, сама того не подозревая, дешевая уличная проститутка. Я почти инстинктивно притушил ауру. Не мог же Арминий перенести меня сюда просто так, без какой-то цели. Я стал ждать, что будет дальше.

Лунного света вполне хватало, чтобы разглядеть жрицу любви: пышнотелую, с круглым невыразительным лицом и замысловатой, но все равно безвкусной прической. Волосы, ярко выкрашенные хной, были почти под цвет ее платья, сильно затянутого в талии и безобразно декольтированного, отчего ее полные груди почти вываливались наружу. Равнодушная к холоду, женщина стояла у стены. Руки в красных перчатках замерли на бедрах, кокетливо придерживая полы платья и намекая на то, что скрыто под ним.

– Ну так начинай, если собрался, – сказала она по-немецки, шевеля густо накрашенными губами и закатывая грубо подведенные глаза.

Вопрос был обращен к мужчине, разглядеть которого мне

мешала тень, падавшая от стены. Женщина была явно не сильна в искусстве обольщения: ни ее слова, ни кокетливые наклоны головы не действовали на потенциального клиента. Тогда она решила взять его штурмом, медленно подняв подол платья. Под платьем оказалась короткая нижняя юбка. Женщина задрала и ее, показав толстые ноги в черных чулках, крутые белые ляжки и рыжеватый треугольник волос на лобке.

– Начинай, – потребовала она, снедаемая нетерпением.

В голосе чувствовалась плохо скрываемая досада: она боялась упустить клиента.

– Ты идешь?

Мужчина шагнул вперед и оказался в полосе света. Я видел лишь его плотную спину и седые волосы. Он был достаточно хорошо одет. Мужчина быстро расстегнул брюки, затем обхватил женщину и бесцеремонно вошел в нее (я это понял по ее возгласу, сменившемуся вздохом удовольствия). Он прижал шляху к стене. Женщина приподняла разведенные ноги и обвила ими его толстую талию.

От удивления и возбуждения у меня вспыхнули щеки. Но зачем Арминий сделал меня свидетелем столь грубого уличного совокупления? Ответа на этот вопрос я пока не знал, однако почувствовал, что нужно позаботиться о собственной защите. Я окружил себя фиолетово-голубым свечением, постаравшись как можно надежнее защитить сердце.

И сразу же чувственное вожделение оставило меня. Мои

глаза восприняли – не увидели, а именно восприняли, поскольку это лежало за пределами обыкновенного зрения, – знакомое сияние вокруг клиента уличной шлюхи. Оно имело темно-синий цвет. Точно такое же сияние окружало и меня, когда я находился в теле вампира. Вот оно что! Я начал внимательно наблюдать за мужчиной.

Лица я по-прежнему не видел, но, приглядевшись к его грузной фигуре и седым волосам, я вдруг узнал его. Правда, я тогда не видел его стоящим – только мертвое тело, распростертое на полу в купе поезда. Я вспомнил, как Аркадий умолял меня сделать с его жертвой то же, что я совершил с девочкой в склепе. Вот он – результат моего "праведного гнева".

Со стороны могло показаться, что мужчина предается безудержной страсти. Женщина содрогалась в его руках, а он методично ударял ее спиной о стену. При каждом новом соприкосновении с каменными плитами она громко вскрикивала, но уже не столько от наслаждения, сколько от боли.

Я обнаружил, что у меня нет с собой ни кола, ни молотка, ни ножа. Единственным моим оружием было висящее на шее распятие. Содержимое медицинского саквояжа, который я держал в руках, вряд ли могло помочь в борьбе с вампиром. Взяв крест в правую руку и подняв его над головой, я шагнул навстречу новому врагу.

Мне казалось, что он не ощущает моего присутствия. Но едва я поднял крест, вампир мгновенно обернулся и впился

в меня ненавидящим взглядом.

Мое приближение подхлестнуло его. Я находился еще достаточно далеко, когда вампир прокусил кожу на шее женщины. У него не было времени погружать ее в сладостное забытие. Он сразу же принялся лихорадочно высасывать кровь.

Шлюха кричала, пыталась отбиться руками. Кровь забрызгала ей лицо, грудь, лиф платья и даже волосы. Вампир вновь припечатал ее к стене. Удар был сильнее прежних, и я услышал хруст сломанных костей. Женщина пронзительно завопила, потом застонала. Ее ноги беспомощно болтались в воздухе, а вампир торопливо и жадно насыщался. Я видел, как колышется его толстая шея. Седые волосы украсились капельками крови.

В этот момент я навис над ним, держа крест.

– Оставь ее! – потребовал я. – Оставь!

Перепахканное кровью лицо было больше похоже на звериную морду. Слипшиеся красные усы угрожающе изгибались. Вампир предостерегающе зарычал, должно быть, так пирующий волк предупреждает сородичей, чтобы держались подальше. Страх я не ощущал, а лишь упрекал себя за то, что не сумел подоспеть раньше и не уберег женщину от укуса. Выставив руку, я загородил жертву крестом.

Вампир снова зарычал – теперь уже яростно, – но от ее шеи оторвался. Я продолжал надвигаться на него, пока он не выпустил жертву из рук.

Женщина соскользнула по стене на заснеженные плиты

тротуара и неуклюже села, соединив ступни ног и широко разведя колени, обтянутые черными чулками. Платье и нижняя юбка задрались, голова безжизненно склонилась вниз. С крашенных волос падали капли крови, исчезая в ложбинке между грудями. Если бы не тихие стоны, я бы посчитал женщину мертвой.

Наконец-то я сумел встать между вампиром и его жертвой. Этот седовласый и внешне такой благообразный господин был совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки. Он злобно скалил перепачканные кровью зубы. Санта-Клаус с рождественской открытки превратился в чудовище, голубые глаза которого полыхали адским пламенем. А ведь наверняка еще совсем недавно он был добродушным, заботливым дедушкой, которого обожали внуки. Но откуда же мне было знать, что мое упрямое нежелание помочь Аркадию превратит его жертву в хищного зверя?

Я не боялся злобного оскала, ибо он вел себя, как поверженный хищник, вынужденный отступать. Крест я держал высоко поднятым, окружив себя невидимым щитом. События в склепе нанесли еще один удар по остаткам моего скептицизма. Рука, державшая крест, трепетала от потока силы. Что самое удивительное – сила исходила не от креста и золотой фигурки на нем, а от меня. Это открытие придало мне смелости.

– Уходи! – приказал я вампиру, продолжавшему глухо рычать. – Ты ее не получишь. Именем Господа повелеваю: уби-

райся!

Направив крест на вампира, я шагнул к нему. Уразумев, что он окончательно проиграл, вампир бросился прочь. Вряд ли при жизни грузный дедушка мог бегать с такой скоростью и проворством.

Я осмотрел женщину. К счастью, она была жива, но находилась в тяжелом состоянии. Достав из саквояжа бинты, я наскоро перевязал ее израненную шею. Женщине еще повезло – вампир не прокусил ей горло и не задел сонную артерию. Однако меня тревожило, не поврежден ли у нее позвоночник. Прикрыв ей ноги, я начал прощупывать ее спину, постоянно спрашивая, где болит. Удивительно, но женщина отвечала на мой вопросы, хотя и шепотом. Закончив осмотр, я облегченно вздохнул: жрица любви отделалась лишь переломами нескольких ребер.

Подняв женщину на руки, я двинулся в сторону улицы, где быстро нашел извозчика и велел ему отвезти нас в ближайшую больницу.

Мои мысли были далеко не радостными. Я смотрел на натужно дышавшую женщину и корил себя, что не вмешался раньше. Каким бы ни было ее ремесло, она – жертва. Жертва вампира. Но если она умрет, виновато будет не чудовище в облике благообразного старика, а я.

Из больницы я ушел только ранним утром. Ступив за порог, я непонятным образом сразу же перенесся во вчерашний тупик. Под неярким солнцем искрился свежевывпавший снег. Он почти целиком покрыл мостовую и тротуар, припорошив зловонные кучи отбросов. Подойдя к кирпичной стене, я заметил темное пятно – немое свидетельство трагедии, разыгравшейся здесь вчерашним вечером.

Мой черный саквояж стал значительно тяжелее. Я понял, что помимо бинтов и лекарств теперь найду внутри все необходимое. Возвращение сюда не было случайным: мне предстояло довершить начатое вчера. Я это знал. Каждая ситуация, в которую я попадал, обостряла мое восприятие, в особенности таинственное шестое чувство, позволявшее ощущать ауру и необычайно быстро учиться. Даже вчерашнее спасение несчастной проститутки добавило мне опыта. Глядя на замызганные кирпичные дома, я уловил возле одного из них слабое темно-синее свечение. След, оставленный вампиром. Самого вампира в доме не было. Скорее всего, вчера он долго стоял здесь, поджидая жертву.

Я развернулся и пошел в сторону улицы. Скрип снега под моими сапогами был едва ли не единственным звуком. Улица, такая шумная вчера, оказалась совсем пустой. Я решил, что сегодня воскресное утро и город не торопится просы-

паться.

Я родился и вырос в Амстердаме и с детских лет привык к чистоте, царившей на его улицах. Богатые или бедные, широкие или совсем узкие – улицы моего родного города почти везде были безукоризненно опрятными. Квартал, по которому я сейчас шел, поражал грязью, запустением и каким-то беспросветным унынием. В воздухе удушливо пахло целлюлозой – где-то поблизости находилась бумажная фабрика.

Дом, привлечший мое внимание, представлял собой кирпичную коробку с обшарпанными стенами и желтоватыми стеклами окон, покрытых мутной пленкой грязи. Снег перед домом успели истоптать досерого месива. Кучи мусора соседствовали с желтыми следами человеческой и собачьей мочи. У входной двери валялась ярко-красная женская перчатка.

Разумеется, эта перчатка принадлежала не вчерашней проститутке, а другой женщине (возможно, занимающейся тем же ремеслом). Но мне она сразу напомнила о жертве вампира. Я мысленно поклялся той несчастной, что отомщу за нее и избавлю от страшной участи, грозившей ей после смерти.

Ко мне кто-то приближался: человек, причем очень голодный. Я оторвал взгляд от перчатки и поднял голову. Передо мной стояла невзрачная молодая женщина, дрожавшая от холода и истощения. Но как она старалась выглядеть соблазнительной! На ней было заштопанное платьишко, плечи по-

крывал выцветший шерстяной платок. Юная гурия откинула его, обнажив костлявую шею. Из полурасстегнутого платья выглядывала тощая, посиневшая от холода грудь.

– Не составите ли мне компанию, добрый господин? – спросила женщина.

Голос, как и глаза, был сонным от чрезмерной дозы лауданума. В ожидании моего ответа она зашлась надсадным чахоточным кашлем. Но даже в затуманенном опиумом взгляде сквозило отчаяние. Этот взгляд раскаленным клинком полоснул мне по сердцу – я сразу же вспомнил Герду и отвел глаза.

Я сосредоточился на ауре женщины. Вокруг нее мгновенно появилось слабое желто-зеленое свечение. В области легких аура имела пугающий сероватый оттенок.

Мне захотелось остановиться, открыть саквояж и предложить женщине лекарство. Я подавил это желание. Имевшиеся у меня лекарства могли остановить приступ кашля и не более того, а женщина нуждалась в серьезном лечении. К тому же у меня оставалось не так много времени, чтобы успеть завершить начатое ночью.

Я быстро притушил свою ауру и усилил защиту сердца. Женщина перестала бросать на меня призывно-похотливые взгляды. Разинув рот, она недоуменно озиралась по сторонам. Она не видела меня, хотя я стоял всего в двух шагах.

Взбежав по ступенькам крыльца, я дернул покоробившуюся входную дверь. Та не желала открываться, и мне при-

шлось дернуть ржавую ручку еще несколько раз. Услышав скрип открывающейся двери, но никого не увидев, женщина испуганно завопила и бросилась прочь от опасного места.

Я оказался в крошечном вестибюле, из которого начинался коридор, по обе стороны которого темнели двери убогих квартир и лестница, ведущая наверх. Судя по ауре, логово вампира находилось не на этом этаже, а выше. Я начал подниматься по осклизлым ступеням, стараясь не замечать резкого запаха мочи и рвоты (на ней я едва не поскользнулся). Темно-синее свечение усиливалось. Оно привело меня на третий этаж. Пройдя по коридору, я остановился перед облупившейся дверью. Здесь!

Если бы кто-нибудь случайно вышел из соседних дверей, он бы меня не увидел и не услышал. Достав из саквояжа скальпель, я принялся открывать замок. Его механизм оказался настолько изношенным, что дверь открылась почти сразу же. Крадучись, я вошел в жилище вампира, состоявшее из двух смежных комнатенок.

Зло. Неприкрытое и не собирающееся таиться. Оно окутало меня с первых же секунд. Схожие ощущения я испытывал, попав в замок Влада, но в этой убогой квартире к душевному отвращению примешивалось физическое. Мебель в первой комнате отсутствовала. Деревянный пол давно прогнил, а закопченные окна с трудом пропускали солнечный свет. На полу валялись пустые винные бутылки и пузырьки из-под лауданума. В углу лежал грязный матрас, весь в бу-

рых пятнах. На нем, деловито жуя солому, сидела здоровенная крыса. Мое появление не спугнуло ее, что я посчитал хорошим знаком. Кажется, я научился маскироваться.

Но вампир представлял собой более серьезного противника, нежели крыса. Я возвел дополнительную защиту вокруг сердца. Физическое отвращение к логову ослабло. Раскрыв саквояж, я убрал туда скальпель и взамен достал орудия своего скорбного труда. Тесак я прицепил к поясу, а кол и молоток взял в руки. Оставив саквояж на полу, я направился в смежную комнату.

Как я и ожидал, там стоял простой сосновый гроб, окруженный зловещим темно-синим сиянием. На этот раз я не мешкал, а сразу же поднял крышку. Внутри лежал старик с лицом Санта-Клауса, аккуратно подстриженными седыми волосами и усами. Приплюснутый нос и щеки покрывал слабый румянец (я почти не сомневался, что после нашей стычки он нашел для себя новую жертву и насытился ее кровью).

Моя решимость дрогнула всего на какое-то мгновение: я представил себе его вдову, внуков, лишившихся любящего дедушки, а затем его жертв, которых некому было спасти. Одно мгновение, искорка сострадания, но этого было достаточно. Пухлые щеки дрогнули, вампир открыл свои голубые глаза и злобно прищурился на меня.

Еще немного, и он бы поднялся, однако я сумел подавить неуместные эмоции и склонился над ним. Крест раскачивался всего в нескольких дюймах от его лица. Вампир оскалил

зубы и угрожающе зашипел, но меня это ничуть не испугало – обычное поведение зверя, попавшего в капкан. Я увидел, как голубой свет моей ауры накрыл собой его ауру, и принудил ее опуститься ниже, к самому телу вампира.

Не теряя времени, я приставил кол к его груди, обтянутой дорогой жилеткой из тонкой шерсти, из кармашка которой свисала золотая цепочка от часов, и что есть силы ударил молотком.

Мой враг кричал и извивался, но кол пробил ему сердце. Вскоре вампир затих. Я не мог удержаться от горестных мыслей об участи этого человека, но тем не менее сразу же приступил к его обезглавливанию. (Чуть не написал – к надругательству, но в данном случае это было не издевательство над трупом, а акт милосердия, и наградой мне послужило умиротворенное выражение лица несчастного старика.) Вложив ему в рот головку чеснока, я вернул крышку гроба на место и вышел из комнаты.

Когда я покинул жилище бывшего вампира, меня уже не удивило, что я попал не в смрадный коридор, а оказался в обществе Арминия и Архангела, поджидавших меня у очага. За окном было все так же темно. Я не знал, сколько времени провел в своих путешествиях, хотя мне казалось, прошло не менее сотни лет. Комната Арминия приобрела вполне нормальные очертания. Мое ребячливое ликование исчезло. Я вновь стал самим собой. Вспомнив про выпитое горькое зелье, я начал подумывать, а не было ли все это результатом

галлюцинаций.

Арминий глядел на огонь, поглаживая дремлющего волка. Он заговорил со мной так, будто наша беседа и не прерывалась.

– Думаю, теперь ты готов к войне с вампирами и можешь действовать самостоятельно.

– Что ты со мной сделал? – сердито перебил я старика. – Разве я мог за столь короткое время побывать в разных местах и даже уничтожить двух вампиров? Сознайся, что и эти ситуации были нереальными!

– Нет, Абрахам. Нереальным было только твое первое путешествие, а уничтожил вампиров ты на самом деле, – без тени улыбки ответил Арминий. – Прости, что мне пришлось пойти на столь отчаянные меры, но они были необходимы. Не скрою, ты рисковал. Но я тебе уже говорил, друг мой, что твое душевное восприятие оставляет желать лучшего, а у нас нет времени, чтобы развивать твои способности менее опасными способами. На это понадобилось бы несколько лет. К счастью, твой разум и сердце оказались достаточно крепкими, чтобы выдержать это испытание. Теперь нужные каналы в тебе открыты.

– Значит, ты раскрыл во мне дополнительные способности?

Арминий медленно кивнул.

– Да, чтобы ты мог сражаться с вампирами. Выбранный метод обучения принес самые хорошие результаты. Ты готов

к войне.

– Тогда утром я отправлюсь в замок.

К моему удивлению, Арминий покачал головой.

– Нет, Абрахам. Ты готов сражаться с вампирами, но далеко не с каждым из них. Сейчас твоих сил хватает на уничтожение вампиров, превращение которых произошло совсем недавно, а потому их возможности еще не успели развиться. Но не пытайся замахнуться на самого старого и сильного из их породы. Влад тебе не по зубам.

– Так что же ты прикажешь делать? Сидеть здесь и пить твои горькие отвары? А в это время мой бедный малыш...

– Я понимаю твои чувства и твое горячее желание расправиться с Владом. Но даже не мечтай одолеть его в поединке.

Эти слова повергли меня в недоумение. Когда же я нашел, чем возразить Арминию, он заговорил снова:

– Помнишь, я сказал тебе, что договор – это обоюдоострый меч? Влад черпает силу и продлевает свое существование, отправляя в преисподнюю душу старшего сына в каждом поколении вашего рода. Но если кто-то из старших сыновей изберет путь добра и начнет уничтожать кровопийц, косвенно порожденных Владом, Колосажатель будет терять силы. Каждая душа, с которой ты снимешь ярмо вампира, ослабит его, а тебя сделает сильнее.

Я непонимающе уставился на Арминия.

– Как... как ты сказал? Все эти жуткие вещи – они что, должны отныне стать смыслом моей жизни? Я так и буду

странствовать по разным местам, вбивая колья в сердца и отрезая головы.

Взгляд Арминия был добрым, но твердым, хотя я чувствовал, что старик не собирается меня принуждать.

– Тебе делать выбор, Абрахам. Борьба с вампирами станет смыслом твоей жизни только в том случае, если ты действительно хочешь освободить душу отца и всех остальных твоих предков. И если хочешь спасти от страшного проклятия своих еще нерожденных детей и все будущие поколения вашего рода.

"Брам, мальчик мой, я хочу, чтобы это проклятие исчезло вместе со мной..."

На меня навалилась чудовищная усталость. Слова Арминия стали последней каплей. У меня подкосились ноги, и я опустился на пол. Я показался сам себе муравьем, смятым и раздавленным громадным камнем, именуемым судьбой. Плохо понимая, что со мной происходит, я начал засыпать прямо здесь, у теплого очага, но Арминий с удивительной легкостью поднял меня и отнес в постель.

Во сне я вновь видел Аркадия и своих далеких предков. Их руки тянулись ко мне, губы шевелились, беззвучно умоляя о помощи.

Глава 19

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

22 декабря 1871 года

Арминий оказался прав. Хотя я больше не притрагивался к его странному зелью, обостренное восприятие и способность управлять аурой у меня сохранились, сделавшись еще сильнее от упражнений, которые я выполнял по указанию старика.

Мои дни и ночи непрерывно сочатся кровью. Иногда мне кажется, что я всю жизнь провел у Арминия в учениках, когда на самом деле со дня нашего знакомства не прошло и месяца. Я сильно устаю и постоянно хочу спать. Это состояние напоминает мне годы учебы в медицинском институте. Там мне тоже приходилось иметь дело с трупами, но тогда у меня в руках был скальпель и прочие медицинские инструменты.

Нынче я путешествую по всей Европе. Иногда какая-то сила (естественно, тут не обходится без Арминия) в мгновение ока переносит меня в ее отдаленные уголки, но чаще я передвигаюсь обычным способом, проводя долгие часы в поездах и дилижансах. Цель всегда одна – охота на "потомство" Влада. Я побывал во многих городах и городках Венгрии, Румынии, Австрии и Германии, однако мало что видел, кроме ночных улиц, кладбищ и склепов. После спасения

каждой потенциальной жертвы от укуса вампира, после того как еще одна вампирская душа обретает покой, я чувствую возрастание своих сил и возможностей.

Я послал маме и Герде весточку, в двух словах попытавшись объяснить причины своего отсутствия. Но разве можно описать на бумаге то, чем я занимаюсь, без риска быть причисленным к сумасшедшим? Мне остается лишь уповать, что мама не примет мое сбивчивое письмо за бред душевнобольного. Увы, я все-таки струсил и не сообщил им, в кого превратился малыш Ян. Я прибегнул к спасительной лжи, написав о смерти нашего малыша. Не поднялась у меня рука и сообщить о судьбе Аркадия и Стефана. Эти печальные новости я расскажу маме сам, когда увижу ее... если, конечно, увижу.

Боюсь, что Герда так и не выбралась из своего ступора. Я все время помню о следах, оставленных Жужанной на ее шее, поэтому знаю, что смерть обернулась бы для Герды не избавлением от мук, а неизмеримо более страшной участью. Я не успокоюсь, пока не освобожу мою дорогую жену и не отомщу за нашего малыша.

* * *

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

9 января 1872 года

Ни сна, ни отдыха. Я коплю силы для сражения с главным

врагом. Хотя с каждым разом мне все легче исполнять этот мрачный ритуал, на душе становится все тяжелее. В пред-рассветные часы (основное время моих расправ с вампирами) у меня едва хватает сил нести мою ношу. Тогда я опускаюсь на колени и мысленно кричу: "Отче, забери от меня чашу сию..."

Но потом кол входит в сердце, освобождаемый мною вампир испускает последний вздох, и душа его благодарит меня, ибо обретает вечный покой.

Justus et pius. Я жесток, но справедлив.

Когда я засыпаю (обычно это происходит в промежутке между восходом солнца и наступлением сумерек), я вижу тревожные сны о своих близких. Мне снятся Стефан, Герда, Аркадий, но чаще всего – малыш Ян. Они зовут ко мне – каждый из своей преисподней – и умоляют о помощи, оказать которую я пока еще не в силах.

Скоро, малыш. Уже совсем скоро.

* * *

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

23 января 1872 года

Я провел почти целый месяц в разъездах по Восточной Европе, и вот наконец вернулся в пристанище Арминия, чтобы отдохнуть и продолжить обучение. Он познакомил меня с древним руководством по вызыванию демонов, которое на-

зывается "Гетия, или Меньший ключ Соломона"²³.

– Усвой, что здесь написано, – сказал мне Арминий, – и ты поймешь природу сделок с дьяволом и то, какими способами Влад поддерживает связь с темными силами.

Но я не могу сосредоточиться на чтении.

Ночью мне приснился мой малыш – не маленький вампир, которого я видел в логове Влада, а прежний Ян с его невинными добрыми глазенками. Но его окружали унылые серые стены замка. Потом сон стал отчетливее, и я понял, что сын жаждет вырваться из цепких когтей любвеобильной Жужанны. Ян протягивал ко мне пухлые ручонки и повторял:

"Папа, приди ко мне! Пожалуйста, папа..."

Поначалу малыш улыбался. Я хорошо знал эту робкую полуулыбку; она появлялась всякий раз, когда он боролся с подступающими слезами. Но чем сильнее сын тянулся ко мне, тем крепче вампириша сжимала его ручонки. Наконец она буквально пригвоздила мальчика к стулу, и он, сознавая свою полную беспомощность, горько разрыдался.

"Папа, приди!"

Жужанна склонилась над малышом, заслонив дальнейшую сцену черным покрывалом своих волос. Я заплакал от отчаяния и бессилия, ибо знал, что происходит за этим покровом Я собственной кожей чувствовал боль Яна, когда ее

²³ На самом деле «Гетия» («Искусство магии») – это первая часть упомянутой книги, состоящей из четырех частей и приписываемой царю Соломону. В этой части рассказывается, как вызывать каждого из семидесяти двух основных демонов и их подручных.

острые зубы вонзились в его нежную детскую шейку.

В следующее мгновение я увидел малыша, стоящего вместе с Жужанной возле холста с изображением Колосажателя. Их освещало колеблющееся пламя свечей. Неожиданно зеленые глаза на портрете ожили и устремили на меня свой надменный взгляд.

Я услышал, презрительный смех, сменившийся пронзительным детским криком:

"Папа, приди!"

Только так он и мог позвать меня – малыш, еще толком не научившийся говорить. Но я понял его сердцем, и оно было готово разорваться.

Я чувствовал: с каждым днем моему сыну все тяжелее в этой страшной западне, и только я способен вызволить его оттуда. Я обязан отправиться за ним. Его плененная младенческая душа взывала ко мне.

Я проснулся с лицом, мокрым от слез. Короткий бесхитростный сон тронул меня до глубины души. Весь день был сомкан – куда бы я ни посмотрел, повсюду мне виделось личико Яна и его ручонки, с мольбой протянутые ко мне. Ночью я почти не сомкнул глаз, а наутро решил поговорить об этом с Арминием. Мы сидели за завтраком, состоявшим из овсяной каши и овечьего молока.

Как всегда, Арминий ответил не сразу и по обыкновению отвел глаза в сторону.

– Вампирам свойственно наведываться во сне к тем, кто в

жизни был им близок и дорог. Чаше – с определенной целью.

Я почувствовал недовольство Арминия, хотя старик не выказал его ни словом, ни жестом.

– А разве ребенок не может просто тосковать по отцу? – спросил я. – Сын нуждается во мне и зовет меня. Сейчас я уже не тот, что был, когда ты нашел меня, замерзающего, в лесу. Я стал гораздо сильнее. Я смогу одолеть Влада и освободить душу сына.

Арминий молча встал из-за стола. Сосредоточенно глядя в огонь, пылавший в очаге, он тихо, но выразительно вздохнул. Он по-прежнему ни в чем меня не обвинял, но я чувствовал, что ему очень не нравятся мои слова. Покорно соглашаться с ним я не собирался и приготовился спорить.

Молчание затягивалось. Наконец Арминий ласково посмотрел на меня и произнес:

– Да, Абрахам, ты стал гораздо сильнее. И все же ты еще недостаточно силен, чтобы справиться с Владом.

– Ошибаешься! – крикнул я.

Снова, как и в том сне, меня захлестнула бессильная ярость. Я стукнул кулаком по столу, расплескав молоко.

– Вот уже два месяца, как я только и делаю, что избавляю Европу от вампирской чумы! И никто из них не превзошел меня силой. Ни один вампир не сбежал от меня. Я потратил на эту охоту два месяца своей жизни! Скажи, сколько мне еще ждать? Сколько?

Арминий поглядел на меня с беспредельным пониманием

и состраданием и сказал в ответ только одно слово:

– Годы.

Не помня себя от злости, я вскочил на ноги и швырнул миску в очаг. Мне почему-то доставило удовольствие видеть, как она ударилась о приступку и разлетелась на множество черепков. Брызги молока и сгустки каши задели ни в чем не повинного Архангела, и тот зарычал, будто обиженный пес.

– Ты хочешь, чтобы я оставил своего сына этим исчадиям ада? Не пришел к нему на помощь, когда он так нуждается во мне? Ты хочешь, чтобы я забыл о нем, отрекся от жены и от своей жизни и до конца своих дней занимался этой ужасной охотой? Год за годом в преисподней – ты это мне предлагаешь? Хватит! Я достаточно силен и не желаю больше ждать. Влад должен быть уничтожен, и немедленно!

Спокойный и сочувственный взгляд карих глаз Арминия, недоумение в белых глазах Архангела погасили мою вспышку. Я глотнул воздуха и, сам того не ожидая, горько зарыдал, сотрясаясь всем телом.

Плюхнувшись на скамью, я спрятал лицо в ладонях и попытался успокоиться. Теплая рука Арминия, коснувшаяся моего плеча, вызвала новый поток слез.

Когда старик заговорил, его голос был по-матерински нежен и одновременно суров, как у мудрого полководца.

– Абрахам, я не зря тебе твержу, что борьба с Владом трудна и опасна. Он и сейчас управляет тобой, причем довольно успешно. Неужели ты этого не чувствуешь? Уничто-

женные тобой вампиры сделали его слабее. Влад забеспокоился о будущем и потому заставил твоего сына пойти на предательство своего отца, с тем чтобы заманить в ловушку.

Гнев, который почти утих во мне, от его последних слов вспыхнул с новой силой. Если бы не его последняя фраза, возможно, я бы прислушался к доводам старика и, возможно, даже согласился бы с ними. Но кто дал Арминию право оскорблять моего ребенка? Я поднялся и зло поглядел на старика сквозь залитые слезами стекла очков.

– Ян – невинное дитя, неспособное предать. И к тому же он – мой сын.

Арминий молча глядел на меня. Я чувствовал, что моя решимость опечалила его. Потом он сокрушенно вздохнул.

– Я не властен над твоей волей, Абрахам. Зло требует, склоняет, подталкивает. Природа добра иная. Если желаешь отправиться в замок, я не стану тебя ни удерживать, ни отговаривать. Но хорошенько запомни: когда ты вернешься, меня здесь может не оказаться.

Он сказал "когда", а не "если". Старик так уверен, что я потерплю неудачу и вернусь к нему, умоляя о помощи? Эта мысль еще больше подлила масла в огонь. Отчаяние, помноженное на усталость последних недель, требовало выхода.

Я почти бегом направился к постели и собрал свои нехитрые пожитки. Как и в то утро, когда я не пожелал слушать маминых призывов к бегству из Амстердама и ушел, оставив их со Стефаном на кухне, я покинул жилище Арминия,

хлопнув дверью и даже не попрощавшись с ним.

Глава 20

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Надев плащ и взяв саквояж с лекарствами и "орудиями милосердия", я пошел в сарай, где Арминий держал овец и кур. Там же нашли себе пристанище и две мои лошадки вместе с коляской. Но я решил ехать верхом. Последнюю неделю стояла необычно теплая погода, и снег по большей части успел растаять, однако на горных перевалах он превратился в опасную ледяную корку. Седла в хозяйстве Арминия не было, поэтому я свернул в несколько слоев дорожный плед и, как мог аккуратно, пристроил на спине лошади.

По глупости своей я не взял в дорогу ни пищи, ни даже воды. Помня нашу поездку с Аркадием, я был уверен, что доберусь до замка через два-три часа. К моему удивлению, я ехал все утро, весь день и часть вечера. Когда я добрался до ущелья Борго и увидел заснеженную вершину Иштен Сек (в переводе с венгерского это означает "Божий престол"), солнце уже садилось.

Я продолжал свой путь и к окрестностям замка подъехал только поздним вечером. Позабывшись о том, чтобы никто не почуял моего присутствия, я направился не в замок, а в дом, который видел во сне (или это было видение?) в ночь своего чудесного спасения.

Лунный свет заливал холм, на котором уже почти растаял снег и теперь торчали ключья прошлогодней травы. На севере высилась громада замка. Угрюмо чернеющие силуэты стен и башен съедали изрядный кусок темно-синего неба, гася собой звезды.

Дом моих предков. Входя в него, я испытал душевный трепет и почувствовал свой долг перед ними. Все пространство внутри было наполнено призраками, жаждущими покоя и не находящими его. Отовсюду слышался их шепот. Темнота сделалась для меня невыносимой, и я зажег свечи и несколько ламп. Теперь глаза предков глядели на меня с портретов, умоляя избавиться от мучений.

Имел ли я право отвернуться от их просьб? Ведь в числе этих несчастных были и Аркадий, и мой малыш.

Потом, взяв лампу и саквояж, я поднялся по лестнице в детскую – комнатку с хрупкими гирляндами высохших цветков чеснока возле окна и пустой колыбелью. На стене висела маленькая православная икона Георгия-Победоносца, убивающего копьем дракона. Я зажег перед нею тонкую восковую свечку и прошептал молитву, которую запомнил, читая мамин дневник: "Святой Георгий, спаси нас..."

Увы, я не мог отделаться от ощущения, что молюсь самому себе.

В замок я отправился утром. Над головой синело безоблачное небо. Было очень холодно. Я принял все меры предосторожности: надлежащим образом подготовил разум и глубоко спрятал ауру, чтобы сам дьявол не учуял ни моего дыхания, ни звука шагов, ни запаха теплой, живой крови. Путь до замка я проделал верхом и, пока ехал, старался не вспоминать то единственное слово, произнесенное Арминием, – слово, которое и сейчас могло свести на нет всю мою тщательную подготовку, ибо наполняло душу гневом и отчаянием: «Годы».

Я не сомневался, что мне по силам уничтожить Влада, и сама мысль о беспросветных годах охоты на вампиров раздувала угли ярости.

Тогда я попытался сосредоточиться на красотах природы. Вдалеке под утренним солнцем блестели белые вершины Карпатских гор. Казалось, они упираются в небо. Для человека, привыкшего к унылым низинам голландских полей, зрелище было воистину захватывающим. Вчера, при лунном свете, все выглядело гораздо более угрюмо. Зато сегодня взгляд наслаждался яркой зеленью хвойных лесов, покрывавших холмы и отроги гор. Такого обилия деревьев я еще никогда не видел. Леса в основном были сосновыми, а дом и замок окружали фруктовые сады. Я представил, какой

дурманящий аромат разливается здесь весной, когда деревья начинают цвести.

Дальше, на высоте, оставалось лишь два цвета: ярко-синий и белый. Можно было подумать, что находишься где-то в Швейцарских Альпах, пока взгляд не наталкивался на зловещие серые башни замка. Волшебство сразу же исчезало, и глаза замечали широкую тень от логова Влада, накрывавшую собой изрядный кусок земли.

Вскоре я подъехал к главным воротам замка. Эта рукотворная скала была возведена на другой скале – крутом утесе, с трех сторон окруженном пропастью. Сосны, росшие внизу, казались игрушечными, а долины растворялись в сумраке. Вдали белели вершины самых высоких гор Карпатской гряды²⁴. А передо мною была неприступная крепость, внутри которой обитало величайшее в мире зло.

Как и в первый раз, я вошел внутрь через боковую дверь и достаточно быстро добрался до страшного "тронного зала". От трагедии, разразившейся здесь два месяца назад, не осталось никаких следов. Тела несчастной старухи, Аркадия и Стефана исчезли. Внешне ничего не напоминало о яростной схватке, произошедшей в "тронном зале". Почти ничего, только на полу, где умер Стефан, осталось бурое пятно.

Увидев его, я не поддался эмоциям и усилием воли подавил все тягостные воспоминания. Скорбеть по брату я буду

²⁴ Карпаты состоят не из одной, а из нескольких горных цепей. В данном случае автор имеет в виду гряду Восточных Карпат.

позже, а сейчас мне нужно, скрепя сердце, сделать то, ради чего я сюда явился. Думаю, Стефан целиком поддержал бы меня.

Быстро и бесшумно я направился к двери, откуда в прошлый раз Жужанна вынесла моего малыша. Дверь была полуоткрыта, словно приглашая войти.

Я последовал приглашению, не испытывая ни страха, ни сомнений. Все мои мысли были сосредоточены на поддержании надлежащего уровня защиты. И все же я оказался неподготовленным к ожидавшему меня зрелищу.

Комната была совсем небольшой, без окон. Возле дальней стены находился алтарь, покрытый черной тканью. Его освещала единственная свеча, тоже черная. Перед ней стояла золотая чаша и лежал круглый медальон с выгравированной пятиконечной звездой.

От алтаря исходили невидимые волны зла, заставившие меня вздрогнуть. Такой ауры, как вокруг него, я не ощущал никогда. Я бы назвал ее аурой абсолютной тьмы. Она не давала никакого, даже слабого сияния, а, наоборот, поглощала все, что ее окружало: свет, любовь, жизнь.

Неподалеку от алтаря на полу стояли два гроба, оба черные, но разных размеров. Тот, что побольше, накрывало знамя с вышитым на нем летящим драконом. Темно-синее сияние, окружавшее гробы, было мне хорошо знакомо: аура вампиров. Однако аура вокруг меньшего гроба мерцала значительно слабее. Сияние же вокруг большого по силе и блес-

ку было вполне сравнимо со светом заходящего солнца.

Стоя возле гробов, я вспомнил предостережение Арминия. Может, правильнее будет не пытаться сейчас уничтожить Влада и ограничиться только спасением Яна? Или рискнуть, зная, что гибель Влада освободит и моего малыша, не причинив ему дополнительных страданий?

Голос сердца – сердца отца – оказался сильнее доводов рассудка.

Я осторожно поставил на пол саквояж и извлек кол и молоток. Взяв кол в одну руку, а молоток в другую, я мысленно сосредоточился на силе креста, висевшего у меня на шее. Потом поднял крышку гроба.

Внутри лежал Влад: совершенно седой, бледный, без малейших следов былого обаяния. Поседели даже его кустистые брови, а уши заметно заострились. Ярко-красные губы стали бледно-розовыми. Рот Влада был слегка открыт, обнажая острые желтые зубы старого хищника. Наконец-то я увидел истинный облик самого опытного и коварного вампира.

У него на груди сладко спал мой малыш.

Я дрогнул, готовый уже опустить кол, швырнуть его на пол и отступить. Но память о страданиях Аркадия и Стефана, сон, в котором Ян умолял о помощи, заставили меня крепче сжать "орудие милосердия". Я максимально усилил свою защиту, а потом... Я собрал все свое мужество, всю решимость, изгнав непрощенные мысли о сострадании и родственной любви. Подняв кол (он был размером с моего бедного

малыша!), я приставил его к сердцу спящего ребенка.

Какой дивный малыш. Золотые кудряшки, нежная, гладкая, без единой морщинки кожа. От бабушки он унаследовал эти веки с синеватыми прожилками, а лицом пошел в Герду...

"Папа, приди! Пожалуйста, папа!"

Невозможно передать ужас того мгновения, когда я взмахнул молотком и с силой ударил по колу. Удар был быстрым и преследовал в высшей степени милосердную цель, однако нет слов... никакими словами не опишешь, какие муки переживает отец, вынужденный проделывать все это с собственным сыном. Ян был моим Исааком, которого я приносил в жертву. Но на этот раз Господь не вмешался и не отвел моей руки²⁵.

Кол глубоко вонзился в тельце моего малыша, но моей силы не хватило, чтобы одновременно пробить и сердце того, кто прежде всех остальных был достоин такой смерти.

Ян пронзительно закричал. Его крик не был ни детским, ни вообще человеческим. Потом он открыл глаза, полные ужаса и гнева. Я не узнал его глаз и понял, что от прежнего Яна осталась лишь внешняя оболочка, а сущность его целиком подвластна силам зла. И все равно я скорбел о гибели сына. Невзирая на все предосторожности, вопреки мое-

²⁵ Аналогия с библейским повествованием об Аврааме, который, не колеблясь, был готов исполнить Божью волю и принести в жертву своего единственного сына Исаака.

му отчаянному стремлению не поддаваться горестным чувствам, я больше не мог сдерживаться и громко зарыдал, глядя на извивающуюся тельце ребенка и его перекошенное злобой личико.

Неожиданно Ян затих. С его лица сошла злобная гримаса. Я увидел обыкновенное детское лицо, бледное, но милое. Буря завершилась, тучи рассеялись, и его душу осветил солнечный луч. Широко открыв голубые детские глазенки, малыш отошел в вечность.

Его умиротворенность придала мне сил. Я взмахнул молотом, чтобы нанести второй удар. Мне казалось, вся преисподняя содрогнется, когда кол пронзит сердце Влада.

Что-то обжигающе холодное обхватило мое запястье. Рука Влада! Повернув голову, я увидел его глаза: умные, хитрые, требующие покориться его воле.

"Иди к нам, Стефан..."

Его мощная темно-синяя аура силилась поглотить мою. Молоток полетел вниз, чиркнув металлом по каменному полу. Еще немного, и Влад сломает мне руку. Я инстинктивно стал защищать сердце, вынужденный все ниже и ниже наклоняться над вампиром. В какой-то момент распятие оказалось совсем рядом с его лицом. Выпустив мою руку, Влад, словно ошпаренный, выпрыгнул из гроба. Я отлетел назад; тельце моего бедного малыша упало рядом.

Я порылся в саквояже, затем склонился над Яном, чтобы завершить печальный ритуал освобождения души. Влад

приблизился ко мне, простер руки и произнес знакомым голосом Аркадия:

– Стефан, дитя мое, взгляни на меня.

Я игнорировал его призыв и потянулся за ножом. Но едва я его вытащил, как из меньшего гроба послышался душераздирающий крик. От сильнейшего толчка изнутри его крышка отлетела в сторону на несколько футов.

Подобно всем бедам мира, вырвавшимся из ящика Пандоры, из гроба выпрыгнула Жужанна. Ее черные волосы заметно поседели на висках. Она была похожа на увядающую розу, еще красивую, но начавшую терять лепестки. Тело Жужанны исхудало, утратив женственность, а лицо вытянулось и постарело. На щеках начали появляться морщины. Карие, с золотым отливом, глаза стали красными, как у ночного хищника, попавшего в полосу света.

Увидев Яна с безжизненно раскинутыми ручонками и торчащим из груди колом, Жужанна взвыла. Я сразу же вспомнил, как выла Герда в тот страшный вечер. Яростно сверкая глазами, вампирша взмахнула рукой, рассекая воздух.

Я принял это за жест отчаяния, поскольку был уверен, что крест не подпустит ее ко мне. Но буквально в следующее мгновение порыв ветра поднял меня с колен и швырнул на каменную стену.

Такой удар вполне мог сломать мне ребра и проломить череп. Во всяком случае, он выбил из моей головы все мысли.

Я соскользнул на пол и распластался на холодных каменных плитах, словно тряпичная кукла. Грудь сдавило резкой болью, и мне сразу стало тяжело дышать. Закрыв глаза, я стал усиливать защиту вокруг сердца. Я понимал: нужно любой ценой встать на ноги.

– Убийца! – громко закричала Жужанна. – Ты убил моего ребенка! Ты заплатишь мне сполна!

Ее слова, прорвавшись ко мне сквозь боль и полуобморочное состояние, настолько разозлили меня, что я открыл глаза и прошептал (на большее не хватало сил):

– Он никогда не был твоим. Никогда! И твоя жизнь на самом деле не твоя. Ты крадешь ее у своих жертв!

Однако разъяренная Жужанна не слышала моих слов. Глядя в сторону двери, она крикнула:

– Убей его! Убей! Он лишил меня ребенка!

Обернувшись, я увидел ту самую женщину в крестьянской одежде – виновницу гибели Аркадия. Я сразу понял, что явилось причиной ее чудесного исцеления. Одежда на ней была все та же, но облик волшебным образом изменился: черты лица стали неестественно правильными, фигура приобрела необычайную соблазнительность, а сама она – свойственное вампирам обаяние. Черные, с рыжеватым оттенком волосы теперь сияли, будто на них падал свет заходящего солнца. По приказу хозяйки служанка подняла руку, собираясь так же, на расстоянии, обрушить на меня свою мощь.

Я чувствовал, что просто не выдержу второго удара, осо-

бенно если они нанесут его одновременно. Но прежде чем вампирши успели меня атаковать, пространство комнаты содряс громкий голос Влада:

– Только троньте его, и вам конец!

Теперь уже не я, а Жужанна отлетела к стене. При внешней хрупкости Влад оставался чудовищно сильным. Удар, который наверняка убил бы любого смертного, сопровождался треском камней и отвратительным хрустом. Жужанна сползла на пол и повалилась лицом вниз. В стене чернела трещина с рваными краями, будто туда попала молния.

Я было подумал, что у вампирши перебит позвоночник. Но Жужанна, взмахнув гривой волос, повернула ко мне перекосенное от ярости лицо.

– Клянусь тебе, – прошипела она, обнажив ряд острых нижних зубов. – Ты даже не представляешь, как дорого тебе придется заплатить. Я буду наслаждаться каждой минутой твоих страданий, я буду смотреть, как гниет и разлагается твоя душа. А когда она попадет в ад, где теперь корчится душа Аркадия, вот уж я повеселюсь!

– Замолчи! – рявкнул Влад.

Его гнев мгновенно затмил угрозы Жужанны, как полуденное солнце затмевает дрожащее пламя свечи.

– У меня к тебе, Жужа, было всего одно требование. Помнишь, какое? Никогда не причинять ему вреда, не говорить о нем дурно и не привносить страданий в его жизнь. И как ты выполнила мое требование? К чему привело твое свое-

волие? Его сын для нас потерян, и теперь мы сами должны расплачиваться!

Жужанна послушно затихла и отвернулась.

Пока Владу было не до меня, я с трудом поднялся на колени и подполз к телу Яна. Колосажатель стоял совсем рядом. Малыш лежал позади моего саквояжа, бледный и тихий. Удивительно, что и он не пострадал от удара, вырвавшего его из моих рук. Если бы не душа Аркадия и не судьба всех прошлых и будущих поколений, уповавших на мою помощь, я бы капитулировал перед вампирами. Я бы уступил им с единственным требованием – позволить мне прежде упокоить душу сына.

Пока я, морщась от боли, втягивал в себя воздух, голос Влада неожиданно стал теплым, нежным и, не скрою, очень приятным для слуха, будто соловьиные трели тихим летним вечером.

– Абрахам, – сказал он, впервые признавая меня тем, кем я стал. – Твой сын еще не доконца мертв. Я способен оживить малыша. И я охотно это сделаю, если ты окажешь мне одну пустяковую услугу. Подойди ко мне. Давай совершим ритуал, и вы с малышом немедленно вернетесь домой.

Я вдруг услышал голос Аркадия; знакомые интонации настолько взволновали меня, что я забыл о бдительности и встретился с Колосажателем взглядом. Его внешность преобразилась – он стал до боли похож на Аркадия. Я как будто снова увидел своего настоящего отца, с которым толком не

успел познакомиться.

Но все же уроки Арминия не пропали даром. Я укрепил защитное сияние вокруг сердца, потом несколько раз моргнул и различил за призрачным отцовским обликом циничные черты лица Колосажателя. Я ощупью засунул руку в саквояж и достал нож.

– Довольно страданий, – продолжал Влад, и вновь передо мной появились добрые, любящие глаза Аркадия. – Довольно, дорогой мой Брам! Неужели ты хочешь потерять в жизни все? Погибнуть сам, погубить жену, сына? Это же нелепо! Убери с шеи крест и дай мне ребенка. Я оживлю его и верну тебе счастливую жизнь. Я прошу так немного: соверши со мной ритуал, и все у тебя пойдет по-старому. Ребенок вернется домой, к матери, и радость мгновенно ее исцелит. Ты достаточно настрадался... Взгляни на сына, Брам! Посмотри, что ты сделал со своим первенцем, с родной кровью! Как жестоко ты искалечил его хрупкое младенческое тельце! Что за помутнение рассудка могло заставить отца так надругаться над собственным сыном? Что ты выберешь: оставишь его бездыханным трупом или позволишь мне вернуть ему радость жизни?

Я из последних сил оборонял сердце.

– Брам, отбрось крест. Я прошу тебя о таком пустяке. Твоя жизнь наполнена беспросветной тьмой. Я вновь верну в нее яркий свет дня, и ты наконец-то обретешь покой рядом с женой и сыном.

Его слова вонзались в меня глубже любого ножа. Я смотрел на труп сына. Волна горя затопила мою душу, и я опасался, что она в любой момент может смести последние остатки моей защиты. Аура Влада большим чернильным пятном окружила меня, подавляя и гася мою.

Я закрыл глаза, пряча под веками слезы. Я никогда еще не испытывал такого отчаяния. Оно было вне пространства и времени, вне реальности; оно прорываю завесу, отделяющую землю от небес. Я мысленно кричал... нет, я молился, взывая к Арминию, Аркадию, ко всем минувшим и будущим поколениям:

"Помогите!"

То ли предки услышали меня, то ли молитва привела мне на помощь мою же душу, – этого я не знаю. Но произошло алхимическое действие: подобно превращению груды хлама в благородное золото, мое отчаяние трансмутировалось в закаленную сталь безгранично сильной воли. Физически я был крайне слаб, каждый вдох отзывался во мне острой болью, а в легких ощущалась влажная тяжесть. Возможно, они были ушиблены или даже пробиты осколками костей. Если мне и удастся беспрепятственно выбраться из замка, я свалюсь где-нибудь по дороге.

Но как ни странно, у меня хватило сил поднять с пола тело Яна и кое-как встать на ноги. Мертвый малыш оказался тяжелее, чем был при жизни.

Влад сохранял облик Аркадия и говорил его голосом, но

теперь я видел за внешним фасадом уродливое чудовище.

– Брам, – льстиво продолжал он, – отдай мне малыша.

Не отвечая ему, я заковылял к выходу, пройдя всего в паре шагов от вампирши Дуни (она не осмелилась ни преградить мне путь, ни встретиться глазами с хозяином). Я выбрался в "тронный зал". Влад двигался следом, продолжая свои елейные речи:

– Мне нравится твое упрямство, Брам. Но ты очень устал и ослаб. Твои страдания никому не нужны. Освободись от тяжелой ноши...

Сила воли и решимость – только они управляли моими ногами. Я прошел мимо орудий пыток, мимо трона и наконец выбрался в узкий коридор, ведущий к лестнице. Я брел, опираясь о стену. Кол, торчавший из тельца Яна, царапал камень, оставляя светящийся след.

Пока я шел, боль и головокружение заметно усилились, однако я не мог позволить себе роскошь растянуться на полу и погрузиться в забытие. Я чувствовал: если только остановлюсь, то уже никогда не выберусь из замка. Выйдя на лестницу, я вдруг увидел Аркадия. Он стоял на площадке и протягивал ко мне руки.

"Абрахам, сын мой, ты так устал. Отдай мне твою ношу..."

У меня мелькнул проблеск надежды: вдруг Аркадий каким-то образом выжил и теперь явился мне на помощь? Увы! Моргнув, я сразу же понял, что это – очередная иллюзия, созданная Владом Я вновь стал молиться Арминию и

предкам. Как и в первый раз, ответом был прилив сил.

Морщась от боли, я переложил тело сына в левую руку, а правой поднял над головой распятие. Боль и стремление выбраться из замка полностью заслонили страх. Я не остановился перед противником, а продолжал идти, готовый, если понадобится, коснуться распятием его тела.

Я действительно намеревался испробовать силу креста, прикоснувшись им к вампиру. Нас разделяло не более фута. Я уже ощущал его зловонное дыхание. И вдруг Влад отступил.

Я пошел дальше, с каждым шагом слабея телом, но становясь все решительнее. Впереди уже сиял прямоугольник света (дверь я предусмотрительно оставил открытой). Мне оставалось сделать всего несколько шагов. Торжествуя, я из последних сил устремился к двери, радуясь живым лучам солнца.

Внезапный порыв ветра захлопнул тяжелую створку, и железный засов с лязгом вошел в паз.

– Положи свою ношу, Абрахам, – мягко, но требовательно произнес Влад. – Смирись с неизбежным и отдохни.

Вычерпывая из себя остатки сил, я добрал до двери и, не выпуская Яна из рук, припал лбом к холодному дереву. Я пытался переложить крест в левую руку, чтобы правой отодвинуть засов, и не мог. Колени подгибались. Я ловил ртом воздух, одновременно морщась от боли.

На костлявом лице Влада играла кривая ухмылка. Маска-

рад ему больше не требовался – я и так был выжат до предела. Я попытался поднять руку с крестом, но мои руки окаменели. Одна мысль согревала меня надеждой: возможно, я умираю, и если это так, то моя смерть уничтожит Влада.

Колосажатель был прав: я жаждал тишины и покоя. Как сладостно разом отринуть все: чувства, радость, боль, любовь, ненависть. Прекратить всякое сопротивление... Достаточно лишь закрыть глаза и покориться пустоте.

Так я и сделал. Но в наступившей тьме вспыхнул свет. Ко мне кто-то приближался. Это был Арминий. Его волосы и борода сияли. Облик старика ничуть не изменился, однако я впервые заметил, до чего же он похож на Аркадия – бессмертного, но вызволенного из ада.

"Поднимайся, Абрахам. Встань и спаси сына. Спаси всех нас".

Сама мысль о движении заставила меня вздохнуть, что мгновенно отозвалось резкой болью во всем теле. Я открыл глаза и сразу же увидел тело сына. Влад стоял совсем рядом, готовясь вырвать у меня малыша.

Я ухватился за рукоятку задвижки, встал, потом рывком отодвинул ее и наконец широко распахнул дверь.

Внутри хлынули яркие солнечные лучи, напоив меня теплом и осветив мрачный вестибюль древнего замка и застывшего как изваяние Влада.

Он негромко вскрикнул и отступил. Воспользовавшись его замешательством, я захлопнул дверь и запечатал ее кус-

ком священной облатки, затем подхватил тело сына и, шатаясь, двинулся прочь от мрачного замка в сияющий красками жизни мир.

Глава 21

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА АБРАХАМА ВАН-ХЕЛЬСИНГА

Не знаю, каким чудом я сумел вместе с телом Яна вскарабкаться на лошадь и проделать мучительно долгий путь до жилища Арминия, не потеряв по дороге сознания и не свалившись на обледенелую землю. Знаю только, что под конец путешествия я находился на грани между жизнью и смертью и, если бы не необходимость завершить печальный ритуал, чтобы освободить душу сына, я бы перешел эту грань.

Когда я въехал в укромную долину, где стоял дом Арминия, день успел погаснуть. Я слез с лошади и положил тело малыша на мягкое ложе из опавшей хвои. Под оранжево-красными лучами заходящего солнца я завершил ритуал освобождения. Сил на погребение сына у меня уже не было, и я решил попросить Арминия мне помочь.

Меня встретил пустой дом и холодные угли очагов. Но несмотря на очевидную безнадежность, я все продолжал громко звать Арминия. Затем, окончательно отчаявшись, стал призывать Архангела. Единственным ответом было эхо, повторявшее мой хриплый, иступленный голос.

Я понял, что погребение придется отложить до утра. Последние капли сил я потратил на то, чтобы разжечь очаг, возле которого свалился и заснул. Утром я набрал дров из по-

ленницы, сложил костер и предал огню останки моего малыша. Я смотрел, как вместе с темным дымом к небесам устремляется чистая душа Яна.

* * *

Эти строки я пишу, сидя возле очага. Я должен запечатлеть на бумаге каждую мелочь, поскольку уверен, что в будущем эти записи мне очень пригодятся.

Я решил провести здесь несколько дней, чтобы восстановить силы. Во мне теплится надежда, что Арминий вернется, но интуиция утверждает обратное. Старик не зря предупредил меня тогда. Если он не появится, я возьму "Меньший ключ Соломона" и еще несколько книг и отправлюсь в Голландию. Я намерен вернуться домой, хотя и знаю, что моя прежняя жизнь окончилась навсегда.

Я смотрю на пламя и в его языках без всякой магии вижу свое будущее. Я оказался на развилке двух дорог.

Первая – та, что я отверг, ведущая к жизни любящего и любимого семьянина, окруженного детьми и заботой счастливой и верной жены, с которой он шагает рука об руку, отсчитывая годы. Жизнь, где есть смех и слезы, споры, обидные слова и слова примирения; жизнь, где меня ждали бы десять тысяч утренних поцелуев и еще десять тысяч на сон грядущий, где иногда я бы в сердцах хлопал дверью, а потом нехотя просил прощения. Жизнь, где дети незаметно выра-

тают, и ты гордишься ими и радуешься, что у них появляются свои семьи. А потом – звонкий смех внуков и сознание, что жизнь прожита не зря. Покойная старость и такой же покойный отход в мир иной... Все это могло бы стать моей жизнью.

Но ради тех, кого я люблю, ради тех, кого не знал и не узнаю, я не имею права избрать эту дорогу. У меня совсем другая судьба.

Меня ждет одинокая жизнь, лишенная женской любви и детского смеха (пока Влад жив, моему потомству будет грозить опасность). Меня ждут десять тысяч дней, проведенных среди угрюмой тишины кладбищ в охоте за "потомством" Влада. Десять тысяч ночей я проведу в трущобах чужих городов, спасая незнакомых людей все от того же "потомства".

Возможно, мне понадобится не один десяток лет, прежде чем я обрету силы для завершающего сражения.

Я без колебаний избираю этот путь, на который еще не ступала нога человека. Я пойду по нему, чтобы жизненные дороги других людей были прямыми и безопасными, а их сны не наполняли кошмары. Это единственная возможность спасти моих близких, чья кровь взывает ко мне, стекая с рук Колосажателя.

Justus et pius.

Я отомщу за всех.

Эпилог

ДНЕВНИК МЕРИ ЦЕПЕШ-ВАН-ХЕЛЬСИНГ

13 февраля 1872 года

Наконец Брам вернулся...

Казалось бы, я должна испытывать несказанную радость. Все страхи остались позади. Сын, с которым было сопряжено столько опасностей и ради которого принесено столько жертв, опять рядом со мною.

Но какой ценой куплено все это? Какой невыносимой ценой?

Герда давно уже обосновалась в моей спальне. Я боюсь оставлять ее одну, особенно по ночам. Часто в самую глухую полночную пору меня будит ее звонкий смех. У меня начинает колотиться сердце. Я сажусь на постели и слушаю. Этот голос мне хорошо знаком, и принадлежит он не Герде, а сестре Аркадия. Иногда в голосе Жужанны слышится раздражение, а бывает, она начинает сердито кричать.

Я знаю, на кого она кричит. На *него*. Он продолжает ходить по земле. Сколько ночей я лежала в темноте и тихо плакала, напрасно ожидая услышать хоть что-то о своих близких.

Чуть более двух недель назад Герда вдруг вскочила с постели и страшно закричала голосом Жужанны.

Я мгновенно проснулась. Герда стояла посреди спальни.

Белая ночная рубашка делала ее похожей на призрака. Она обхватила голову руками, широко расставив локти. На бледном лице двумя бездонными колодцами темнели ее глаза.

– Убийца! Ты убил моего ребенка! Ты заплатишь мне сполна!

Герда упала на колени и зарыдала. Сквозь всхлипывания прорывались слова:

– Ян... Ян... милый мой малыш...

Я слушала, оцепенев от ужаса. Сначала меня прошиб пот, затем, невзирая на теплое одеяло, я затряслась от холода. Стенания Герды не прекращались. Они разрывали мне сердце. Я больше не могла оставаться в постели и, спешно нацепив шерстяные носки, ступила на холодный пол и опустилась рядом с Гердой.

– Герда, дорогая, кто убил Яна? Кто? Я должна знать.

Она меня не слышала. Взяв Герду за подбородок, я приподняла ее лицо. Глаза невестки бессмысленно блуждали, губы шевелились, но из них не вырывалось ни звука. Она вернулась в свое обычное состояние.

Из письма Брама я уже знала о смерти внука. Теперь я хотела знать имя убийцы. В письме об этом не было ни строчки, не было там ничего и о судьбе Стефана. И сейчас, скорбя о гибели своего единственного внука, я одновременно тешила себя надеждой: если Брам не написал про смерть брата, вдруг Стефан жив...

Через какое-то время горе уступило место ярости. Я не

сомневалась: это Влад повинен в смерти нашего ангелочка. Мой гнев вспыхнул еще сильнее.

– Герда, ты мне должна ответить! Слышишь? Кто убил Яна? Кто? Говори! – потребовала я.

Мое неистовство возымело действие. В глазах Герды что-то мелькнуло, и она тихо прошептала:

– Абрахам.

Я попятилась, словно меня толкнули в грудь, и села на постель.

Нет, Брам не мог убить собственное дитя. Даже сейчас, мучаясь от неизвестности, я в этом не сомневалась. Но Жужанна почему-то считает моего сына убийцей. И если несчастный малютка погиб до того, как Брам отправил мне письмо, почему Жужанна оплакивает смерть Яна только сейчас?

Единственно возможный ответ ужасал своей очевидностью. Я увидела его в глазах Брама. За пять дней до этого я получила от него письмо из Венгрии, в котором он сообщал, что едет домой.

Позавчера я, как обычно, сидела в спальне (Герда тихо спала рядом) и смотрела в мерцающие угли очага. На душе было тяжело. Вечер этот странным образом напоминал мне другой, когда три месяца назад в мою жизнь вернулся Аркадий.

Меня отвлек настойчивый стук в дверь спальни. Я застыла, и через несколько секунд стук повторился. Я схватилась

за сердце. Следом явилась тревожная мысль: почему этому стуку не предшествовали шаги в коридоре и на лестнице? Но так стучать мог только один человек – Брам. Я вскочила, бросилась к двери и распахнула ее.

На пороге стоял Абрахам. На мгновение мне показалось, что мрачное прошлое никогда не врывалось в жизнь нашей семьи и сын просто вернулся после дежурства в больнице.

Конечно же, это был мой сын и в то же время совершенно незнакомый человек. Я протянула к нему руки, но испуганно опустила их, не решившись его обнять. Передо мной, безусловно, был Абрахам: за толстыми стеклами очков скрывались родные голубые глаза. И волосы тоже были мне до боли знакомы: светлые с легким рыжеватым оттенком.

Да, внешне он почти не изменился, но вот внутренне... Я чувствовала исходящую от него громадную силу, беспредельную печаль в его сердце и окружающий его ореол какой-то тайны. В голубых глазах, вместо детской восторженной влюбленности в мир, появилась незнакомая мне жесткость.

– Мама, – произнес он.

Голос Брама тоже изменился. Он принадлежал человеку сильному и даже властному, но невероятно уставшему. Впрочем, человеку ли?

"Вампир! – кольнула меня страшная догадка. – Вампир или их жертва, разделившая участь несчастной Герды".

Разум тут же опроверг мою догадку. Вампир явился бы ко

мне обаятельным и полным сил. Не было бы ни усталости, ни морщин, избороздивших лицо сына и безвременно состаривших его. Я коснулась пальцами его лица. Теплое! Он понял меня без слов и слегка улыbnулся.

Я взяла Брама за руку, она тоже была по-человечески теплой.

– Брам, – начала я и осеклась.

Я понимала, что должна была бы встретить сына совсем не так, а вместо этого вглядывалась в его глаза, пытаюсь уловить хоть искорку надежды. Я слишком долго томилась в неизвестности о судьбе других, столь же близких мне людей.

– Ты написал нам про Яна. А где Стефан? Что с Аркадием?

Брам отвел глаза и тяжело вздохнул. Мне все стало ясно без слов; в молчании сына я услышала всю страшную правду. Я застонала и тут услышала его негромкий ответ:

– Они мертвы. Оба. А Влад по-прежнему жив.

Хватит ли у меня сил, чтобы оплакать все утраты?

Аркадий, дорогой мой, почему я вместо тебя не попала в ад? Почему мне была уготована изощренная пытка: жить, сознавая, что твоя душа незаслуженно страдает в преисподней, а это чудовище продолжает топтать землю и высасывать кровь из невинных жертв? Не кто иной, как я обрекла тебя на муки, но все оказалось напрасным. Мы не уберегли нашего сына от когтей Колосажателя.

А какими слезами мне оплакать исчезновение прежнего

Абрахама – веселого, добродушного, у которого не было от меня секретов? Да, сын вернулся, он со мною рядом, однако я не узнаю его. В любое время суток он может встать и отправиться неизвестно куда. Дома Брам запирается в кабинете и часами просиживает над какими-то странными манускриптами. Говорит он мало, а о Трансильвании – вообще ни слова. Но даже в те редкие минуты, когда мы беседуем, я вижу его отсутствующий взгляд. Он по-прежнему там, где томятся души Аркадия Стефана, маленького Яна, где многие поколения его предков зывают к нему о помощи.

Брам вернулся, но для меня он потерян, словно Влад еще тогда, в первый день жизни сына, вырвал его из моих рук...

Благодарности

Без помощи этих людей моя книга ни за что не появилась бы на свет такой, какая она есть. Называю их имена.

Джордж – мой дорогой и любимый муж, чью нежную руку я ощущала всякий раз, когда творческий процесс заходил в тупик. Джордж находил превосходные правополушарные решения для всех моих левополушарных проблем. Без его эрудиции, терпения, неиссякаемой любви и чувства юмора, способного довести до белого каления, жизнь не была бы столь прекрасна и удивительна.

Лита – моя двоюродная сестра и писательница, чей талант по яркости сравним со сверхновой. Я недостойна даже сдувать пыль с самых первых набросков ее произведений. Огромнейшее тебе спасибо, Лита, за твои вспышки озарения, в немалой степени оживившие ход повествования, а также за удивительную концовку, которую я вряд ли придумала бы без твоей помощи.

Кэтти О'Малли – моя дорогая подруга, спасибо тебе, Кэт, за твою постоянную любовь, поддержку и мудрые советы.

Кристин Кайсер – мой редактор. Благодарю тебя, Кристин, за уживчивость, ибо ладить с такой персоной, как я, весьма непросто. Спасибо и за твое ангельское терпение, и за гору черновой, неблагодарной работы, которую тебе пришлось проделать. Обещаю, что следующую книгу тебе не

придется выцарапывать у меня в последнюю минуту.

Джинн Кавелос – еще один мой редактор. Спасибо, моя дорогая "злая тетка", за все твои комментарии и вдохновение.

Рассел Гален – мой литературный агент. Я очень признательна тебе, Расс, за то, что в трудную минуту ты всегда оказывался рядом и своим безупречным профессионализмом приводил меня в чувство вне зависимости от того, в какие бы дикие и бредовые бездны меня ни заносило.

Рене Мартинес – моя подруга и ведущая семинаров. Спасибо, Рене, за все наши долгие и не всегда приятные дебаты и за идеи, что ты так щедро предлагала, а я с энтузиазмом воровала у тебя...

Сюза Франсина – моя подруга и вечно улыбающаяся йогиня, которая снабдила меня множеством полезных сведений, касающихся Голландии и голландского языка. Спасибо тебе также за уроки йоги – они чудесным образом облегчали мои страдания, вызванные бесконечным сидением за компьютером.

Считаю своим долгом поблагодарить Ралу Флореску и Раймонда Т. Макнелли, чья книга "Многоликий граф Дракула" явилась для меня очень ценным подспорьем в создании романов о династии Дракул.

Но перед кем я в самом большом долгу – так это перед моей замечательной матерью. Ее терпение, великодушие, любовь и вера служили надежным маяком посреди любых жи-

тейских невзгод для всей нашей семьи.